

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

ISSN 1997–2857 (Print)
ISSN 2076–8575 (Online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство Федеральной службы
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС 77 73382
от 17.08.2018

№ 3 (69) 2024

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-3>

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

- Вострецов Ю.Е., Артёмкин Р.А.** Хозяйственная адаптация населения палеометалла на памятнике Клерк-5 в Приморье.....5
- Сулейманов А.А.** Использование населением Якутии криогенных ресурсов для получения питьевой воды: значение, особенности заготовки и хранения на современном этапе.....18

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

- Азаревич В.К.** Политический надзор за Владивостокской крепостью и Сибирской флотилией (1905–1917 гг.).....28
- Заколотная А.С.** Формирование и профессиональная деятельность адвокатуры на Дальнем Востоке России в дореволюционный период.....39
- Бершадская С.В.** Проблема «рецидива неграмотности» среди взрослого населения Енисейской губернии в 1920-е гг.50
- Воронцов Н.С.** Новые порты и транспортные узлы Приморья в планах регионального руководства первой половины 1990-х гг.57

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Кочеров О.С.** Конфуцианская этика войны в контексте древнекитайского мифа о транзите власти.....70
- Коробов-Латынцев А.Ю., Демидова С.А.** Славянофильская философия войны: опыт реконструкции.....82
- Переплеткин А.В.** Субъект в «Системе трансцендентального идеализма» Ф.В.Й. Шеллинга.....94
- Юсипов Е.А.** Человек электронной эпохи в работах М. Маклюэна.....103
- Анисимов В.А.** Интерпретации термина «монокультура» до и после цифрового состояния.....114
- Коробейников В.С.** Современные исследования стоической этики: три направления.....123

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, декан факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
профессор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.В. БЕРЕЗНИЦКИЙ	доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
А.Л. ГЫНГОВ	PhD, заведующий кафедрой логики, этики и эстетики философского факультета Софийского университета им. Св. Климента Охридского
Х. КАТО	PhD, профессор, директор Центра изучения айнов и коренных народов Университета Хоккайдо
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Д. ЛИВЕН	PhD, старший научный сотрудник Тринити колледжа Кембриджского университета, академик Британской академии наук
А.В. ЛЫСОВА	PhD, доктор социологических наук, доцент Школы криминологии Университета Саймона Фрейзера
Н.Л. МАМАЕВА	доктор исторических наук, руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии»
Р.Ю. ФЕДОРОВ	доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института криосферы Земли Тюменского научного центра СО РАН
А.В. ТАБАРЕВ	доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук,
доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г. размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: <https://journals.dvfu.ru/gisdv>, https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 02.09.2024. Дата выхода в свет 25.09.2024.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 15,35. Уч.-изд. л. 15,68. Тираж 30 экз. Заказ 227.
Цена свободная.

Адрес редакции:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ, к. F, ауд. F602
Тел.: +7 (423) 256-24-24 (доб. 2413), E-mail: gisdv@dvfu.ru

Адрес учредителя и издателя:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

Отпечатано в типографии Издательства ДВФУ
690091, Приморский край, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH

in the Russian Far East

ISSN 1997–2857 (Print)
ISSN 2076–8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

Certificate of the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology
and Mass Media
PI № FS 77 73382
of 17.08.2018

№ 3 (69) 2024

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-3>

TABLE OF CONTENTS

ARCHAEOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN CIRCUM-PACIFIC

- Vostretsov Yu.E., Artyomkin R.A.** Economic adaptation of the Palometal epoch population at Klerk-5 site in Primorye.....5
- Suleymanov A.A.** The use of cryogenic resources by the population of Yakutia to obtain drinking water: modern meaning, features of harvesting and storage.....18

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

- Azarevich V.K.** Political surveillance over the military personnel of Vladivostok Fortress and Siberian Flotilla, 1905–1917.....28
- Zakolodnaya A.S.** The making of the lawyer community in the Russian Far East and its professional activity before 1917.....39
- Bershadskaia S.V.** The problem of «relapse into illiteracy» among the adult population of the Yeniseysk Governorate in the 1920s.....50
- Vorontsov N.S.** New ports and transport hubs of Primorsky Krai in the plans of the regional authorities in the first half of the 1990s.....57

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Kocherov O.S.** Confucian ethics of war in the context of the ancient Chinese power transition myth.....70
- Korobov-Latyntsev A.Yu., Demidova S.A.** Slavophile philosophy of war: an attempt of reconstruction.....82
- Perepletkin A.V.** Subject in F.W.J. Schelling's «System of transcendental idealism».....94
- Yusipov E.A.** Man of the electronic age in the works of Marshall McLuhan.....103
- Anisimov V.A.** Interpretations of the term «monoculture» before and after digital technologies.....114
- Korobeinikov V.S.** Three trends in modern studies of Stoic ethics.....123

FOUNDED
IN 2008

FOUNDER AND PUBLISHER:
FAR EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

PUBLISHED
QUARTERLY

EDITOR-IN-CHIEF

Felix E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), dean of the Faculty of Humanities,
HSE University (Moscow), professor, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

SERGEY V. BEREZNITSKIY	Doctor of Sc. (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
ALEXANDER L. GUNGOV	PhD, Sofia University St. Kliment Ohridski
HIROFUMI KATO	PhD, Hokkaido University
NIKOLAY N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, corresponding member of Russian Academy of Sciences
DOMINIC LIEVEN	PhD (History), Trinity College, Cambridge University, fellow of the British Academy
ALEXANDRA V. LYSOVA	PhD, Doctor of Sc. (Sociology), Simon Fraser University
NATALYA L. MAMAEVA	Doctor of Sc. (History), Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences
BORIS I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
ROMAN Yu. FEDOROV	Doctor of Sc. (History), Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
ANDREY V. TABAREV	Doctor of Sc. (History), Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
TATIANA G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
SERGEY E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

KSENIYA S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), Associate Professor,
School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

Editorial office address:

F602, building F, FEFU campus, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922

Tel.: +7 (423) 256-24-24 (ext. 2413)

E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:

DVFU: <https://journals.dvfu.ru/gisdv>, https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/

E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 903

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-3/5-17>

Ю.Е. Вострецов, Р.А. Артёмкин*

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ АДАПТАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПАЛЕОМЕТАЛЛА НА ПАМЯТНИКЕ КЛЕРК-5 В ПРИМОРЬЕ

В статье рассматриваются события эпохи раннего палеометалла, когда происходила разнонаправленная миграция земледельцев-грядочников из континентальных районов Дунбэя на территорию Приморья, в т.ч. и на морское побережье. На многослойном памятнике Клерк-5 в бухте Бойсмана исследован горизонт обитания, оставленный жителями около 3200 л.н. Он включал очаг, две единицы отложения раковин моллюсков, керамику, каменные орудия и множество экофактов. На основе анализа палеогеографической ситуации, состава и расположения артефактов и экофактов авторы реконструируют отдельные аспекты системы жизнеобеспечения и образа жизни населения эпохи палеометалла.

Ключевые слова: эпоха палеометалла, хозяйственная адаптация, древнее рыболовство, Приморье, бухта Бойсмана, Клерк-5

Economic adaptation of the Palometal epoch population at Klerk-5 site in Primorye. YURI E. VOSTRETISOV, ROMAN A. ARTYOMKIN (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia)

The article examines the events of the Early Palaeometal epoch, when the multidirectional migration of the farmers from the continental regions of Dongbei to the territory of Primorye took place. At the multi-layered site Klerk 5 in Boysman Bay a habitation horizon left by people about 3,200 years ago was examined. It included a hearth, two units of mollusk shell deposits, pottery, stone tools and a variety of ecofacts. Based on the analysis of the paleogeographical situation, the composition and location of artifacts and ecofacts, the authors reconstruct individual aspects of the life support system and lifestyle of the Paleometal epoch population.

Keywords: Paleometal epoch, economic adaptation, ancient fishery, Primorye, Boysman Bay, Klerk-5 site

* ВОСТРЕЦОВ Юрий Евгеньевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора первобытной археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток, Россия, vost54@mail.ru

АРТЕМКИН Роман Александрович, младший научный сотрудник сектора первобытной археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток, Россия, artemkinra@mail.ru

© Вострецов Ю.Е., Артёмкин Р.А., 2024

Введение

В течение эпохи палеометалла, начало которой совпадает с фазой похолодания климата в интервале 3400–3200 л.н., наблюдалось разнонаправленное движение земледельцев-грядочников из континентальных районов западного Приморья на морское побережье. Здесь они сталкивались с иной для них экологической обстановкой и ресурсной базой. Вероятно, переселенцы были вынуждены выстраивать новые экономические модели.

На территории юга Приморского края известно большое количество разновременных памятников эпохи палеометалла. В то же время представления о хозяйственной деятельности и образе жизни различных культурных групп населения палеометалла как в континентальных районах, так и на морском побережье очень скудны. Если образ жизни земледельцев этой эпохи в континентальных районах можно смоделировать на основании косвенных данных, то вопрос о том, как выстраивалась система жизнеобеспечения у земледельцев-грядочников, пришедших на морское побережье, остается открытым [2, с. 17]. Что принудило их к миграции? Было ли переселение вынужденным или на побережье их могло привлечь обилие и разнообразие ресурсов? Получить ответ на один из подобного рода вопросов нам позволяют наблюдения, полученные в ходе изучения отложений эпохи палеометалла на многослойном памятнике Клерк-5.

Памятник находится на п-ве Клерка на шлейфе мысовидной оконечности возвышенной части на стыке с песчаной косой, соединяющей полуостров с материком. Памятник многослойный, часть отложений включает в себя раковинные кучи, содержащие остатки хозяйственной деятельности на протяжении длительного периода. Продолжительный хронологический диапазон в интервале 4800–2440 л.н., а также наличие следов хозяйственной деятельности дают нам уникальную возможность реконструировать образ жизни и его динамику от неолита до палеометалла. Один из дискретных этапов заселения памятника прослеживается в культурных отложениях, датированных приблизительно 3200 л.н. и связываемых с началом палеометалла [8, с. 316]. Материалы этих отложений могут помочь получить представление об адаптации земледельцев на морском побережье залива Петра Великого.

При снятии второго пласта (5 см) темно-гумусированной супеси под вторым слоем янков-

ской раковинной кучи в шурфе 1 был выделен горизонт обитания древнего человека, в котором прослеживалась повышенная концентрация артефактов и экофактов и следующие образования: остатки очага, два скопления раковин моллюсков (du-70 и du-72) (Рис. 1). Мощность горизонта варьировалась от 2 до 3 см.

Du-70 находилось в кв. 1 и представляло собой результат единовременного выброса моллюсков после обработки. Обычно единица отложения содержит остатки и других видов деятельности, проходивших одновременно с образованием скопления раковин. Чаще всего это остатки рыб и других гидробионтов, остатки наземных животных и артефакты. Du-70 располагалось в верхней части пласта и имело мощность 1–2 см. Скопление имело овальную форму размерами 40×25 см, а его объем составил 2,8 литра. Выше слоя раковин лежали фрагменты керамики янковской культуры, а под скоплением и рядом с ним – фрагменты зайсановской керамики клерковского типа. По многочисленным наблюдениям за стратиграфией раковинных отложений раковины мидий связываются с самой ранней фазой заселения памятника или горизонта обитания, а с последующими этапами заселения ассоциируются устрицы. Это объясняется тем, что мидии более легкодоступны, поэтому их скопления выбираются в первую очередь. В то же время на восстановление сообществ мидий требуются десятилетия, поэтому население переключается на добычу устрицы, популяция которой восстанавливается несколько лет.

Другое скопление фрагментов раковин мидии, расположенное в юго-западной части кв. 2, получило маркировку du-72. Это скопление было аналогично обнаруженному du-70, оно залегало в верхней части пласта 2 под тонким слоем темно-коричневой супеси, имело мощность 1–2 см, низкую концентрацию раковин моллюсков и овальную в плане форму (40×65 см). Рядом с ним обнаружены фрагменты керамических сосудов как янковской, так и зайсановской археологических культур. Все фрагменты керамики очень мелкие, дробленные. Там же было найдено множество сильно фрагментированных костей млекопитающих, кости рыб и древесные угли.

Помимо отложений раковин в восточной части кв. 2 обнаружена часть очажного пятна (du-71), уходящего в восточный бортик шурфа. Очаг залегал в самой верхней части 2-го пласта.

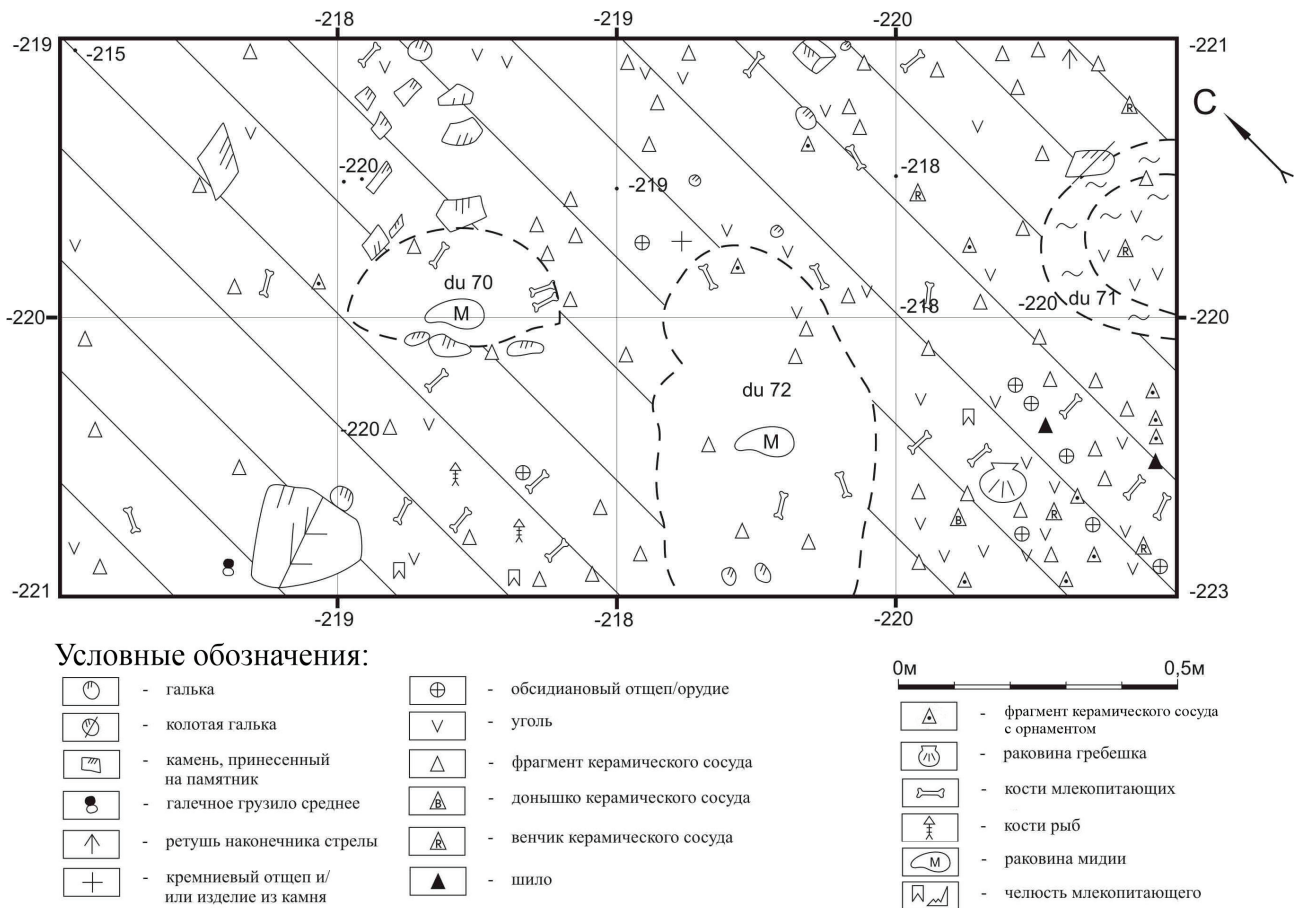

Рис. 1. План памятника Клерк-5 после снятия второго слоя темно-коричневой супеси

Прослеживалась примерно половина очага, который имел, вероятно, круглую в плане форму. В центральной его части наблюдалось прокаленное круглое пятно темно-желтоватого пепла, пропитанного глиной, которое имело диаметр 25 см. Центральное пятно окаймлялось желто-пепельным, глинистым слоем. В целом диаметр линзовидного в сечении очажного пятна составлял около 35 см. Мощность очага в центральной части доходила до 2 см. В стратиграфии восточного бортика шурфа очажное пятно едва прослеживалось. Над очагом обнаружено несколько фрагментов янковской керамики. Под очагом и по площади кв. 2 обнаружен венчик керамического сосуда эпохи раннего палеометалла и несколько фрагментов зайсановской керамики клерковского типа (Рис. 1).

Всего во втором пласте было обнаружено 536 мелких фрагментов керамических сосудов, из них около 100 принадлежало янковской культуре раннего железного века, а более 400 были отнесены к эпохе неолита. Единичные фрагменты сосудов с валиками под венчиком можно, предположительно, отнести к эпохе раннего палеометалла. Из фрагментов керамики неолитических

сосудов 129 не орнаментированы, остальные были декорированы прочерченными линиями, гребенчатым штампом, насечками, а также орнаментом клерковского типа – грубыми каплевидными насечками.

Помимо керамики там же найдено 42 каменных артефакта. Из них 1 обсидиановый наконечник стрелы в кв. 2, 30 мелких и 4 крупных обсидиановых отщепа. Некоторые из них имели следы использования. Также обнаружены два сланцевых пластинчатых отщепа, один обычный отщеп, в кв. 2 обнаружен абразив, обломок халцедона из жилы, кусочек пемзы, 11 галек, 1 скол с гальки и грузило из гальки среднего размера в кв. 1.

Весь грунт из 2-го пласта был промыт через сито с ячейками 2 мм. В результате промывки обнаружено 1647 костяных эофактов. Из них 2 костяных шиловидных острия, 624 кости рыб, 8 фрагментов чешуи рыб, 679 костей млекопитающих (из них 23 зуба), 3 фрагмента костей рептилий, 10 фрагментов костей птиц. Также найдены фрагменты раковин мидии, 1 раковина гребешка приморского, много остатков карбонизированной древесины. Важно отметить, что в целом

концентрация артефактов и экофактов во 2-ом пласте увеличивается к западной части шурфа. Наибольшего количества экофакты достигают в очаге, а также непосредственно вокруг него.

Стратиграфической особенностью является то, что в нижней части 2-го пласта в западной части увеличивается концентрация мелких камней. Такое залегание может быть маркером естественного стратиграфического рубежа, отделяющего 2-ой пласт от нижележащего 3-го пласта. Планиграфически скопление мелких камней указывает на периоды денудации древней дневной поверхности, которая могла происходить как в результате антропогенного воздействия, так и в результате похолодания климата, сопровождающегося размывом поверхностного слоя почвы.

Таким образом, наличие очага, единиц отложения раковинных куч, характер залегания артефактов и экофактов позволяют предполагать, что 2-ой пласт включал в себя отдельный горизонт обитания древнего населения на этом памятнике. Судя по радиоуглеродной датировке по углю (около 3145 л.н.) и малочисленным фрагментам керамики, этот горизонт относится к периоду раннего палеометалла [8, с. 316]. Наличие очага и большого количества мелких артефактов и экофактов говорит о том, что это место могло служить хозяйственной площадкой, где велась обработка продуктов питания.

Судя по выбору места для поселения, люди ориентировались в первую очередь на добычу морских ресурсов, из которых наиболее привлекательными могли быть различные виды рыб, обитающих в прибрежных водах и мигрирующих в них в разное время года. В связи с этим целью данной статьи является реконструкция хозяйственной адаптации древнего населения, проживавшего на памятнике Клерк-5 в эпоху раннего палеометалла.

Палеогеографическая ситуация

Результаты палеоклиматических исследований указывают на то, что в рассматриваемый период, совпадающий с началом позднего суббореала, климат перешел от близких к современным температурных показателей к более холодным. Уровень моря находился на отметке, соответствующей современному уровню. Возможно, ландшафтные условия были схожи с современными [5, с. 16].

С суши памятник окружали преимущественно холмисто-увалистые возвышенности,

покрытые лесом. Результаты изучения споро-пыльцевого спектра указывают на то, что по мере похолодания состав леса начал меняться. На смену широколиственным породам деревьев пришли преимущественно деревья мелколиственных и хвойных пород, такие как ольха, кедр и сосна [6, с. 24].

Ландшафтная структура территории б. Бойсмана, вероятно, также была схожа с современной. Бойсмана представляет из себя открытую бухту. В ландшафтах доминируют мягкие грунты. Центральная часть бухты является равниной, сложенной илистыми песками и уходящей на глубину 15–17 м. В районе мысов ландшафт меняется на валунно-глыбовые развалы, уходящие на глубину 10–12 м. Ближе к центральной части развалы сменяются галькой [11, с. 217]. Важно отметить, что в рассматриваемый период по всему побережью б. Бойсмана отмечается накопление более грубых грунтов, включающих в себя гравийники и крупнозернистые пески [6, с. 24].

В целом в бухте отмечается высокий показатель количества биомассы, примерно 3065 г/м². Для каменистых грунтов этот показатель возрастает и составляет 4750 г/м² [10, с. 297]. Мы предполагаем, что из-за гидродинамических особенностей, вызванных направлением морских волн и проходящим вдоль берега течением, большая часть первичной морской продукции могла быть сосредоточена рядом с мысами. Таким образом, в непосредственной близости от памятника могли существовать продуктивные участки, привлекательные для рыболовства.

Реконструкция системы жизнеобеспечения

В ходе раскопок не обнаружено растительных остатков, что не позволяет нам реконструировать потенциальный вклад растительной пищи в систему жизнеобеспечения. Ранее для рассмотренного выше горизонта обитания проводились исследования, посвященные изучению костей млекопитающих. Однако отмечается, что пригодной для идентификации оказалась лишь небольшая доля коллекции (около 7%). Среди остатков встречались кости как диких, так и одомашненных видов. Среди диких видов наибольшее значение имели косуля сибирская (*Capreolus pygargus*), благородный олень (*Cervus elaphus*), а также кабан (*Sus scrofa*). Среди одомашненных видов выделено всего два: собака (*Canis familiares*) и свинья домашняя (*Sus*

scrofa domestica). Помимо наземных видов были идентифицированы остатки морских млекопитающих, их остатки были отнесены к семейству ластоногих (*Pinnipedia*) [3, с. 182].

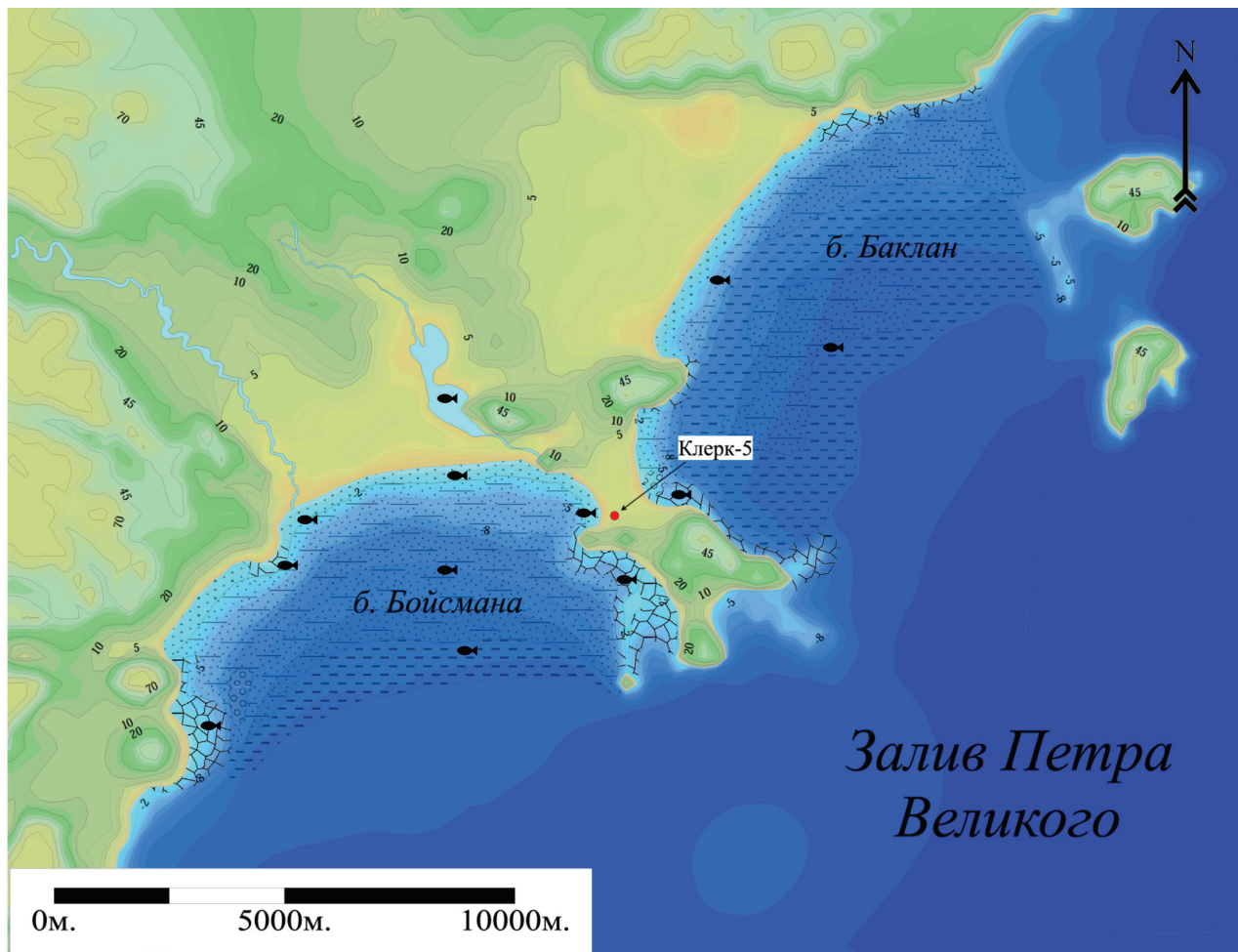
Мы предполагаем, что охота на млекопитающих могла в основном приходиться на зимний период, когда доступ к остальным типам пищевых ресурсов был затруднен. Охота на ластоногих могла вестись и в теплый сезон во время размножения на мелководной косе между о. Клерка и п-ом Клерка (Рис. 2).

Из-за плохой сохранности из 624 фрагментов костей рыб всего на данный момент удалось определить 202 образца. Идентифицированные остатки относятся к 13 семействам, 18 родам и 18 видам [3, с. 182].

Из всех идентифицированных таксонов наиболее широко были распространены тихоокеанская сельдь (*Clupea pallasii*) и камбаловые

(семейство *Pleuronectidae*), составляющие 28,71% и 21,29% от общего числа остатков соответственно. Также значительную роль играли виды семейства карповых (*Cyprinidae*), составившие 13,37% от общего числа остатков. Среди карповых было выделено 3 вида: мелкочешуйный угай (*Tribolodon brandti*) (5,45%), крупночешуйный угай (*Tribolodon hakonensis*) (0,99%) и серебряный карась (*Carassius auratus gibelio*) (2,97%). Помимо этого, значительную роль играли представители семейства керчаковых (*Cottidae*) и японская скумбрия (*Scomber japonicus*), составившие 12,38% и 6,93% от общего числа остатков соответственно (Табл. 1).

В ходе исследования был проведен сравнительный анализ с результатами предыдущих работ. Сопоставление с составом уловов из неолитической раковинной кучи, датированной 4121 л.н., показало, что в данном слое мы

Условные обозначения:

- Песок
- Галька
- Камень, скала
- Илистый грунт
- Илистый песок

Места вероятного рыболовства

Рис. 2. Реконструкция ландшафтной структуры б. Бойсмана и б. Баклан (3 145 л.н.)

Таблица 1

Виды рыб, костные остатки которых были обнаружены
во втором слое темно-коричневой супеси на памятнике Клерк-5

№	Отряд, семейство, род, вид	Количество костных остатков	
		Шт.	%
Отряд Myliobatiformes – хвостоколообразные, семейство Dasyatidae – скаты-хвостоколы			
1	<i>Dasyatis akajei</i> – Скат-хвостокол	4	1,98
Отряд Clupeiformes – сельдеобразные, семейство Clupeidae – сельдевые			
2	<i>Clupea pallasii</i> – Тихоокеанская сельдь	58	28,71
Отряд Osmeriformes – корюшкообразные, семейство Osmeridae – корюшковые			
3	<i>Hypomesus</i> spp. – Малоротые корюшки	1	0,50
Отряд Salmoniformes – лососеобразные, семейство Salmonidae – лососевые			
4	<i>Oncorhynchus</i> spp. – Тихоокеанские лососи	3	1,49
5	<i>Oncorhynchus gorbuscha</i> – Горбуша	1	0,50
Отряд Cypriniformes – карпообразные, семейство Cyprinidae – карповые			
6	Семейство Cyprinidae – карповые	8	3,96
7	<i>Tribolodon</i> spp. – Дальневосточная красноперка	11	5,45
8	<i>Tribolodon hakonensis</i> – Крупночешуйный угай	2	0,99
9	<i>Carassius auratus gibelio</i> – Серебряный карась	6	2,97
Отряд Gadiformes – трескообразные, семейство Gadidae – тресковые			
10	Семейство Gadidae – Тресковые	2	0,99
11	<i>Eleginus gracilis</i> – Дальневосточная навага	6	2,97
12	<i>Theragra chalcogramma</i> – Минтай	1	0,50
13	<i>Gadus macrocephalus</i> – Тихоокеанская треска	2	0,99

Отряд Scorpaeniformes – скорпенообразные			
Семейство Scorpaenidae – скорпеновые			
14	<i>Sebastes</i> spp. – Морской окунь	4	1,98
Семейство Hexagrammidae – терпуговые			
15	<i>Hexagrammos</i> spp. – Терпуг	1	0,50
Семейство Cottidae – керчаковые			
16	Семейство Cottidae – керчаковые	12	5,94
17	Двурогий бычок	3	1,49
18	Красный бычок	5	2,48
19	<i>Myoxocephalus</i> spp. – Керчаки	3	1,49
20	<i>Gymnocanthus</i> spp. – Гимноканты	1	0,50
Семейство Hemitripteridae – волосатковые			
21	<i>Hemitripterus villosus</i> – Волосатый бычок	1	0,50
Отряд Mugiliformes – кефалеобразные, семейство Mugilidae – кефалевые			
22	<i>Mugil soiyu</i> – Пиленгас	4	1,98
Отряд Perciformes – окунеобразные, семейство Scombridae – скумбриявые			
23	<i>Scomber japonicus</i> – Японская скумбрия	14	6,93
Отряд Pleuronectiformes – камбалообразные, семейство Pleuronectidae – камбаловые			
24	Семейство Pleuronectidae – камбаловые	43	21,29
Отряд Tetraodontiformes – иглобрюхообразные, семейство Tetraodontidae – четырехзубые			
25	<i>Takifugu</i> spp. – Рыба-собака	6	2,97
Итого		202	100

имеем дело с рыболовством, отличным от такового у предыдущих групп населения [1, с. 18].

Наиболее примечательной чертой являлось почти равное соотношение тихоокеанской сельди и камбаловых. Мы предполагаем, что именно они могли быть основным объектом вылова. Подобная картина значительно отличается от уловов предыдущих групп населения. Снижение доли сельди в сравнении с предыдущими слоями позволяет нам предполагать, что данная группа населения была менее зависима от кратковременного нереста сельди в весенний период.

Предпочтительными ландшафтами для рыболовства данной группы населения могли быть илистые и гравийные мелководья, а также валунно-глыбовые развалы на небольшой глубине, примерно до 2 м. Подобные места хорошо подходят для вылова донных видов рыб, таких как камбаловые и керчаковые [7, с. 444; 9, с. 136]. О приуроченности рыболовства населения к каменистым ландшафтам свидетельствует и обнаружение в рассматриваемых культурных отложениях шурфа остатков мидии Грея, обитающей преимущественно на подобных твердых грунтах (Рис. 1). На использование илистых участков дна может указывать большое количество остатков камбалы, а также появление среди остатков ската-хвостикола (семейство *Dasyatidae*), встречающегося среди отложений илистого дна [7, с. 39].

Помимо прибрежного мелководья с большой вероятностью активно использовались устьевые участки рек. Об этом свидетельствует относительно большой процент представителей семейства карповых. Причем встречаются как проходные виды, так и полностью пресноводные. Также мы можем предположить, что значительную роль в рыболовстве мог играть лосось, заходящий на нерест в реки. В таком случае малое количество остатков может объясняться хрупкостью костей лосося. Помимо этого, по этнографическим данным известно, что часто при обработке лосося кости шли на корм собакам, что также могло дополнительно повлиять на конечное число остатков лосося в раковинной куче.

Из орудий рыболовства в данном пласте обнаружено одно грузило, на основании чего мы с уверенностью можем говорить о применении данной группой населения сетей. Однако состав уловов позволяет нам говорить и о применении более широкого спектра орудий. Лов крупных

рыб, таких как морской окунь, мог вестись при помощи рыболовных крючков, а скаты могли быть добыты при помощи острога. Также важно отметить что среди остатков встречаются виды, обитающие на значительном удалении от берега. К ним относится тихоокеанская треска и японская скумбрия [7, с. 305; 9, с. 82]. Оба этих вида обитают в толще воды до 15–20 м. Это означает, что для их промысла люди должны были использовать лодки или иные плавсредства.

В ходе исследования была проведена попытка сравнения соотношения таксонов рыб в единицах отложения и очаге. Результаты показали, что остатки из раковинных куч относились к видам, встречающимся только в весенне-летний период, в то время как в очаге и вокруг него обнаруживались кости рыб, подходящих к берегу как в весенне-летний, так и в осенне-зимний период (Табл. 2). Помимо этого, важно отметить тот факт, что остатки мидии прослеживались только в раковинных отложениях, в то время как вокруг очага – остатки гребешка. Таким образом, мы можем говорить о фиксации двух отдельных поведенческих актов, вероятно, произошедшей на ранних стадиях функционирования поселения: собирательство мидий на скалистых фациях и гребешка на песчаных грунтах. Также это может быть результатом эксплуатации разных фаций примерно в одно время.

Выводы

Определение культурной принадлежности изученного слоя эпохи палеометалла в шурфе на памятнике Клерк-5 остается затруднительным, поскольку в нем обнаружены фрагменты керамики как янковской, так и зайсановской культур. Очевидно, что горизонт обитания функционировал короткое время, а потом подвергся сильной деформации последующими обитателями поселения. Отдельным фактором, затрудняющим определение, является слабая разработанность хронологии периода палеометалла в Приморье. Небольшая площадь раскопок не позволяет прояснить, сохранили ли они традицию земледелия, переселившись на морское побережье. По аналогии с неолитической эпохой на этом и других памятниках мы предполагаем, что земледелие могло сохраниться, однако на данный момент для подтверждения этого предположения недостаточно данных.

Мы предполагаем, что население, сформировавшее рассматриваемые отложения памятника, могло мигрировать из среднего течения

Распределение остатков рыб в разных частях второго слоя темно-коричневой супеси на памятнике Клерк-5

№	Отряд, семейство, род, вид	Кв. 1		Кв. 2 (Вокруг очага)		Du-71 (Очаг)		Слой под очагом		Du-70	
		Шт.	%	Шт.	%	Шт.	%	Шт.	%	Шт.	%
Отряд Myliobatiformes – хвостоколообразные, семейство Dasyatidae – скаты-хвостоколы											
1	<i>Dasyatis akajei</i> – Скат-хвостокол	-	-	4	4,35	-	-	-	-	-	-
Отряд Clupeiformes – сельдеобразные, семейство Clupeidae – сельдевые											
2	<i>Clupea pallasii</i> – Тихоокеанская сельдь	12	22,64	27	29,35	6	33,33	11	36,67	2	22,22
Отряд Osmeriformes – корюшкообразные, семейство Osmeridae – корюшковые											
3	<i>Hypomesus</i> spp. – Малоротые корюшки	-	-	1	1,09	-	-	-	-	-	-
Отряд Salmoniformes – лососеобразные, семейство Salmonidae – лососевые											
4	<i>Oncorhynchus</i> spp. – Тихоокеанские лососи	1	1,89	1	1,09	-	-	1	3,33	-	-
5	<i>Oncorhynchus gorbusha</i> – Горбуша	1	1,89	-	-	-	-	-	-	-	-
Отряд Cypriniformes – карпообразные, семейство Cyprinidae – карповые											
6	Семейство Cyprinidae – карповые	5	9,43	3	3,26	-	-	-	-	-	-
7	<i>Tribolodon</i> spp. – Дальневосточная красноперка	2	3,77	6	6,52	-	-	3	10,00	-	-
8	<i>Tribolodon hakonensis</i> – Крупночешуйный угай	-	-	-	-	2	11,11	-	-	-	-
9	<i>Carassius auratus gibelio</i> – Серебряный карась	-	-	3	3,26	2	11,11	-	-	1	11,11
Отряд Gadiformes – трескообразные, семейство Gadidae – тресковые											
10	Семейство Gadidae – тресковые	-	-	2	2,17	-	-	-	-	-	-
11	<i>Eleginus gracilis</i> – Дальневосточная навага	-	-	2	2,17	1	5,56	3	10,00	-	-

12	<i>Theragra chalcogramma</i> – Минтай	-	-	-	-	-	-	1	3,33	-	-
13	<i>Gadus macrocephalus</i> – Тихоокеанская треска	1	1,89	-	-	1	5,56	-	-	-	-
Отряд Scorpaeniformes – скорпенообразные											
Семейство Scorpaenidae – скорпеновые											
14	<i>Sebastes. spp.</i> – Морской окунь	-	-	3	3,26	-	-	-	-	1	11,11
Семейство Hexagrammidae – терпуговые											
15	<i>Hexagrammos spp.</i> – Терпуг	-	-	-	-	-	-	-	-	1	11,11
Семейство Cottidae – керчаковые											
16	Семейство Cottidae – керчаковые	6	11,32	4	4,35	-	-	2	6,67	-	-
17	Двурогий бычок	1	1,89	2	2,17	-	-	-	-	-	-
18	Красный бычок	1	1,89	3	3,26	-	-	1	3,33	-	-
19	<i>Muhocephalus spp.</i> – Керчаки	1	1,89	1	1,09	-	-	1	3,33	-	-
20	<i>Gymnocanthus spp.</i> – Гимноканты	-	-	1	1,09	-	-	-	-	-	-
Семейство Hemitripteridae – волосатковые											
21	<i>Hemitripterus villosus</i> – Волосатый бычок	-	-	1	1,09	-	-	-	-	-	-
Отряд Mugiliformes – кефалеобразные, семейство Mugilidae – кефалевые											
22	<i>Mugil soiyu</i> – Пиленгас	1	1,89	3	3,26	-	-	-	-	-	-
Отряд Perciformes – окунеобразные, семейство Scombridae – скумбриевые											
23	<i>Scomber japonicus</i> – Японская скумбрия	5	9,43	2	2,17	2	11,11	5	16,67	-	-
Отряд Pleuronectiformes – камбалообразные, семейство Pleuronectidae – камбаловые											
24	Семейство Pleuronectidae – камбаловые	14	26,42	22	23,91	3	16,67	2	6,67	2	22,22
Отряд Tetraodontiformes – иглобрюхообразные, семейство Tetraodontidae – четырехзубые											
25	<i>Takifugu spp.</i> – Рыба-собака	2	3,77	1	1,09	1	5,56	-	-	2	22,22
Итого		53	100	92	100	18	100	30	100	9	100

р. Туманной, где проживали носители культуры раннего лютиндун, чье влияние также прослеживается севернее, в континентальной зоне западного Приморья на памятнике Дворянка-1 [4, с. 408]. Мы исходим из того, что маловероятно оказаться на западном побережье залива Петра Великого, минуя долину среднего течения р. Туманной, где располагался основной ареал культуры ранний лютиндун.

Проанализировав коллекцию артефактов и экофактов, оставленных представителями населения эпохи бронзы, вышедшими на побережье, мы можем сделать несколько обобщений по поводу их образа жизни. По остаткам хозяйственной деятельности можно реконструировать отдельный тип адаптации. В первую очередь, он проявляется в их рыболовной практике, которая значительно отличалась от той, что использовали предыдущие группы населения. Она была направлена в большей степени на эксплуатацию мелководий, валунно-глыбовых развалов и устьев рек. Также для этой группы населения эпохи палеометалла характерна охота на ластоногих, следы которых практически не прослеживаются в более ранних слоях.

Вероятно, рассмотренный слой образовался на раннем этапе функционирования поселения. Мы смогли выделить два вида деятельности. В единице отложения du-70 наблюдается присутствие мидии, что свидетельствует о ранней фазе заселения, когда люди ориентировались на более легкую добычу – собирание мидий на скалах. В очаге отмечен сбор гребешка, который расположен на мелководьях, непосредственно около поселения. Учитывая доступность этих видов моллюсков, можно предположить как последовательную, так и одновременную добычу в разные дни и /или разными индивидами.

Что касается рыболовства, то предварительные результаты позволяют говорить о том, что вылавливалось как минимум 18 видов рыб. Среди них присутствуют все основные экологические группы рыб: эпипелагические, донные, проходные и пресноводные. Особенно широко представлены группы донных и эпипелагических рыб. Исходя из особенностей биологии установленных видов, мы можем говорить о круглогодичном ведении рыболовства, с пиком в теплый весенне-летний период.

Добыча велась преимущественно на илистых и гравийных мелководьях, вблизи прибрежных скал и в устьях рек. Несмотря на то, что из орудий лова обнаружено только грузило, исходя из

состава уловов мы предполагаем, что обитатели поселения в эпоху палеометалла могли использовать плавсредства и широкий спектр рыболовных орудий, включающий в себя как сети, так и рыболовные крючки и остроги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемкин Р.А., Федорев Ю.В., Вострецов Ю.Е. Рыболовство неолитического населения в заливе Петра Великого около 4100 л.н. (по материалам памятника Клерк-5) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. № 3. С. 14–23.
2. Белова И.В., Вострецов Ю.Е. Корреляция природных и культурных изменений в бронзовом веке в Южной Маньчжурии и Приморье // Тихоокеанская археология: культурное многообразие и многовекторность развития древних сообществ на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и Америке. Тезисы докладов 6-го международного симпозиума (г. Владивосток, 6–9 мая 2023 г.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2023. С. 15–20.
3. Гасилин В.В., Вострецов Ю.Е., Васильева Л.Е. Сравнительный анализ фауны многослойного поселения Клерк-5 (предварительные результаты) // Дальний Восток России в древности и средневековье: проблемы, поиски, решения: материалы региональной научной конференции (г. Владивосток, 26–27 апреля 2010 г.). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2011. С. 179–186.
4. Ключев Н.А., Кан Ин Ук. Раскопки памятника Дворянка-1 в Приморье в 2004–2006 гг.: к проблемам среднего раннего неолита и распространения бронзовой культуры в Приморье // Journal of North-East Asian Cultures. 2009. № 6. С. 387–411.
5. Короткий А.М., Вострецов Ю.Е. Географическая среда и культурная динамика в среднем голоцене в заливе Петра Великого // Первые рыболовы в заливе Петра Великого: природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток: ДВО РАН, 1998. С. 9–29.
6. Микишин Ю.А. и др. Голоцен побережья юго-западного Приморья // Научное обозрение. 2008. № 1. С. 8–27.
7. Новиков Н.П., Соколовский А.С., Соколовская Т.Г., Яковлев Ю.М. Рыбы Приморья. Владивосток: Дальрыбвтуз, 2002.
8. Раков В.А., Вострецов Ю.Е. Стратиграфия и малакофауна многослойного поселения Клерк-5 в Хасанском районе Приморско-

го края // Приоткрывая завесу тысячелетий. К 80-летию Жанны Васильевны Андреевой. Владивосток: ООО «Рея», 2010. С. 315–342.

9. Соколовский А.С., Соколовская Т.Г., Яковлев Ю.М. Рыбы залива Петра Великого. Владивосток: Дальнаука, 2009.

10. Соколенко Д.А., Седова Л.Г. Мегабентос бухты Бойсмана (залив Петра Великого, Японское море) // Биологическое разнообразие: изучение, сохранение, восстановление, рациональное использование: материалы международной научно-практической конференции (г. Керчь, 19–23 сентября 2018 г.). Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 292–297.

11. Седова Л.Г., Соколенко Д.А. Ресурсы и распределение мидии Грея и модиолуса курильского в бухтах Бойсмана и Баклан (залив Петра Великого, Японское море) // Актуальные вопросы рыболовства, рыбоводства (аквакультуры) и экологического мониторинга водных экосистем: материалы международной научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 11–12 декабря 2018 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во АзНИИРХ, 2018. С. 215–219.

REFERENCES

1. Artyomkin, R.A., Fedorets, Yu.V. and Vostretsov, Yu.E., 2021. Rybolovstvo neoliticheskogo naseleniya v zalive Petra Velikogo okolo 4100 l.n. (po materialam pamyatnika Klerk-5) [Fishing among the Neolithic population on the shores of Peter the Great Gulf around 4100 years ago (according to the data from Klerk-5 site)], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 3, pp. 14–23. (in Russ.)

2. Belova, I.V. and Vostretsov, Yu.V., 2023. Korrelyatsiya prirodnykh i kul'turnykh izmenenii v bronzovom veke v Yuzhnoi Man'chzhurii i Primor'e [Natural and cultural changings correlation in South Manchuria and Primorye in Bronze age]. In: *Tikhookeanskaya arkheologiya: kul'turnoe mnogoobrazie i mnogovektornost' razvitiya drevnikh soobshchestv na Dal'nem Vostoke, v Yugo-Vostochnoi Azii i Amerike. Tezisy dokladov 6-go mezhdunarodnogo simpoziuma* (g. Vladivostok, 6–9 maya 2023 g.). Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2023, pp. 15–20. (in Russ.)

3. Gasilin, V.V., Vostretsov, Yu.E. and Vasil'eva, L.E., 2011. Sravnitel'nyi analiz fauny mnogoslainogo poseleniya Klerk-5 (predvaritel'nye rezul'taty) [Comparative analysis of the fauna of the multi-layer settlement Klerk-5 (preliminary results)]. In: *Dal'nii Vostok Rossii*

v drevnosti i srednevekov'e: problemy, poiski, resheniya: materialy regional'noi nauchnoi konferentsii (g. Vladivostok, 26–27 aprelya 2010 g.). Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2011, pp. 179–186. (in Russ.)

4. Klyuev, N.A. and Kang In Uk, 2009. Raskopki pamyatnika Dvoryanke-1 v Primor'e v 2004–2006 gg.: k problemam srednego neolita i rasprostraneniya bronzovoi kul'tury v Primor'e [Excavations of Dvoryanka-1 site in Primorye in 2004–2006: on the issue of the Middle Early Neolithic and the spread of bronze culture in Primorye], *Journal of North-East Asian Cultures*, no. 6, pp. 387–411. (in Russ.)

5. Korotkii, A.M. and Vostretsov, Yu.E., 1998. Geograficheskaya sreda i kul'turnaya dinamika v srednem golotsene v zalive Petra Velikogo [Geographical environment and cultural dynamics in the Middle Holocene in the Peter the Great Bay]. In: *Pervye rybolovy zaliva Petra Velikogo: priroda i drevnii chelovek v bukhte Boismana*. Vladivostok: DVO RAN, 1998, pp. 9–29. (in Russ.)

6. Mikishin, Yu.A. et al., 2008. Golotsen poberezh'ya yugo-zapadnogo Primor'ya [Holocene on the coast of southwestern Primorye], *Nauchnoe obozrenie*, no. 1, pp. 8–27. (in Russ.)

7. Novikov, N.P., Sokolovskii, A.S., Sokolovskaya, T.G. and Yakovlev, Yu.M., 2002. Ryby Primor'ya [Fishes of Primorye]. Vladivostok: Dal'rybvuz. (in Russ.)

8. Rakov, V.A. and Vostretsov, Yu.E., 2010. Stratigrafiya i malakofauna mnogoslainogo poseleniya Klerk-5 v Khasanskom raione Primorskogo kraia [Stratigraphy and malacofauna of the multilayer settlement Klerk-5 in Khasansky district of Primorsky krai]. In: *Priotkryvaya zavesu tysyacheletii. K 80-letiyu Zhanny Vasil'evny Andreevoy*. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2010, pp. 315–342. (in Russ.)

9. Sokolovskii, A.S., Sokolovskaya, T.G. and Yakovlev, Yu.M., 2009. Ryby zaliva Petra Velikogo [Fishes of Peter the Great Gulf]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)

10. Sokolenko, D.A. and Sedova, L.G., 2018. Megabentos bukhty Boismana (Zaliv Petra Velikogo, Yaponskoe more) [Megabenthos of Boisman Bay (Peter the Great Bay, Sea of Japan)]. In: *Biologicheskoe raznoobrazie: izuchenie, sokhranenie, vosstanovlenie, ratsional'noe ispol'zovanie: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (g. Kerch', 19–23 sentyabrya 2018 g.). Simferopol: IT «ARIAL», 2018, pp. 292–297. (in Russ.)

11. Sedova, L.G. and Sokolenko, D.A., 2018. Resursy i raspredelenie midii *Greya* i *modiolusa* kuril'skogo v buhtakh Boisma i Baklan (zaliv Petra Velikogo, Yaponskoe more) [Resources and distribution of Gray mussel and *Modiolus kurilensis* in Boisman and Baklan bays (Peter the Great Bay, Sea of Japan)]. In: Aktual'nye voprosy rybolovstva, rybovodstva (akvakul'tury) i

ekologicheskogo monitoringa vodnykh ekosistem: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 11–12 dekabrya 2018 g.). Rostov-na-Donu: Izd-vo AzNIIRKh, 2018, pp. 215–219. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 15.06.2024;
рекомендована к печати 14.08.2024*

А.А. Сулейманов*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЕМ ЯКУТИИ КРИОГЕННЫХ РЕСУРСОВ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ПИТЬЕВОЙ ВОДЫ: ЗНАЧЕНИЕ, ОСОБЕННОСТИ ЗАГОТОВКИ И ХРАНЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

В статье рассматриваются современные практики эксплуатации населением Якутии снега и льда для получения питьевой воды. На основе привлечения комплекса источников (полевые материалы, архивные документы, материалы этноблогосферы) автором реконструирована эволюция указанного направления эксплуатации криогенных ресурсов, выявлены его текущие масштабы, прослежены актуальные механизмы заготовки и организации хранения льда. Автор подчеркивает существенную роль льда в обеспечении населения Якутии питьевой водой на современном этапе, отмечая при этом значение технологического развития для востребованности практик заготовки и хранения льда, оптимизации этих процедур.

Ключевые слова: Якутия, антропология холода, криогенные ресурсы, снег, заготовка льда, талая вода

The use of cryogenic resources by the population of Yakutia to obtain drinking water: modern meaning, features of harvesting and storage. ALEXANDER A. SULEYMANOV (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia)

The article examines the modern practices of the use of snow and ice by the population of Yakutia to obtain drinking water. Basing on field materials, archival documents and data from ethnoblogosphere, the author reconstructs the evolution of this way of using cryogenic resources, identifies its current scale and traces the mechanisms of harvesting and organizing the storage of ice used nowadays. The article emphasizes the significant role of ice in providing the population of Yakutia with drinking water at present, noting the importance of technological development for the relevance of ice harvesting and storage practices and their optimization.

Keywords: Yakutia, cryoanthropology, cryogenic resources, snow, ice harvesting, melt water

* СУЛЕЙМАНОВ Александр Альбертович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории и этносоциологии Арктики Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, г. Якутск, Россия, alexas1306@mail.ru

© Сулейманов А.А., 2024

** В связи с использованием материалов Рукописного фонда Архива Якутского научного центра Сибирского отделения (ЯНЦ СО) РАН автор выражает благодарность Центру коллективного пользования Федерального исследовательского центра ЯНЦ СО РАН за возможность проведения исследований на научном оборудовании Центра № 13.ЦКП.21.0016.

Введение

Максимально возможное использование ресурсов окружающей среды – одно из необходимых условий успешной адаптации человека к специфическим природно-географическим условиям. Подобное решение позволяет снизить риски для стабильного функционирования сложившихся на локальном уровне систем жизнеобеспечения, в особенности в условиях высокого уровня их автаркичности. В этой связи неудивительно, что важную роль в системах жизнеобеспечения коренных народов Сибири и Дальнего Востока традиционно играла эксплуатация криогенных ресурсов [12; 19] – используемых обществом в процессе жизнедеятельности материальных объектов и сил природы, происхождение и развитие которых обусловлено сферой холода (температурой среды ниже 0°C) [1, с. 85].

Проработка различных вопросов историко-антропологического плана, связанных с использованием криогенных ресурсов населением Якутии – региона, в котором продолжительность зимнего времени достигает 6–8 месяцев в году, а показатели температуры регулярно опускаются до экстремально низких значений, лишь в последние годы приобрела соответствующую их масштабам и роли активность и в значительной степени основывалась на поддержке со стороны Российского научного фонда¹, а также на принципах, заложенных в криософии [11] и антропологии холода [5; 17]. В 2022 г. автором данной статьи была опубликована монография, посвященная практикам эксплуатации криогенных ресурсов якутами (саха) и русскими старожилами Якутии в XIX–XX вв. [18]. Однако современный этап «диалога» населения региона со сферой холода в ней не рассматривался и текущий опыт применения криогенных ресурсов в хозяйственных и социокультурных практиках, включая использование льда и снега для питья, остается недостаточно исследованным.

В рамках данной статьи будет предпринята попытка хотя бы частично заполнить указан-

ную историографическую лакуну. Целью исследования является реконструкция современных практик эксплуатации населением Якутии криогенных ресурсов для получения питьевой воды. При этом необходимо отметить, что проведенные на данный момент изыскания свидетельствуют о фактической этнической унификации приемов по заготовке и хранению льда, использованию снега – ими одинаково владеют, например, якуты и русские старожилы, а также русское население, которое относительно недавно появилось на территории Якутии, и представители других народов, традиционными районами проживания которых являются более южные регионы. В этой связи в работе сознательно не указана национальная принадлежность информантов и участников тех практик эксплуатации криогенных ресурсов, о которых пойдет речь далее.

Источниковую базу исследования составили в первую очередь полевые материалы автора, собранные в ходе исследований в Хангаласском, Амгинском, Мегино-Кангаласском, Олекминском и Среднеколымском административных районах (улусах) Республики Саха (Якутия) (далее – РС(Я)) в 2017–2023 гг. Аккумулирование сведений по интересующей автора проблематике в населенных пунктах названных районов дало возможность в достаточной степени репрезентативно охватить изысканиями различные по своей природно-географической и этнокультурной специфике ареалы, включая, например, арктическую и юго-западную зоны Якутии, районы традиционно активного межэтнического взаимодействия якутского и русского населения, а также практически моноякутские поселения центральной части региона. При этом необходимо отметить, что на данный момент автор, к сожалению, не имел возможности проведения исследований в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера и допускает, что в некоторых из них картина использования криогенных ресурсов для получения питьевой воды может несколько отличаться.

Кроме того, в процессе подготовки статьи были задействованы материалы активно развивающейся в последние годы этнической блогосферы, размещенные на видеохостинге YouTube. В данном отношении автор согласен с мнением В.А. Головнева о невозможности игнорирования в современных реалиях глобальных информационно-коммуникационных площадок и того

¹ Проект № 17-78-10097 «“Ресурсы холода”: значение низких температур в хозяйственных и социокультурных практиках сельских сообществ Якутии» (руководитель – А.А. Сулейманов), проект № 19-78-10088 «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)» (руководитель – А.А. Сулейманов).

обстоятельства, что «блоги становятся ценным первичным этнографическим источником нового типа» [6, с. 203]. Одновременно для составления у читателя более полной картины эволюции практик эксплуатации населением Якутии криогенных ресурсов для питья были также привлечены документы из архивохранилищ Иркутска, Санкт-Петербурга и Якутска, научная и краеведческая литература.

**Общая характеристика
эволюции практик эксплуатации
криогенных ресурсов
для получения питьевой воды**

Необходимость опоры на криогенные ресурсы при получении воды в Якутии и в настоящее время, и ранее, например, на рубеже XIX–XX вв., была обусловлена в целом аналогичными причинами. Прежде всего, отсутствием систем централизованного водоснабжения в подавляющем большинстве населенных пунктов региона. Если в советский период жители городов и поселков Якутии были в основном обеспечены подключением к подобным системам, то практически все сельские поселения такой преференции оставались лишены. Свою роль играла и продолжает играть загрязненность значительной части водоемов региона, которую исследователи отмечали еще в конце XIX – начале XX вв. (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, далее – СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 134. Л. 105); [16, с. 20]. Лед же в силу комплекса факторов – источник более чистой воды [2, с. 24–28]. При этом вода в сравнительно небольших озерах центральной Якутии, к расселению в окрестностях которых тяготели представители крупнейшего на тот момент этноса региона – якутов, к середине зимы, по словам информантов, начинает портиться и гнить, что делает невозможным использование прорубей. Этому же препятствует и промерзание некоторых из водоемов в течение зимы до дна, либо до уровня, когда пробивание проруби становится чрезмерно трудозатратным. Доставка же воды из прорубей на реках по ряду причин не всегда удобнее и экономически целесообразнее заготовки льда. Нельзя не учитывать также укрепляющий здоровье эффект от использования талой ледовой воды [2, с. 26–27; 15, с. 37–38] и ее лучшие вкусовые качества по сравнению с водой из водопровода или непосредственно из водоема, которые неоднократно отмечали информанты (Полевые материалы

автора, далее – ПМА. 2017 г., с. Исит, Хангаласский улус РС(Я); 2018 г., с. Петровка, Мегино-Кангаласский улус РС(Я); 2023 г., с. Юнкюр, Олекминский район РС(Я)).

К настоящему времени удалось выявить лишь ограниченный круг источников, характеризующих использование криогенных ресурсов населением Якутии для получения питьевой воды в XIX – первой четверти XX вв. Так, распространение практик заготовки поверхностного льда водоемов для его последующего употребления в талом виде в последние десятилетия XIX в. отмечали исследователи В.Е. Горинович (СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 231), Н.П. Попов (СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 134. Л. 105–106), епископ Якутский Дионисий (Государственный архив Иркутской области. Ф. 293. Оп. 1. Д. 2. Л. 50б.). В частности, оставивший подробные записи о своем пребывании в ссылке в Якутии в 1880-е – 1890-е гг. В.Е. Горинович сообщал, что «русские, а за ними кое-где и якуты стали запасать куски льда, которые приходится таять каждый раз перед употреблением» (СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 231). Несколько позднее факт «выколки льда» фиксировали также и участники фундаментальной Якутской комплексной экспедиции АН СССР 1925–1930 гг. (СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 159. Л. 204; Д. 190. Л. 57). Ученые отметили, среди прочего, способ хранения заготовленного льда: глыбы этого криогенного ресурса размещали на открытом воздухе – на крыльце амбара или у входа в жилище на специальной подставке (СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 159. Л. 204). Вместе с тем, к сожалению, во всех упомянутых источниках отсутствует описание методов заготовки льда.

Однако, учитывая далеко не одномоментное влияние на традиционные системы жизнеобеспечения аборигенных этнических сообществ Якутии последствий реализации политики поселкования (сосредоточение распыленного ранее населения в создаваемых и укрупняемых поселениях) и развития колхозно-совхозной системы, представляется, что практики заготовки льда в первой половине XX в. не отличались принципиально от приемов, практиковавшихся в сельской местности в середине XX в. В этой связи значительную ценность имеют сведения, полученные от информанта Г.С. (1949 г.р., жен.), родившейся и выросшей в с. Исит Хангаласского улуса. В 1950-е – 1970-е гг. заготовка льда в этом населенном пункте осуществлялась, как правило, во второй половине октября

на близлежащей протоке р. Лена, когда его мощность достигала 15–25 см. Заготовка льда выполнялась с помощью пешни, на которую приходился основной объем работы, и двуручной пилы со снятой с одной стороны ручкой. Полученные кубы размером приблизительно 100 x 35 x 20 см доставались из воды с помощью багра и затем размещались недалеко от места заготовки. По мере необходимости их вывозили конным обозом во двор приусадебного участка и складировали там, где они хранились на открытом воздухе без навесов (показательно, что информант не помнит точно, существовал ли какой-либо настил или лед размещали прямо на снегу, т.к. последний был очень чистым). Перед употреблением лед раскалывали с помощью изготовленного из металла инструмента – ледокола (Рис. 1) – на более мелкие куски и помещали в кастрюлю, в которой он таял. До момента вывоза оставшегося льда в апреле, по словам информанта, на протоке наблюдалась любопытная картина: многочисленные штабеля заготовленного семьями с. Исит льда, расположенные на некотором удалении друг от друга. Перед наступлением положительных температур воздуха привезенный к домовладению лед спускался в подвал, вырытый под амбаром. Семье информанта хватало заготовленного льда до августа. После этого они, как и значительная часть односельчан, вынуждены были приобретать воду, привозимую водовозами, которая значительно уступала, на взгляд информанта, по своим вкусовым качествам талой ледовой воде (ПМА. 2024 г., г. Якутск, РС(Я)).

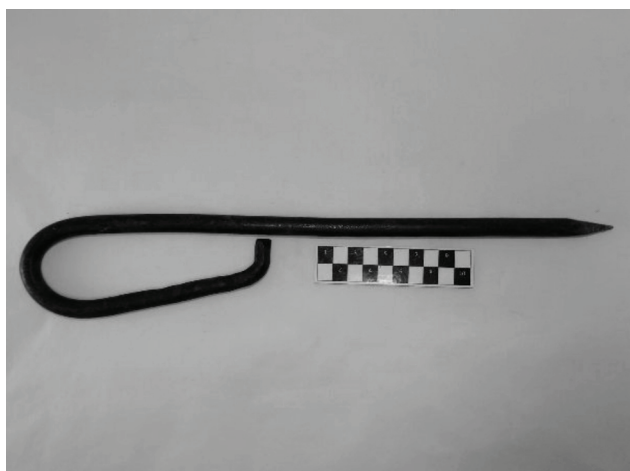

Рис. 1. Ледокол (ледоколка), вторая половина XX в., металл. Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского (ЯГОМ КП-41735)

Выявленные автором сведения о параллельном использовании для питья другого криогенного ресурса – снега – еще более ограничены. Имеющиеся в этом плане разрозненные данные относятся к 1930-м – 1950-м гг. и двум различным административным районам Якутии – находящемуся на севере Кобяйскому, где проводил исследований этнограф А.А. Саввин, и западному Садынскому (позднее – территория Ленского, сейчас – Мирнинского района).

В книге воспоминаний врача, уроженки Ботуобуйинского наслега Садынского района А.Н. Павловой в том числе описываются события и повседневная жизнь вилюйской группы сельских якутов 1930-х – середины 1950-х гг. Относительно интересующего нас вопроса в работе приведены следующие сведения: «Питьевой водой была снежная вода, которую мы называли *таммах* (якут. капля [4, с. 194]). В тальниковой раме снег утрамбовывали и поливали водой, потом замораживали в этой же раме» [14, с. 12]. Подобная процедура повторялась несколько раз. Вероятно, в итоге получался несколько иной, чем чистый снег, криогенный материал – более близкий по своим свойствам ко льду. В этом, очевидно, имелась определенная логика, т.к. талый снег существенная часть информантов относила к не очень полезным источникам питьевой воды, в т.ч. называя полученную подобным способом воду «пустой», лишенной необходимых человеку солей и т.п.

В соответствии с записями А.А. Саввина, сделанная заготовка оставлялась на всю ночь на открытом воздухе (Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 25. Л. 5). Сформированная масса получалась достаточно большой и тяжелой, «поэтому утром двое мужчин заносили эту раму со снегом в дом и вешали перед камельком (якутская печь каминного типа. – прим. авт.), под нее подставляли посуду. Так она стекала целый день... Понятно, что все тепло очага уходило на нее» [14, с. 12]. Известно, что снег для *таммах* старались выбирать только специальный – т.н. *көмүрүө* (якут. көмүрүө хаар – крупнозернистый пласт в нетронутом глубоком снеге; нижний рыхлый, крупнозернистый весенний снег [во время таяния] [3, с. 263]).

О распространенности практик употребления *таммах* сложно сделать какие-то конкретные выводы. Вместе с тем представляется весьма вероятным, что он имел значительную

популярность, выходя за пределы указанных районов Якутии, и был связан в первую очередь с упомянутой особенностью расселения якутов и их стремлением жить в окрестностях небольших озер по аласам – плоским котловинообразным просадочным понижениям, которые возникают вследствие вытаивания подземного льда [7, с. 16–33]. В таких случаях таммах выступал фактической альтернативой употреблению для питья талой ледовой воды, т.к. заготовка льда или использование в течение зимы прорубей были не всегда возможны в силу отмеченных ранее причин.

Рассмотренные практики и масштабы их использования в течение последующих периодов истории Якутии претерпели существенные изменения. Во-первых, после упомянутого ввода в строй водозаборов с очистными сооружениями, а позднее также в связи с распространением услуг по доставке бутилированной воды отпала необходимость заготовки льда у большинства населения городов и поселков Якутии (за исключением активно развивающегося в последнее время частного сектора). Во-вторых, в ходе углубления политики поселкования, когда укрупненные поселения, в т.ч. для обеспечения лучшей транспортной доступности, размещались по берегам крупных рек, организации совхозами централизованной заготовки льда, в целом – упрощения этого процесса в результате распространения бензопил, значительно более трудозатратные практики использования таммах вышли из употребления.

Современные механизмы использования криогенных ресурсов для получения питьевой воды

Проведенные автором полевые исследования свидетельствуют, что снег для получения питьевой воды могут использовать отдельные редкие, в первую очередь сельские семьи, не имеющие достаточного уровня доходов и, возможно, мотивации для приобретения льда или его самостоятельной заготовки, а также лишённые доступа к центральному водоснабжению. В таком случае выбирается по возможности чистый снег, который затем тает в ведрах или в другой таре (ПМА. 2023 г., с. Юнкюр, Олекминский район РС(Я), инф. Л.Г., 1963 г.р., жен.). Кроме того, снег для утоления жажды и приготовления еды используют охотники в ходе зимнего промысла на отдаленных угодьях в тех случаях, когда задействовать проруби в

силу различных причин невозможно. Интересно, что они стараются находить для этих целей снег көмүрөө. При этом у некоторых представителей старшего поколения охотников данный термин сохраняет свое употребление (ПМА. 2023 г., с. Юнкюр, Олекминский район РС(Я), инф. С.П., 1962 г.р., муж.).

В результате на современном этапе, учитывая отсутствие в подавляющем большинстве сельских населенных пунктов Якутии функционирующих в зимнее время водопроводов и очистных сооружений, заготовка льда остается самым популярным источником получения питьевой воды. При этом процесс заготовки льда, как показали проведенные полевые исследования, а также анализ имеющегося в данном отношении YouTube-контента, может предполагать определенные вариации, связанные в т.ч. с возрастом заготовщиков. Например, проживающий в с. Юнкюр Олекминского района информант А.Б. (1961 г.р., муж.) осуществляет заготовку льда вместе с двумя своими родными братьями в ноябре, когда толщина поверхностного льда на расположенном рядом с названным населенным пунктом озере достигает 20 см. Данная мощность льда, по его словам, является оптимальной для заготовки – дает достаточные объемы, позволяет сравнительно легко выполнять выкалывание и пропиливание, а также выемку льда из водоема и его погрузку в транспорт. На начальном этапе производится очистка выбранной для заготовки льда площадки от снега, затем – с помощью пешней намечается периметр будущих работ. После этого заготовщики посредством бензопил выполняют пропиливание периметра и далее выкалывают лед пешнями («по старинке» и «по привычке») в форме параллелепипедов, стремясь добиться геометрически правильной формы – для удобства хранения. Полученный таким образом лед извлекается из воды с помощью багров и загружается в прицеп. Ежегодно информант и его братья заготавливают 6 прицепов к трактору – этого объема хватает трем семьям для того, чтобы употреблять талую ледовую воду круглогодично (ПМА. 2023 г., с. Юнкюр, Олекминский район РС(Я)).

Примечательно, что информант В.С. из с. Исит (1933 г.р., муж.), характеризуя привычные сроки заготовки льда и его оптимальную мощность, также сообщил, что дожидается формирования на протоке р. Лены ледового покрова толщиной 20–25 см (ПМА. 2017 г., с. Исит,

Хангаласский улус РС(Я)). При этом лед достигает подобной мощности в конце октября – начале ноября, т.е. заготовка выполняется на полмесяца позднее, чем в 1950-е – 1970-е гг.

Все активнее главный фронт заготовки (пропиливание льда по периметру и его нарезание на прямоугольные параллелепипеды) производится с помощью бензопил со сравнительно небольшим участием в процессе пешней. При этом для повышения эффективности функционирования в специфических для бензопил условиях они могут подвергаться модернизации. Например, на цепи стачивается ограничитель глубины, а в бак для смазки заливается растительное масло – в целях обеспечения экологичности процесса. Чаще же пропиливание льда выполняется с пустым баком для смазки. В результате выпиливаются прямоугольные параллелепипеды размером в среднем 30 x 20 x 100 см. Оптимизация процесса заготовки льда предполагает и использование разнообразных вариаций самодельных клещей или иного инструментария (полозья с выступом и т.п.) для извлечения льда из майны. После извлечения лед в случае необходимости раскалывается до искомым размеров топором (ПМА. 2017 г., с. Исит, Хангаласский улус РС(Я), инф. В.С., 1933 г.р., муж.); [8].

Следует отметить также, что в связи с развитием рынка услуг по заготовке и доставке льда домохозяйствам период его выпиливания значительно расширился. Так, в окрестностях г. Якутска его заготавливают вплоть до начала апреля, используя в таком случае метод «сухой заготовки», когда отсутствует непосредственный контакт работника с водой, однако при этом требуется производить выпилку льда и с его нижней стороны [9].

Вариации подходов к хранению льда и талой воды

Зимой заготовленный лед, как и ранее, может храниться на улице прямо на снегу, на деревянных подставках или же под навесом. Однако по причине ухудшения экологической обстановки и появления в непосредственной близости от жилых домов, например, угольных котельных, лед зачастую стали накрывать брезентом или иным материалом (Рис. 2) (ПМА. 2018, с. Чапчылган, Амгинский улус (район) РС(Я); 2023, с. Юнкюр, Олекминский район РС(Я)). Иногда заготовленный лед может оставаться у места заготовки и постепенно вывозиться в течение зимы – это относится, конечно же, только к сельским поселениям с относительно небольшим числом жителей (ПМА. 2023 г., с. Юнкюр, Олекминский район РС(Я)). В летнее время года лед в случае, если его предпочитают для употребления воде, поставляемой с близлежащих рек или озер автоводоносами, по-прежнему хранится в подвалах или ледниках – сооружениях в толще многолетнемерзлых пород, где благодаря естественному охлаждению могут круглогодично поддерживаться отрицательные температуры (ПМА. 2017 г., с. Исит, Хангаласский улус РС(Я); 2018 г., с. Петровка, Мегинно-Кангаласский улус РС(Я)).

Как показали проведенные автором и его коллегами в течение 2017–2023 гг. социологические исследования, из 1096 респондентов в ряде сельских поселений Якутии только 291 пользуется в настоящее время ледниками (26,6%), тогда как «раньше они были у всех» (ПМА. 2018 г., с. Амга, Амгинский улус РС(Я), инф. Н.Е., 1955 г.р., жен.). При этом, например, в практически лишенном иных источников получения питьевой воды с. Сырдах Усть-Алдан-

Рис. 2. Хранение льда для питья во дворах жителей с. Юнкюр, март 2023 г. Фото автора

ского улуса (района) ледники используют 67% респондентов, т.е. поддержание этих сооружений в рабочем состоянии в сельской Якутии в настоящее время в т.ч. определяется наличием/отсутствием необходимости хранения запасов льда для питья в летнее время года. Например, семья нашего информанта А.М. (1981 г.р., жен.) из с. Петровка Мегино-Кангаласского улуса в 2012 г. построила в пределах своей дворовой территории ледник глубиной 6 м и длиной 12 м. При этом, по ее словам, важным фактором, определившим потребность в его сооружении, стали проблемы с доступом к качественной питьевой воде в данном селе и соответствующая необходимость хранения запасов льда (Рис. 3) (ПМА. 2018 г., с. Петровка, Мегино-Кангаласский улус (район) РС(Я)).

В условиях текущего изменения климата значительная масса ледников нуждается в применении различных практик по сохранению запасов холода. Среди новых приемов следует отметить утепление входных зон с помощью активно внедряемых в последние годы легких теплоизоляционных материалов, включая, например, пенофол [10]. Более традиционным инструментом сохранения холода в ледниках в теплое время года, получившим сейчас дополнительную популярность, является их глазировка. Еще К.И. Орлов, проводивший исследования в бассейне Колымы во второй половине 1920-х гг. в рамках Якутской комплексной экспедиции АН СССР, отмечал, что стены некоторых ледников в конце зимы обливают водой, «так, что они обледеневают и ледяная корка держится на них очень долго» (СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 126. Л. 50). Вместе с тем в настоящее время чаще всего глазировка предполагает

обмазку стен ледника кашицей из снега и воды (ПМА. 2021 г., с. Аргахтах, Среднеколымский улус (район) РС(Я), инф. В.В., 1975 г.р., муж.; 2021 г., с. Амга, Амгинский улус (район) РС(Я), инф. А.Ч., 1982 г.р., муж.).

В последние годы в связи с распространением относительно доступных и объемных емкостей из пластика все большую популярность стало приобретать их использование для хранения талой ледовой воды в теплое время года (Рис. 4). При наличии подобной емкости в апреле–мае в нее помещают оставшийся с зимы лед, где он тает. Подобные новации значительно упрощают не только хранение льда летом, но и его использование: в результате отпадает необходимость в трудоемком процессе загрузки этого криогенного ресурса в ледники и его извлечения по мере потребности, а также в некоторых случаях в целом – обслуживания ледников, ожидания оттайки льда перед употреблением (ПМА. 2023 г., с. Юнкюр, Олекминский район РС(Я)).

Сопутствующее значение заготовки льда

Необходимо отметить, что заготовка льда в сельской Якутии является также элементом укрепления корпоративности и локальных связей. Как отмечалось, заготовка льда осуществляется в т.ч. родственниками и способствует их совместному времяпрепровождению. Кроме того, зачастую в условиях достаточно сжатых временных рамок, являющихся оптимальными для заготовки льда, им может в непосредственной близости друг от друга одновременно заниматься значительная часть (преимущественно мужская) населения села, что создает благопри-

Рис. 3. Хранение льда для питья в одном из ледников в с. Петровка, март 2018 г. Фото автора

Рис. 4. Хранение талой ледовой воды в пластиковой емкости, с. Юнкюр, сентябрь 2023 г.
Фото автора

ятную среду для укрепления чувства общности. Интерес в этой связи представляет и скоростная заготовка льда. Ее осуществляют, например, в ходе игр, организуемых в Хангаласском улусе, и проводят между командами, представляющими разные наслеги. Победителем состязаний становится та команда, представители которой быстрее всех «заготовят» обозначенный организаторами участок поверхностного льда водоема [13].

Заключение

Использование криогенных ресурсов для получения питьевой воды традиционно занимало важнейшее место в жизнедеятельности населения Якутии. Несмотря на то, что с течением времени эксплуатация в подобных целях снега утратила свои позиции, значение поверхностного льда водоемов в первую очередь для сел региона, а также частного сектора городских поселений в обеспечении людей качественной питьевой водой сохраняется на весьма высоком уровне. При этом необходимо отметить временные сдвиги заготовки льда, которая в настоящее время, очевидно, вследствие климатических изменений, начинается позже, чем, например, в период полувековой давности и может при необходимости производиться дольше – вплоть до последних зимних дней благодаря лучшей, чем раньше технической оснащенности. Кроме того, технологическое развитие позволяет в целом упростить и ускорить процесс заготовки льда, а также существенно облегчить организа-

цию его хранения, что, как представляется, также вносит определенную лепту в устойчивость практик использования криогенных ресурсов для питья населением Якутии на современном этапе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.Р. Криогенные ресурсы и судьбы цивилизации // Наука и техника в Якутии. 2011. № 1. С. 85–90.
2. Алексеев В.Р. Талая вода – криогенный ресурс планеты // География и природные ресурсы. 2011. № 4. С. 24–31.
3. Большой толковый словарь якутского языка. Т. 4. Новосибирск: Наука, 2007.
4. Большой толковый словарь якутского языка. Т. 10. Новосибирск: Наука, 2013.
5. Винокурова Л.И., Григорьев С.А. Антропология холода: восприятие деградации мерзлоты сельскими жителями Республики Саха (Якутия) // Oriental Studies. 2023. № 5. С. 1265–1277.
6. Головнев В.А. Медиатрансформации в этнографии и рождение этноблогинга (на примере хантов реки Тромъеган) // Этнография. 2021. № 4. С. 186–210.
7. Десяткин Р.В. Почвообразование в термокарстовых котловинах – аласах криолитозоны. Новосибирск: Наука, 2008.
8. Добытки льда в Якутии. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GUn6oXozWQA>
9. Добытки льда. Сколько стоит кубометр питьевого льда в Якутии? URL: https://www.youtube.com/watch?v=_U3Agn2aOCg
10. Лето в якутской деревне. Булуус – вода из вечной мерзлоты и Ысыах в карантин. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=K4VH3pZm8Sc>
11. Мельников В.П., Геннадиник В.Б., Федоров Р.Ю. Гуманитарные аспекты криософии // Криосфера Земли. 2016. № 2. С. 112–117.
12. Мельников В.П., Федоров Р.Ю. Роль природных криогенных ресурсов в традиционных системах жизнеобеспечения народов Сибири и Дальнего Востока // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 133–141.
13. Начался сезон заготовки льда. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=d462XpvuLy0>
14. Павлова А.Н. Олоххо дьулуһуу: ахтыы (Тяга к жизни: воспоминания). Якутск, 2008.
15. Смирнов А.Н., Кирьянова Л.Ф., Михайлова Р.И., Рахманин Ю.А. Причина аномальных

свойств талой воды // Гигиена и санитария. 2009. № 5. С. 36–38.

16. Сокольников П.Н., Попов А.И., Говоров И.С. Жилище, одежда и пища якутов. Якутск: Типография Якутского Областного управления, 1913.

17. Сулейманов А.А. Антропология холода: естественные низкие температуры в традиционной системе жизнеобеспечения якутов (XIX в. – 30-е гг. XX в.) // *Oriental Studies*. 2021. № 1. С. 115–133.

18. Сулейманов А.А. «Ресурсы холода» в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (вторая половина XIX–XX в.): историко-антропологический очерк. Новосибирск: Наука, 2022.

19. Fedorov, R., 2019. Cryogenic resources: Ice, snow, and permafrost in traditional subsistence systems in Russia. *Resources*, Vol. 8, no. 1. URL: <https://www.mdpi.com/2079-9276/8/1/17>

REFERENCES

1. Alekseev, V.R., 2011. Kriogennyye resursy i sud'by tsivilizatsii [Cryogenic resources and the fate of civilization], *Nauka i tekhnika v Yakutii*, no. 1, pp. 85–90. (in Russ.)

2. Alekseev, V.R., 2011. Talaya voda – kriogennyyi resurs planety [Melt water as a cryogenic resource of the planet], *Geografiya i prirodnyye resursy*, no. 4, pp. 24–31. (in Russ.)

3. Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka. T. 4 [Great explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 4]. Novosibirsk: Nauka, 2007. (in Russ.)

4. Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka. T. 10 [Great explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 10]. Novosibirsk: Nauka, 2013. (in Russ.)

5. Vinokurova, L.I. and Grigorev, S.A., 2023. Antropologiya kholoda: vospriyatye degradatsii merzloty sel'skimi zhitelyami Respubliki Sakha (Yakutiya) [Cryoanthropology: perception of permafrost degradation by rural residents of the Republic of Sakha (Yakutia)], *Oriental Studies*, no. 5, pp. 1265–1277. (in Russ.)

6. Golovnev, V.A., 2021. Mediatransformatsii v etnografii i rozhdenie etnoblodinga (na primere khantov reki Tromyogan) [Media transformations in ethnography and the birth of ethnoblogging (the case of the Khanty of the Tromyogan River)], *Etnografiya*, no. 4, pp. 186–210. (in Russ.)

7. Desyatkin, R.V., 2008. Pochvoobrazovanie v termokarstovykh kotlovinakh – alasakh

kriolitozony [Soil formation in thermokarst basins – alases of the permafrost zone]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

8. Dobytkhiki l'da v Yakutii [Ice miners in Yakutia]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GUn6oXozWQA>

9. Dobytkhiki l'da. Skol'ko stoit kubometr pit'evogo l'da v Yakutii? [Ice miners. How much is a cubic meter of drinking ice in Yakutia?]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_U3Agn2aOCg

10. Leto v yakutskoi derevne. Buluus – voda iz vechnoi merzloty i Ysyakh v karantin [Summer in the Yakut village. Buluus – water from permafrost and Ysyakh during quarantine]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=K4VH3pZm8Sc>

11. Mel'nikov, V.P., Gennadinik, V.B. and Fedorov, R.Yu., 2016. Gumanitarnyye aspekty kriiosofii [Humanitarian aspects of cryosophy], *Kriosfera Zemli*, no. 2, pp. 112–117. (in Russ.)

12. Mel'nikov, V.P. and Fedorov, R.Yu., 2018. Rol' prirodnykh kriogennykh resursov v traditsionnykh sistemakh zhizneobespecheniya narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [The role of natural cryogenic resources in the traditional life support systems of the peoples of Siberia and the Far East], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 426, pp. 133–141. (in Russ.)

13. Nachalsyya sezon zagotovki l'da [Ice mining season has begun]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=d462XpvyLy0>

14. Pavlova, A.N., 2008. Olokhkho d'ulukhuu: akhtyy [Thirst for life: memories]. Yakutsk. (in Yakut)

15. Smirnov, A.N., Kir'yanova, L.F., Mikhailova, R.I. and Rakhmanin, Yu.A., 2009. Prichina anomal'nykh svoistv taloi vody [The reason for the abnormal properties of melt water], *Gigiena i sanitariya*, no. 5, pp. 36–38. (in Russ.)

16. Sokol'nikov, P.N., Popov, A.I., and Govorov, I.S., 1913. Zhilishche, odezhdya i pishcha yakutov [Housing, clothing and food of the Yakuts]. Yakutsk: Tipografiya Yakutskogo Oblastnogo upravleniya. (in Russ.)

17. Suleymanov, A.A., 2021. Antropologiya kholoda: estestvennyye nizkie temperatury v traditsionnoi sisteme zhizneobespecheniya yakutov (XIX v. – 30-e gg. XX v.) [Cryoanthropology: natural low temperatures in the traditional life support system of the Yakuts (XIXth century – the 1930s)], *Oriental Studies*, no. 1, pp. 115–133. (in Russ.)

18. Suleymanov, A.A., 2022. «Resursy kholoda» v sisteme zhizneobespecheniya sel'skikh

soobshchestv Yakutii (vtoraya polovina XIX–XX vv.): istoriko-antropologicheskii ocherk [«Cold resources» in the life support system of rural communities of Yakutia (second half of the XIXth – XXth century): an essay in history and anthropology]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

19. Fedorov, R., 2019. Cryogenic resources: Ice, snow, and permafrost in traditional subsistence systems in Russia. Resources, Vol. 8, no. 1. URL: <https://www.mdpi.com/2079-9276/8/1/17>

*Статья поступила в редакцию 10.07.2024;
рекомендована к печати 20.07.2024*

УДК 94(571.6)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-3/28-38>

В.К. Азаревич*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАДЗОР ЗА ВЛАДИВОСТОКСКОЙ КРЕПОСТЬЮ И СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛИЕЙ (1905–1917 гг.)

В статье описана реализация политического надзора за Русской императорской армией и флотом в период 1905–1917 гг. на примере крупнейших оперативных соединений Приамурского военного округа – Владивостокской крепости и Сибирской флотилии. Их военнослужащие были основной движущей силой революционных выступлений 1905–1907 гг. в регионе, что определило необходимость контроля за ними. Автор рассматривает проблему становления политического надзора последовательно – от создания политического сыска в Приморье в 1906 г. до его упразднения в 1917 г., выделяя в данном процессе два этапа.

Ключевые слова: Владивостокская крепость, Сибирская флотилия, Дальний Восток, политический надзор, политический сыск

Political surveillance over the military personnel of Vladivostok Fortress and Siberian Flotilla, 1905–1917. VASILIIY K. AZAREVICH (Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History, Vladivostok, Russia)

The article describes the implementation of political surveillance over the Russian Imperial Army and Navy in the period from 1905 to 1917 using the case of the largest operational units in the Amur Military District – the Vladivostok Fortress and the Siberian Flotilla. Their military personnel were the main force of the revolutionary uprisings of 1905–1907 in the region, which made clear the need to control them. The author examines the issue of the making of political surveillance consistently – from the establishment of political investigation body in Primorye in 1906 to its abolition in 1917, highlighting two stages in this process.

Keywords: Vladivostok Fortress, Siberian Flotilla, Russian Far East, political surveillance, political investigation

Русско-японская война и Первая русская революция превратили армию в «вооруженный народ», чутко откликавшийся на изменения в жизни страны. Политизация армии сделала важной для государства задачу установления политического надзора за военными. Этот про-

цесс прошел в своем развитии несколько этапов, каждый из которых имел свои особенности, а их смена была обусловлена событиями внутри страны и в мире. Рассмотреть этот процесс можно на примере установления жандармского политического надзора за гарнизоном

* АЗАРЕВИЧ Василий Кириллович, научный сотрудник Отдела исследований Государственного объединенного музея-заповедника истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева, г. Владивосток, Россия, v.k.azarevich@gmail.com

© Азаревич В.К., 2024

Владивостокской крепости и матросами Сибирской флотилии в 1907–1917 гг. Во Владивостоке именно армия и флот сыграли основную роль в революционных событиях 1905–1907 гг. К тому же Владивосток сам по себе был крупной крепостью и главным военно-морским портом в регионе, что должно было по-особому ставить вопрос о контроле настроений войск. Численность гарнизона Владивостокской крепости в первой половине 1910-х гг. достигла 60 000 человек, распределенных по 16 фортам, десяткам батарей, опорных пунктов и иных укреплений. В состав Сибирской флотилии входило 2 крейсера, минная бригада из 9 эсминцев и 11 миноносцев, дивизион из 8 подводных лодок, отряд заградителей из 1 канонерской лодки и 3 минных заградителей, а также 12 транспортов и вспомогательных судов и Сибирский флотский экипаж на 1 200 человек (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 319, 350–375).

На основе документов Владивостокского охранного отделения и Владивостокской крепостной жандармской команды, хранящихся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока, и документов Департамента полиции МВД и Отдельного корпуса жандармов Российской империи, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, можно последовательно описать историю жандармского политического надзора за гарнизоном Владивостокской крепости и матросами Сибирской флотилии. Данные материалы позволяют выявить причины его установления и факторы, влиявшие на него. Выделение в данном процессе отдельных периодов для их последующего сопоставления друг с другом позволяет получить представление о качественных изменениях, произошедших с политическим сыском в военной среде, и их причинах. Автор стремился сравнивать политический надзор за армией и флотом на Дальнем Востоке и в других регионах России, чтобы рассмотреть данное явление в общеимперском контексте.

История надзора за крепостным гарнизоном и матросами флотилии отчетливо делится на два крупных этапа, отличных друг от друга. Для первого этапа (1905–1911 гг.) была характерна убежденность офицеров политического сыска в том, что корень революционного брожения в армии и на флоте следует искать среди гражданских жителей Владивостока. Военные

воспринимались не как субъект, а как объект противоправительственной агитации. Казалось, что уничтожение источников агитации приведет к гибели подпольного движения в армии. Как писал о событиях 1905 г. начальник штаба Владивостокской крепости А.П. Будберг, революционная агитация «всегда полагается в отношении политически инертных и темных масс, базировалась главным образом на вопросах чисто шкурного характера, на довольствии, одежде и денежных окладах» [1, с. 363]. Сыск сосредоточился на борьбе с революционерами и агитаторами, которые оказывались в рядах войск. Так, в 1907 г. благодаря агенту охраны была раскрыта военная организация РСДРП во главе с Григорием Шамизоном, повешенным в итоге за его деятельность [5, с. 107].

Второй этап охватил 1911–1917 гг. В период с 1908 по 1911 гг. в Иране, Китае, Португалии, Турции произошли революции, в которых ведущую роль сыграли военные. Вдохновившись этим опытом, эсеры и социал-демократы усилили работу в армии и на флоте, что не ушло от внимания политического сыска, также усилившего свою работу в армейской среде. Начальник Владивостокского охранного отделения в 1911–1913 гг. К.А. Нагродский создал с нуля разветвленную агентуру, которая охватывала части крепостного гарнизона и флотилии. От борьбы с единичными активистами охранка перешла к освещению настроений в армейской среде, обращая внимание не только на антиправительственные настроения и литературу, но и на отношение солдат и матросов к своим командирам и условиям службы, что превратило работу охраны в полноценный политический надзор.

Сравнение деятельности Владивостокского охранного отделения в военной среде с деятельностью других органов политического сыска показывает, что она не была уникальна. В 1913 г. на Балтике среди военных действовало 58 секретных сотрудников, которые представляли собой 15% от всех военных агентур политического сыска России [13, с. 15]. Из них 33 сотрудника находились при Кронштадтском жандармском управлении, 11 – при Эстляндском, 9 – при Финляндском, 5 – при Курляндском. В большинстве случаев агентура провинциальных жандармских органов среди военных не превышала 4–5 сотрудников на управление [13, с. 14]. На этом фоне Владивостокское охранное отделение, на которое в 1913 г. работало

13 человек (или 3% от всех военных агентур), выглядит одним из ведущих органов сыска в армейской среде. Всего же в 1911–1913 гг. на владивостокскую охранку среди военных и матросов работали агенты «11», «15», «Абрамов», «Акулина», «Александров», «Борисов», «Головин», «Дмитриев», «Евдокимов», «Зыбин», «Каменев», «Находка», «Нестеров», «Прощальный», «Тарасов», «Сергушин», «Федотов» и «Чернов».

В 1912–1913 гг. у Владивостокской крепостной жандармской команды было 3 вспомогательных агента в гарнизоне крепости: «Банковский», «Домовладелец», «Разносчик» (Государственный архив Российской Федерации, далее – ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1ч. 119 л. Д (1911 г.). Л. 4–5). У Николаевской крепостной жандармской команды был 1 вспомогательный агент в самой крепости (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1ч. 119 л. Д (1911 г.). Л. 8). В отношении ведения агентуры эти команды также подчинялись Владивостокскому охранному отделению. Совокупно на две крепости и одну флотилию приходилось более 20 агентов. Для сравнения, Кронштадтское жандармское управление вело агентурную работу в крепости Кронштадт и на большей части Балтийского флота. В зону ответственности Эстляндского жандармского управления входили Морская крепость императора Петра Великого и одноименный военно-морской порт в Ревеле. Финляндскому жандармскому управлению были подведомственными базы флота в Гельсингфорсе и Свеаборге, а также Выборгская крепость и Свеаборгская, преобразованная позже в флангово-шхерную позицию Морской крепости императора Петра Великого. Курляндскому жандармскому управлению была подчинена Жандармская команда в порту императора Александра III. Это сравнение показывает, что военные агентуры Владивостокского охранного отделения не только соответствовали общеимперскому стандарту. Количество агентов превышало среднее для губернских жандармских управлений по стране в 4–5 раз и было на одном уровне с такими «передовыми» в области военного сыска жандармскими управлениями, как Кронштадтское или Финляндское, под надзором которых были более насыщенные революционными агитаторами и организациями Балтийский флот и гарнизоны Выборгской, Кронштадтской и Свеаборгской крепостей. Само по себе это показывает, что усиленная

агентурно-сыскная работа охранных отделений и жандармских управлений в армии и на флоте в первой половине 1910-х гг. в целом по стране была нормой.

Первым органом политического контроля на интересующих нас объектах стала созданная для военно-полицейской службы в 1896 г. Владивостокская крепостная жандармская команда [5, с. 61]. Осенью 1905 г. ей поручили политический сыск, т.е. ведение тайной агентурной работы для борьбы с революционной угрозой (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2872. Л. 6). До того момента жандармы во Владивостоке не вели агентурного наблюдения и опирались на сведения, получаемые от МВД. Превращение крепостной жандармской команды в орган сыска не предотвратило солдатский бунт в январе 1906 г. Назначенного после этого на должность начальника крепостной жандармской команды ротмистра В.К. Петрова комендант крепости считал не готовым к службе в сложных условиях Владивостока (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 11521. Л. 32). Сам Петров указывал, что фактически он выполняет обязанности не только начальника крепостной жандармской команды, но и адъютанта Жандармского полицейского управления по Уссурийской железной дороге и начальника Владивостокского отделения того же управления. При этом он дважды в ноябре 1906 г. просил о назначении к нему офицера для выполнения дознания по государственным преступлениям (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 11521. Л. 4950). Из-за дефицита кадров эти заявления остались неудовлетворенными.

Тем не менее он сумел наладить агентурную работу силами шести секретных сотрудников, которые за месяц деятельности выявили несколько социал-демократических организаций, «деятельность коих направлена главным образом к распространению пропаганды в войсках, местных сил не замечается и все они питаются литературой, провозимой из Японии, Читы, Иркутска, Омска и Благовещенска, размножаемой на гектографах и распространяемой через дома терпимости как русские, так и японские» (РГИА ДВ. Ф. 563. Оп. 1. Д. 1. Л. 42). Исходя из этого В.К. Петров пришел к выводу, что главными агитаторами являются городские жители, в то время как крепостной гарнизон является объектом пропаганды. То же он писал и в доносениях о революционной пропаганде среди матросов флота (РГИА ДВ. Ф. 563. Оп. 1. Д. 1. Л. 44).

В январе 1907 г. было создано Владивостокское охранное отделение, которое должно было заниматься сугубо политическим сыском. Оно было создано на основе крепостной жандармской команды, начальник которой был одновременно начальником охраны [12, с. 103]. В царской России охранные отделения были главным звеном политического сыска, в чьи обязанности входило тайное агентурное наблюдение [10, с. 131]. В организационном отношении владивостокская охранка подчинялась Сибирскому районному охранному отделению в Иркутске, руководителем которого был начальник Иркутского губернского жандармского управления (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 825ч. 27 (1906 г.). Л. 26). Накануне восстания 17 октября 1907 г. охранка под руководством А.Д. Заварицкого вышла на след военной организации эсеров, установила ее руководство и арестовала агитаторов, среди которых нашлись даже младшие офицеры крепостного гарнизона [2, с. 129]. Охранке удалось раскрыть численность, планы и явки военной организации эсеров, как и планируемую ими дату бунта – 21 октября.

Действия А.Д. Заварицкого не предотвратили, а форсировали восстание, в котором матросы флота сыграли ведущую роль. Филеры отделения для уничтожения революционного подполья использовали методы прямой провокации, включая фальсификацию улик. Это привело к тому, что сам жандармский подполковник Заварицкий был приговорен к трем годам арестантских рот по обвинению в подделке агентурных сведений и неприятии мер по предотвращению преступлений [2, с. 143]. Преемник Заварицкого коллежский асессор Н.И. Губский вскоре был уволен [6, с. 35]. Во главе Владивостокского охранного отделения в феврале 1908 г. встал ротмистр Илларион Евстафьевич Хуциев, который четвертый раз за год с небольшим заново выстраивал работу вверенного ему отделения, вербовал новых агентов и принимал на службу новых филеров [2, с. 142].

В 1906–1907 гг. произошла замена разложившихся войск гарнизона новыми лояльными полками из молодых солдат, что лишило революционеров социальной базы для своей деятельности. Методы же работы владивостокской охраны по предотвращению революционных бунтов среди военных не претерпели значительных изменений. Считалось, что главным источником революционной угрозы среди военных являются сторонние агитаторы, получающие

антиправительственную литературу откуда-то извне. Основной упор был сделан на борьбу с Восточным автономным комитетом партии эсеров в Нагасаки, который возглавлял бывший народоволец, бежавший из Владивостока, Борис Оржих. Одним из крупнейших успехов охраны в борьбе с эсерами в Нагасаки был разгром типографии революционеров, проведенный агентами Владивостокского охранного отделения из числа сотрудников японской полиции (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 2. Д. 1. Л. 489–490). Деятельность охраны привела к тому, что революционеры перенесли свой комитет в Шанхай, где жандармы развернули новую агентуру для наблюдения за ним (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 2. Д. 1. Л. 353). Во Владивостоке эсеровская военная организация так и не возникла, завязнув на этапе кружковщины. Параллельно друг другу существовали два кружка – офицерский, в котором состояли капитан Попов, поручики Алексеев и Магницкий, и столь же малочисленный солдатский (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 9ч. 86 л. А (1908 г.). Л. 98).

Поворотной точкой в реализации надзора за военными стало дело «Военного союза Владивостокской крепости». Этому способствовал ряд событий в мире: в 1908–1909 гг. произошла революция в Османской империи, в 1910 г. – в Португалии, в 1911 г. – в Китае. Во всех трех случаях роль движущей силы революции сыграли армия и флот, на штыках которых к власти приходили национал-либералы. Огромная роль военно-морского флота в свержении португальского короля Мануэла II привела к сохранению агентуры среди моряков [14, с. 58]. Под воздействием этого опыта революционные партии в России сделали ставку не на рабоче-крестьянское восстание, а на военный переворот.

В 1908 г. Департамент полиции МВД сообщил органам провинциального сыска, что ЦК РСДРП поменял тактику работы с военными. ЦК решил создать Военное бюро, целью которого было руководство военными организациями в провинции, сбор сведений о дислокации и численности армии, настроениях и революционных вспышках в войсках, наличии партийных работников среди солдат и установление возможности для ведения агитации (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 7. Л. 1). В губерниях члены РСДРП должны были формировать автономные военные комитеты. Они должны были склонить войска на сторону революции «приобретением связей в войсках и образованием кружков, из

коих формируются сугубо солдатские организации, из которых создаются ротные комитеты, которые затем формируют полковые» (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 7. Л. 9). Позже стало известно, что военным организациям РСДРП предписано активно вербовать офицерскую прислугу для сбора информации о настроениях офицерства (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 7. Л. 11). Это показывало стремление социал-демократов к агитации в войсках. В январе 1909 г. владивостокская охранка получила сообщение, что после младотурецкого переворота свое отношение к работе в армии поменяли и эсеры: они решили, что данная работа имеет наивысший приоритет относительно агитации среди крестьян и рабочих, что нашло выражение в наделении военных организаций полной автономией от местных комитетов (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 7. Л. 2).

В 1910 г. директор Департамента полиции Н.П. Зуев циркулярным письмом предписал усилить агентурную работу жандармских управлений и охранных отделений в войсках, мотивируя это усилением работы революционных партий в армии и на флоте [11, с. 213–214]. В том же году по инициативе эсеров в Цюрихе состоялась межпартийная конференция. По ее итогам было принято решение об объединении работы всех социалистических партий в армейской среде [14, с. 661]. Весной 1911 г. начальник Сибирского районного охранного отделения М.Н. Познанский сообщил во Владивосток, что «революционная организация будто бы подготовлена ко всеобщей забастовке». Ее членами он называл военных, врачей и рабочих. В состав этого заговора вошли «все группы и партийные оттенки, начиная с самых крайних левых и до тех прогрессивных элементов, кои пришли к заключению, что для “спасения отечества” возможен только один путь – “полное повторение всех деталей 1905 года”» (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 23. Л. 31).

В апреле 1911 г. начальник Санкт-Петербургского охранного отделения М.Ф. фон Котген сообщил во Владивосток, что в крепостном гарнизоне действует революционная организация под названием «Военный союз Владивостокской крепости». Казалось, что близится восстание крепостного гарнизона, подготовленное тайной организацией. Расследование деятельности «Военного союза» показало, что никакого заговора не существовало, а сама организация представляла собой группу из четырех человек,

способных лишь к нерегулярному выпуску менее чем пятнадцати прокламаций за раз. Один участник организации, рядовой 6-го Сибирского саперного батальона Вильгельм Раммо, был солдатом, в то время как остальные его товарищи были представителями городской интеллигенции (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 251).

Это дело радикально изменило работу Владивостокского охранного отделения. Был уволен начальник охранки ротмистр И.Е. Хуциев. Проведенная в октябре 1911 г. вице-директором Департамента полиции С.Е. Виссарионовым проверка политического сыска на Дальнем Востоке показала, что за полгода расследования деятельности «Военного союза» Хуциев циркуляров Департамента полиции об агентурном освещении войск не выполнил. На его место был назначен ротмистр Константин Адольфович Нагродский, а помощником – ротмистр Евгений Константинович Лалевич. Им обоим Виссарионов поставил задачу создание агентуры среди военных и скорейшее раскрытие «Военного союза» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 241. Д. 292ч. 64. Л. 41об.).

Для поиска заговорщиков среди солдат 33-го Сибирского стрелкового полка и 6-го Сибирского саперного батальона были направлены агенты «15» и «Сергушин» (РГИА ДВ. Ф. 526. Оп. 1. Д. 21. Л. 64). Их работа дала первые результаты и уже в начале декабря того же года Раммо был арестован за дисциплинарный проступок, из-за чего связь организации с ЦК партии эсеров оборвалась (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 241. Д. 292ч. 64. Л. 46об.). Этот арест нарушил деятельность организации, которая еще раз проявила себя в мае 1912 г. распространением самодельных листовок, после чего она окончательно прекратила свое существование.

Летом 1911 г. Н.П. Зуев циркулярным письмом указал провинциальным жандармам на необходимость заведения вспомогательной агентуры в войсках среди хозяев солдатских лавок, мастерских и иных гражданских лиц, регулярно находящихся среди военных [11, с. 220]. Соответственно этому указанию К.А. Нагродский завербовал двух агентов на Русском острове – «Акулину» и «Находку», которые вели слежку не только за военными, но и за рабочими на крепостном строительстве. Летом 1912 г. агенты сообщали, что на острове Русском среди военных и рабочих нет каких-либо революционных настроений и организаций (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 20ч. 64 л. Б. Л. 172).

В феврале 1912 г. очередным циркулярным письмом Департамент полиции указывал на то, что в войсках участились случаи покушения на командиров и начальствующих лиц со стороны нижних чинов «в виде мести за строгость» [10, с. 239]. Руководство полиции признало, что недовольство солдат своими командирами может использоваться для революционной агитации, поэтому агентура Владивостокского охранного отделения стала обращать внимание именно на случаи недовольства солдат командирами по бытовым и дисциплинарным причинам. Так, в январе 1913 г. агент «Александров» сообщил, что в 9-й роте 35-го Сибирского стрелкового полка нижние чины возмущены поступком командира роты капитана Трифонова, который с ноября 1912 г. не выдавал нижним чинам хлебные деньги, задолжав им до 200 руб. При этом революционной работы в полку не было (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 291ч. 64 л. Б. Л. 4). После донесения Нагордского коменданту крепости хлебные деньги нижним чинам были уплачены, что устранило конфликт. 30 января агент «Абрамов» сообщил, что 1 января в Гнилом углу был убит унтер-офицер 3-й Воздухоплавательной роты, безусловно, нижними чинами на почве мести за чрезмерно строгое отношение (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 291ч. 64 л. Б. Л. 5). Также «Александров» сообщил, что во время гимнастических занятий в 3-м Владивостокском крепостном артиллерийском полку один из солдат не смог прыгнуть через кобылу. Тогда его уложили на кобылу животом вниз и приказали солдатам прыгать через него опираясь на поясицу бойца. Это привело его к гибели от воспаления брюшины, чем были возмущены солдаты полка (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 291ч. 64 л. Б. Л. 9). Все эти случаи освещались руководством охраны и сообщались вышестоящему командованию, становясь поводом для разбирательств. Так охранка, оставаясь в тени, помогала командованию вовремя ликвидировать почву для возможных конфликтов.

Также внимание агентуры привлекали слухи. В начале 1913 г. среди стрелковых полков на Русском острове, 6-го Саперного батальона и в Воздухоплавательном батальоне появились слухи о том, что в честь 300-летия дома Романовых будет произведено досрочное увольнение солдат в запас на полгода раньше положенного срока. Жандармы обратили внимание командиров на эти слухи для проведения разъяснительных бесед с солдатами. Весной внимание

охранки привлек бывший рядовой 21-го Сибирского стрелкового полка Крестьянинов. Он «распространял революционные слухи между нижними чинами и уверял, что года через три в России будет так же хорошо, как и в Китае, так как не будет Царя» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 291ч. 64. Л. 1). Крестьянинов был связан с партией эсеров, и здесь обращает на себя внимание то, что в своей агитации эсеры использовали прецеденты революций не только в Португалии и Турции, но и в соседнем Китае.

Велась слежка и за связями солдат с внешним миром. Так, в апреле 1913 г. в поле зрения охраны попал писарь 36-го Сибирского стрелкового полка Слободчиков, который неоднократно бывал у книготорговца и эсера Аюпова во время увольнений в город и интересовался революционным движением в армии. По данным агентуры, он имел связи с эсерами еще в родном Минусинске (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 9ч. 64 л. Б. Л. 35). Вскоре выяснилось, что после увольнения из армии Слободчиков планировал остаться работать на строительстве крепостных объектов и призывал к тому же солдат гарнизона, которых он считал сознательными. Его целью была революционная агитация в войсках и среди крепостных рабочих, чтобы спровоцировать их на бунт. Также выяснились его связи с инженером военного порта Николаем Крыловым, считавшимся эсером (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 9ч. 64 л. Б. Л. 72).

Создание постоянной агентуры среди крепостного гарнизона позволило повысить эффективность сыска. Жандармам удалось пресечь любую революционную деятельность в войсках в зародыше. Как показывает случай Слободчикова, о попытках ведения революционной работы в войсках они узнавали еще в тот момент, когда она была лишь идеей. К тому же собираемые агентами сведения значительно помогли в улучшении бытовых условий и повышении уровня дисциплины войск гарнизона, что также способствовало предотвращению революционных выступлений в войсках.

Осенью 1912 г. Особый отдел Департамента полиции предписал установить агентурное наблюдение за матросами Сибирской флотилии (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 316). После этого К.А. Нагордский запросил полный список всех кораблей и судов флотилии, а позже запросил у командования флотилии и флотского экипажа списки всех переведенных на Дальний Восток матросов Черноморского флота (РГИА

ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 329). В дальнейшем он проверял матросов каждого из кораблей Сибирской флотилии по отдельности. Например, в декабре 1912 г. был запрошен полный список нижних чинов крейсера «Жемчуг», после чего Нагородский поделил их по месту призыва и направил в жандармское управление каждой губернии, откуда были призваны матросы, запросы об их политической благонадежности (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 375).

Основным методом политического сыска в Сибирской флотилии был не методичный перебор матросов, а традиционная агентурная работа. Основным агентом по освещению политических настроений матросов был некто «Прощальный» (ГАРФ. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 605. Л. 98). Вспомогательным агентом был «Каменев», а в военном порту работал «Южный», бывший сотрудник сыскной полиции, трудившийся паспортистом (ГАРФ. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 605. Л. 25). Помимо них также одновременно действовали от 2 до 5 вспомогательных агентов. В донесениях они обращали внимание в первую очередь на случаи нарушения дисциплины и самоуправство. Например, морской врач Алексей Баранов попал под надзор охраны потому, что регулярно выписывал матросам больничные, чтобы они могли избежать гауптвахты, и вел себя с ними максимально либерально. От претензий со стороны командиров его спасало то, что командующий Сибирской флотилией вице-адмирал Стеценко был женат на сестре его жены (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 288-В.Ф. Л. 5). Впоследствии К.А. Нагородскому через Сибирское районное охранное отделение в Иркутске удалось добиться возбуждения переписки о переводе Баранова из Владивостока. В итоге вопрос решился письмом товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского на имя морского министра И.К. Григоровича, после которого Баранов был переведен из Владивостока на запад России (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 288-В.Ф. Л. 22). Так ротмистр Нагородский добился устранения из Сибирской флотилии человека, чьи действия негативно влияли на матросскую дисциплину.

В январе 1913 г. агент «Прощальный» отмечал, что общее настроение нижних чинов Сибирской флотилии и Сибирского флотского экипажа было спокойным. Революционная работа среди матросов не велась, какой-либо связи с партийными центрами у них не было. Даже среди подводников и фельдшеро́в – тра-

диционно самых склонных к революционной деятельности матросов – наблюдалась тишина и спокойствие (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 291ч. 64 л. Б. Л. 5). В этих условиях особое внимание обращалось на бытовые условия как источник возможного раздражения. В марте 1913 г. агент «Дмитриев» сообщил, что во время заграничного плавания флагмана флотилии крейсера «Аскольд» было десять случаев побега матросов. Бежали молодые, призванные в 1912 г., из-за тяжелой службы в машинном отделении и скверной пищи. Он также сообщил о попытке убийства командира крейсера капитана 1-го ранга Л.К. Теше. Этот поступок агент объяснял тем, что команда мало дисциплинирована и сильно настроена против Теше и его офицеров из-за их грубого поведения (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 291ч. 64 л. Б. Л. 12). При этом командующий флотилией Стеценко считал Теше командиром строгим, но справедливым, однако сообщения владивостокской охраны принимались им во внимание для предотвращения кризисных ситуаций среди матросов.

Обращалось внимание на взаимодействие матросов с гражданскими лицами, иностранцами и бывшими сослуживцами. В феврале 1913 г. «Прощальный» сообщил о попытках китайского консула вербовать матросов Сибирской флотилии для службы в китайском флоте за 200 руб. в месяц. Такие предложения делались во Владивостоке матросам транспорта «Уссури» и матросам канонерской лодки «Маньчжур» во время ее захода в Ханькоу (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 20ч. 64 л. Б. Л. 22). Тогда же агент «Нестеров» сообщил, что бывший матрос Мадюновский, уволившийся со службы в 1912 г., эсер и имеет связь с присланными во Владивосток из Севастополя матросами. Он призывал матросов к бунту в случае беспорядков по поводу юбилея дома Романовых или войны с Китаем (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 9ч. 64 л. Б. Л. 11). Таким образом, созданная в 1912–1913 гг. в Сибирской флотилии и Сибирском флотском экипаже агентурная сеть также помогала в выявлении революционной работы, ее предотвращении, а собираемые сведения о дисциплине и быте среди матросов помогали предотвращать вспышки недовольства среди них.

Успехи агентуры Владивостокского охранного отделения не спасли ее от глобальных реформ. В марте 1913 г. В.Ф. Джунковский своим циркуляром приказал ликвидировать все секретные агентуры среди нижних чинов, апел-

лируя к тому, что применение методов тайного сыска совращает войска и пагубно сказывается на их дисциплине [11, с. 274]. На первый взгляд, это решение не оказало фатального воздействия на качество работы владивостокской охранки в армейской и флотской среде. До начала Первой мировой войны начальник охранного отделения исправно получал сообщения от своих агентов среди военных. Объяснить это можно тем, что циркуляр Джунковского категорически запрещал лишь вербовку нижних чинов армии и флота, оставляя при этом лазейку в виде привлечения в качестве секретных сотрудников гражданских лиц, находящихся в постоянном контакте с нижними чинами – буфетчиков, лавочников, кузнецов, сапожников, хозяев квасных лавок, которые жили и вели свою деятельность на территории военных городков. Однако полнота получаемых сведений говорит о том, что на охранку продолжали работать агенты из нижних чинов войск, которых жандармы не спешили увольнять, вопреки указам начальства.

При этом стоит заметить, что Владивостокское охранное отделение оказалось одним из пяти (наравне с Варшавским, Московским, Санкт-Петербургским и Туркестанским), избежавших ликвидации в ходе реформ Джунковского. Владивостокская охранка была сохранена потому, что в Приамурском генерал-губернаторстве (как и в Туркестанском) не было жандармского управления, которому можно было бы передать ее функции и сотрудников. Пограничное положение региона, наличие крупных военных сил и близость к эмигрантским революционным центрам заставили руководство МВД сохранить охранные отделения в Приамурье и Туркестане на случай возможного обострения революционной ситуации в стране [14, с. 156].

Первая мировая война актуализировала необходимость надзора за армией, несмотря на все запреты. В августе 1915 г. был завербован агент «Идейный» для освещения настроений крепостного гарнизона (ГАРФ. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 605. Л. 72). Ему и вспомогательной агентуре удалось оперативно наладить освещение настроений в частях крепостного гарнизона, среди которых особое внимание привлекала Владивостокская крепостная военно-телеграфная рота. Про нее новый начальник охранки ротмистр А.А. Гинсбург писал, что в случае революции в стране она станет «главным бродилом мятежа» во Владивостоке, т.к. укомплектована интелли-

гентными призывниками с хорошим образованием и «прогрессивными взглядами» (ГАРФ. Ф. 102. 245. Д. 167ч. 64. Л. 35). В этой роте наиболее активно распространялось недовольство ее командиром генерал-майором Антонином фон Агте. Агенты отметили: «...Поводом к этому послужили постоянные опросы генералом молодых солдат: “когда поедешь на войну, кого будешь бить” – “немцев” – “дурак, не немцев, а германцев”, такие реплики генерала производят впечатление, будто бы фон Агте защищает немцев» (ГАРФ. Ф. 102. 245. Д. 167ч. 64. Л. 11).

В августе 1914 г. среди прибывающих в город по мобилизации матросов Сибирской флотилии распространялось недовольство качеством пищи, в казармах обсуждалась возможность открытого протеста (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 244. Д. 291ч. 64 л. Б. Л. 7). На протяжении всего 1914 г. «Прощальный» передавал информацию о внутренней жизни матросов флотилии, а в 1915 г. был мобилизован в Сибирскую флотилию, что улучшило качество его работы. В июне 1916 г. агенты усилили наблюдение за матросами Сибирской флотилии. Они сообщали, что среди матросов-черноморцев, прибывших во Владивосток для укомплектования переданных из Японии крейсеров «Варяг», «Пересвет» и «Чесма», распространяется революционная литература. Матросы «Чесмы» оценивались как наименее дисциплинированные. Отмечалось распространение баптизма среди матросов Сибирского флотского экипажа и недовольство матросов своими офицерами, дезертирство с крейсеров и попытка экипажа «Чесмы» устроить бунт (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167ч. 64. Л. 41об.). Позднее из-за буйств матросам «Чесмы» запретили выходы в город, а руководство охранки отмечало, что экипаж крейсера разлагает дисциплину и порядок матросов, солдат и мирных жителей города (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167ч. 64. Л. 43об.).

Агентурная сеть Владивостокского охранного отделения среди крепостного гарнизона и матросов флотилии бдительно наблюдала за их настроениями и связями, своевременно пресекала агитацию в казармах. В конце 1916 г. начальник охранки подполковник М.М. Богачевич писал, что среди гарнизона Владивостокской крепости и матросов Сибирской флотилии не ведется какой-либо революционной работы (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 26. Л. 1). В 1940 г. ветеран революционного движения и советский историк В.П. Голионко в своей ра-

боте, опираясь на дореволюционные документы, писал, что деятельность охраны в 1911–1912 гг. привела к уничтожению на Дальнем Востоке революционного движения в организованном виде. Вместо этого отдельные активисты пытались вести пропаганду, но их всегда арестовывали жандармы [4, с. 80]. В своих мемуарах бывший премьер-министр ДВР и участник революционного подполья во Владивостоке П.М. Никифоров также вспоминал не о революционных организациях, а о единичных активистах среди офицеров (Э.К. Кистер, В.В. Сакович) и рядовых (А. Алютин, А. Воронин) [9, с. 4]. Современные исследования подтверждают, что работа Владивостокского охранного отделения сдерживала рост революционных настроений в регионе [12, с. 74]. Гарнизон Владивостокской крепости и матросы Сибирской флотилии дисциплинированно подчинились приказам коменданта крепости Д.Д. Крылова о признании власти Временного правительства (Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13149. Оп. 1. Д. 130. Л. 13–14). Так же спокойно городская дума сформировала Комитет общественной безопасности, а военный губернатор Приморья утвердил его состав [3, с. 12]. Революция на Дальнем Востоке совершилась не в результате организованной партийно-революционной деятельности, а в результате сознательно-го принятия ее местными властями.

Реформы Александра II превратили «кастовую» рекрутскую армию в «вооруженный народ». По мнению военного теоретика Н.А. Епанчина, это привело к тому, что связь между армией и народом укрепилась, стала в разы прочнее, гражданский мир и тыл стали оказывать огромное воздействие на военных [8, с. 594]. Эта связь остро проявилась в Первую русскую революцию, показав, что армия перестала быть опорой режима и активно участвует в революционных выступлениях. Последующие события показали, что изменение статуса армии – это новая социальная реальность.

После войны с Японией и революции все чаще раздавались требования глубокой военной реформы, затрагивающей военную доктрину, обучение солдат, организацию и вооружение войск. В армии возникли политизированные группы офицеров, стремившиеся к переменам [7, с. 313]. Вопросы устройства и реформы армии стали предметом ожесточенных дискуссий между парламентскими партиями, министер-

ствами, придворными кликами, отдельными ветвями дома Романовых. Армия стала активно обсуждаться в политическом контексте, и ее социальная значимость становилась с каждым днем все очевиднее. Политизация армии, как и ее недавнее революционное прошлое, должны были актуализировать вопрос о политическом надзоре за нею [7, с. 316]. Иллюстрацией этого на региональном уровне может служить становление политического сыска среди военных во Владивостоке. Он возник как реакция на революционное движение 1905–1907 гг., восстания гарнизона и экипажей флотилии, что выразилось в наделении розыскными функциями крепостной жандармской команды. Ее малочисленность, реформы в системе МВД, рост революционного движения заставили перейти к созданию более профессионализированного органа политического контроля. Им стало Владивостокское охранное отделение, что соответствовало имперской политике: в 1903 г. в России было не более 15 охранных отделений, а к концу 1907 г. – уже 27 [10, с. 135]. Необходимость вести наблюдение за замкнутым миром крепостного гарнизона и динамично растущим гражданским населением Владивостока одновременно, близость города к заграничным центрам революционной эмиграции и оторванность от столицы очень осложняли работу охранных структур: в 1907 г. четырежды сменилось руководство Владивостокского охранного отделения, что не могло сказаться на его работе позитивно.

После военно-административного подавления революционного движения в конце 1907 г. удалось наладить работу политического сыска. Она заключалась в наблюдении за революционными активистами и группами и их постепенных арестах и ликвидациих. В 1908–1909 гг. произошел если не полный разгром, то серьезное ослабление революционного движения, вызвавшее ослабление деятельности охраны. В 1911–1917 гг. владивостокская охранка стремилась охватить своим надзором как можно больший круг вопросов, обращая внимание не только на открытые проявления революционной угрозы. Применительно к армии и флоту это выразилось не только в усилении агентурного наблюдения за ними, но и в том, что кроме политической агитации в поле зрения агентов охраны стали попадать вопросы солдатского быта, соблюдения дисциплины и взаимоотношений военнослужащих.

Политический надзор за Владивостокской крепостью и Сибирской флотилией продолжался даже после циркуляра товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского о ликвидации агентур среди военных. Руководство Владивостокского охранного отделения стремилось сохранить свой контроль за военными даже ценой возможного нарушения приказаний вышестоящего начальства, что можно считать свидетельством важности и актуальности данной работы на протяжении 1910-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будберг А.П. Сибирские воспоминания. Владивосток: Общество изучения Амурского края, 2017.
2. Бутырин Д.А. Подполковник А.Д. Заварицкий и Владивостокское восстание 1907 г. // Новый исторический вестник. 2018. № 1. С. 120–149.
3. Галлямова Л.И. 1917 год на Дальнем Востоке России: региональные особенности социально-политических трансформаций // Россия и АТР. 2017. № 3. С. 9–24.
4. Голионко В.П. Очерки революционного движения в Приморье, 1900–1916. Хабаровск: Дальневосточное государственное издательство, 1940.
5. Качкин А.Н. Становление и развитие органов безопасности Российской империи на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. н. Хабаровск, 2013.
6. Лавренова А.М. Гордость и предубеждение и «охранка»: политический сыск в современной российской историографии // История и архивы. 2019. № 1. С. 30–47.
7. Меннинг Б.У. Пуля и штык. Армия Российской империи. 1861–1914. М.: Модест Колеров, 2016.
8. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015.
9. Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). М.: Госполитиздат, 1963.
10. Перегудова З.И. Политический сыск в России (1880–1917). М.: РОССПЭН, 2013.
11. Политическая полиция Российской империи между реформами. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского: сборник документов. М.; СПб.: АИРО-XXI; Алетейя, 2021.

12. Соколенко А.В. Взаимодействие органов и ведомств по обеспечению государственной безопасности России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.: борьба с иностранной разведкой: дис. ... канд. ист. н. Хабаровск, 2017.

13. Хутарев-Гарнишевский В.В. Призраки измены. Русские спецслужбы на Балтике в воспоминаниях подполковника В.В. Владимирова, 1910–1917 гг.: сборник воспоминаний и документов. М.: Алгоритм, 2019.

14. Хутарев-Гарнишевский В.В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М.: Издательство Института Гайдара, 2020.

REFERENCES

1. Budberg, A.P., 2017. *Sibirskie vospominaniya* [Siberian memories]. Vladivostok: Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraia. (in Russ.)
2. Butyrin, D.A., 2018. *Podpolkovnik A.D. Zavaritskii i Vladivostokskoe vosstanie 1907 g.* [Lieutenant Colonel A.D. Zavaritsky and the Vladivostok Uprising of 1907], *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 55, pp. 120–149. (in Russ.)
3. Gallyamova, L.I., 2004. *Rabochee dvizhenie na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Labor movement in the Russian Far East in the second half of the XIXth – early XXth century]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)
4. Golionko, V.P., 1940. *Ocherki revolyutsionnogo dvizheniya v Primor'e, 1900–1916* [Sketches of the revolutionary movement in Primorye, 1900–1916]. Khabarovsk: Dal'nevostochnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. (in Russ.)
5. Kachkin, A.N., 2013. *Stanovlenie i razvitie organov bezopasnosti Rossiiskoi imperii na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv.* [The making of security agencies in the Far East of the Russian Empire in the late XIXth – early XXth century], *dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk*. Khabarovsk. (in Russ.)
6. Lavrenova, A.M., 2019. *Gordost' i predubezhdenie i «okhranka»: politicheskii syisk v sovremennoi rossiiskoi istoriografii* [Pride and prejudice and the Okhrana: political investigation in modern Russian historiography], *Istoriya i arkhivy*, no. 1, pp. 30–47. (in Russ.)
7. Menning, B.W., 2016. *Pulya i shtyk. Armiya Rossiiskoi imperii. 1861–1914* [Bayonets

before bullets. The Imperial Russian Army, 1861–1914]. Moskva: Modest Kolerov. (in Russ.)

8. Mironov, B.N., 2015. Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3-kh t. T. 2 [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 volumes. Vol. 2]. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin. (in Russ.)

9. Nikiforov, P.M., 1963. Zapiski prem'era DVR. Pobeda leninskoj politiki v bor'be s interentsiei na Dal'nem Vostoke (1917–1922 gg.) [Notes of the Prime Minister of the Far Eastern Republic. The victory of Leninist policy in the struggle against intervention in the Russian Far East, 1917–1922]. Moskva: Gospolizdat. (in Russ.)

10. Peregudova, Z.I., 2013. Politicheskii sysk v Rossii (1880–1917) [Political investigation in Russia, 1880–1917]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

11. Politicheskaya politsiya Rossijskoj imperii mezhd reformami. Ot V.K. Pleve do V.F. Dzhunkovskogo: sbornik dokumentov [Political police of the Russian Empire between the reforms. From V.K. Pleve to V.F. Dzhunkovsky: a collection of documents]. Moskva; Sankt-Peterburg: AIRO-XXI; Aleteiya, 2021. (in Russ.)

12. Sokolenko, A.V., 2017. Vzaimodeistvie organov i vedomstv po obespecheniyu gosudarstvennoj bezopasnosti Rossii na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv.: bor'ba s inostrannoju razvedkoi [Interaction of bodies and agencies to ensure state security of Russia in the Far East in the late XIXth – early XXth century: the fight against foreign intelligence], dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk. Khabarovsk. (in Russ.)

13. Khutarev-Garnishevskii, V.V., 2019. Prizraki izmeny. Russkie spetssluzhby na Baltike v vospominaniyakh podpolkovnika V.V. Vladimirova, 1910–1917 gg.: sbornik vospominanii i dokumentov [Specters of treason. Russian secret service in the Baltic in the memoirs of Lieutenant Colonel V.V. Vladimirov, 1910–1917: memoirs and documents]. Moskva: Algoritm. (in Russ.)

14. Khutarev-Garnishevskii, V.V., 2020. Protivostoyanie. Spetssluzhby, armiya i vlast' nakanune padeniya Rossijskoj imperii, 1913–1917 gg. [Confrontation. Special services, army and power on the eve of the fall of the Russian Empire, 1913–1917]. Moskva: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 18.06.2024;
рекомендована к печати 26.07.2024*

А.С. Заколотная*

ФОРМИРОВАНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТУРЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В статье рассмотрены пути формирования адвокатуры на Дальнем Востоке России до 1917 г., прослеживается динамика численности присяжных поверенных, их помощников и частных поверенных, выявляются города, в которых они проживали, их образовательный бэкграунд. Опираясь на архивные данные и материалы периодической печати, автор фокусирует внимание на профессиональной деятельности адвокатов, предпринимая попытку оценить успешность их деятельности при защите интересов своих клиентов, а также удовлетворенность последних работой адвокатов.

Ключевые слова: адвокатура, суд, судебная реформа Александра II, Дальний Восток России

The making of the lawyer community in the Russian Far East and its professional activity before 1917. ANNA S. ZAKOLODNAYA (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia)

The article examines how the lawyer community was formed in the Russian Far East before 1917, traces the dynamics of the number of attorneys-at-law, their assistants and private attorneys, identifies the cities in which they lived and their educational background. Using archival materials and periodical press, the author focuses on the professional activity of attorneys, attempting to assess how successful they were in protecting the interests of their clients, as well as to what degree the latter were satisfied with the work of their attorneys.

Keywords: lawyer community, court, judicial reform of Alexander II, Russian Far East

Профессиональная адвокатура появилась в России в результате судебной реформы 1864 г., но введение Судебных уставов не было моментным: в отдельных частях страны они начали действовать только спустя несколько десятилетий, как это произошло на Дальнем Востоке, где они были введены только в 1896 г. Такая задержка объясняется несколькими причинами: существовали опасения, что в Сибири и

на Дальнем Востоке на тот момент не окажется достаточного количества лиц с высшим юридическим образованием, сомнение вызывала и сама возможность получения ими заработка из-за небольшого количества гражданских дел, в которых имел бы возможность принимать участие адвокат [46, с. 24–27], кроме того отмена крепостного права и практически одновременное проведение других либеральных реформ

* ЗАКОЛОДНАЯ Анна Сергеевна, младший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток, Россия, zakolodnay@mail.ru

© Заколотная А.С., 2024

требовали значительных финансовых затрат, из-за чего материальных средств на проведение судебной реформы в отдаленных частях страны не хватало.

Точных данных о времени, когда на Дальнем Востоке появился первый адвокат, нет. Можно предположить, что это произошло после открытия 2 июля 1897 г. Иркутской судебной палаты. Округ Иркутской судебной палаты включал Иркутскую губернию, Якутскую, Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Камчатскую области и о. Сахалин, а также линию Китайско-Восточной железной дороги, с окружными судами: Иркутским, Томским, Красноярским, Читинским, Якутским, Благовещенским, Владивостокским, Порт-Артурским (упразднен в 1906 г.), Пограничным и Камчатским (создан в 1912 г.) [32, с. 28; 33; 36, с. 153–154; 44, с. 191; 46, с. 60–61]. Вероятно, одним из первых поверенных был И.Р. Баженов. Уже в августе 1897 г. он защищал клиента лейтенанта А. Горшкова во Временном Владивостокском военно-морском суде [2, с. 5]. Известно, что в начале XX в. присяжные поверенные работали во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Николаевске на Амуре, Никольске-Уссурийском, Зея Пристань и Харбине. Постепенно их количество увеличивалось, что дает возможность говорить о востребованности предоставляемых ими услуг. Так, если в 1900 г. в Благовещенске работало 3 присяжных и 3 частных поверенных [1, с. 150], то к 1914 г. их число увеличилось до 10 и 7 соответственно, а также появилось 5 помощников присяжных поверенных [37, с. 149–150]. Во Владивостоке в 1901 г. было 3 присяжных и 6 частных поверенных [38, с. 115], к 1913 г. их число выросло до 16 и 18 соответственно, а также здесь работало 11 помощников присяжных поверенных [40, с. 16]. В феврале 1907 г. при Пограничном окружном суде было 9 присяжных поверенных и 4 помощника [5, с. 2], в 1909 г. количество первых сократилось до 6; 10 частным поверенным было выдано свидетельство на право хождения по чужим делам [43, с. 11]. В 1914 г. в Харбине проживало 9 присяжных поверенных [35, с. 153]. При этом по числу адвокатов округ Иркутской судебной палаты занимал одно из последних мест в стране (меньшее число было только в Омском и Ташкентском округах). В 1913 г. в нем работало 95 присяжных поверенных и 67 их помощников, для сравнения в то же время в Санкт-Петербур-

бургском округе – 1108 и 1040, в Московском – 1288 и 1474 соответственно [34, с. 2–4].

Дальневосточная адвокатура формировалась главным образом за счет людей, прибывших из других губерний и областей страны, что вполне объяснимо для территории, где большая часть населения была приезжей, особенно это утверждение справедливо в отношении высококвалифицированных кадров. Так, сюда переехали окончившие юридический факультет университета в Санкт-Петербурге частные поверенные С.Д. Меркулов, К.Г. Зверев, В.М. Манаев [39, с. 56–57], выпускник Демидовского юридического лицея Я.А. Янкевич (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 397. Л. 1об.), выпускник юридического факультета Императорского Московского университета И.А. Фихман (РГИА ДВ. Ф. 773. Оп. 1. Д. 155. Л. 2, 37). На Дальнем Востоке пробовали свои силы и те, у кого в силу тех или иных причин (чаще всего высокой конкуренции) не получалось построить карьеру в европейской части России. Так, в конце 1902 г. присяжный поверенный И.Р. Баженов получил из г. Новозыбкова письмо, в котором к нему с просьбой принять в помощники обратился В.В. Дмитренко (РГИА ДВ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 145. Л. 2–2об.). Последний указывал, что получаемых им гонораров недостаточно для содержания семьи и надеялся на положительное решение. И.Р. Баженов дал согласие и даже предложил выслать денег для оплаты путевых расходов. Тем не менее, ряды присяжных поверенных пополняли и местные уроженцы, также получившие образование в центральных регионах России, т.к. местные учебные заведения не готовили юридические кадры. Например, Ф.А. Вальден, родившийся во Владивостоке, после окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета вернулся в родной город и оказывал юридические услуги в качестве присяжного поверенного [47, с. 143].

В отличие от присяжных закон давал возможность стать частными поверенными тем, у кого отсутствовало профильное высшее образование, или вообще его не получившим, в этом случае необходимо было отработать 5 лет в судебных учреждениях в должностях, позволявших приобрести необходимые знания и опыт [48, с. 38–39]. Так, 9 февраля 1908 г. Общим собранием Окружного суда было принято решение о принятии в число частных поверен-

ных округа Владивостокского окружного суда А.Г. Рачкова, который начиная с февраля 1891 г. отработал во Владивостокском окружном суде 17 лет, где заведовал делопроизводством различных отделений суда (РГИА ДВ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 379. Л. 117–177). При поступлении в адвокатуру проверяли не только профессиональные, но и нравственные качества кандидата. Так, сохранились запросы председателя Совета присяжных поверенных округа Иркутской судебной палаты к председателю Владивостокского окружного суда, в которых он просит сообщить сведения о нравственных качествах и деятельности того или иного претендента (РГИА ДВ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 110. Л. 29–30).

Профессиональная деятельность дальневосточной адвокатуры на текущий момент изучена недостаточно. Документов, где описываются процессы, в которых принимали участие адвокаты, в архивах сохранилось немного, гораздо больше информации по данной теме можно найти на страницах местной прессы. Так, в газете «Далекая окраина» существовал даже специальный тематический раздел – «Судебная хроника», где приводились такого рода сведения. При этом необходимо учитывать, что из-за плохой сохранности газет нередко отсутствует возможность ознакомиться с тем или иным материалом полностью. Автором выявлены сведения – как в архивных документах, так и в периодических изданиях – о более чем 70 делах с участием адвокатов за период с 1897 по 1917 гг. в городах Владивосток, Хабаровск, Харбин. Газеты чаще публиковали информацию о делах, в которых адвокаты защищали лиц, которым инкриминировали совершение преступлений против личности (обвинения в убийстве, покушении на убийство, нанесении телесных повреждений различной тяжести, изнасиловании, клевете и др.). Нередко на страницах изданий появлялись сообщения о рассмотрении судебных дел обвиняемых в преступлениях против собственности (умышленное причинение вреда собственности, грабеж, кража, присвоение денег и растрата и др.). Все материалы прессы по данной теме можно разделить на два типа: небольшие информационные заметки и крупные репортажи.

В небольших сообщениях обычно назывались имена подсудимого и его защитника, предъявляемое обвинение, могло даваться краткое изложение основных событий и сообщался исход дела: какой вынесен приговор – обви-

нительный или оправдательный. Например, в 1902 г. в газете «Владивосток» было напечатано, что 23 января в окружном суде слушалось дело бывшего городского Г. Козлова, обвиняемого в даче ложных показаний. Его защищал присяжный поверенный Баженов. Суд, рассмотрев все обстоятельства дела, вынес Г. Козлову оправдательный приговор [3, с. 2]. Помощник присяжного поверенного Рушковский в апреле 1907 г. на выездной сессии Владивостокского окружного суда в г. Никольске-Уссурийском сумел доказать невиновность учителя сельской школы Волошенко, обвиняемого в распространение прокламаций [6, с. 4]. Газета «Приамурье» 18 августа 1909 г. рассказала о деле крестьянки Е. Рудаковой, облившей своего мужа кипятком, из-за чего последний скончался. По решению суда ей был назначен защитник – присяжный поверенный Винклер, который настаивал, что она сделала это в целях самозащиты, т.к. муж набросился на нее и обещал убить. Суд приговорил ее к лишению всех особенных прав и отдал в арестантские отделения на 3 года [42, с. 4].

В заметке, напечатанной в октябре 1910 г. в газете «Далекая окраина», читателей информировали о том, что 7 сентября Владивостокским окружным судом рассмотрено уголовное дело по обвинению бывшего почтово-телеграфного чиновника Владивостокской конторы Григория З. в присвоении им 31 тыс. руб. Подсудимый свою вину признал. Защищал его присяжный поверенный Н.А. Преображенский, который «просил снисхождения». Суд приговорил обвиняемого к «3 годам арестантских рот с зачетом времени предварительного заключения 2 года и 4 мес., с лишением особых прав и преимуществ» [10, с. 5]. В этом же году разбиралось дело по обвинению подрядчиком И.А. Сорокиным заведующего хозяйством при Владивостокской городской управе Т.И. Худолея в клевете в печати. Последнего защищал присяжный поверенный К.Г. Зверев. Противоречивость показаний свидетелей позволила К.Г. Звереву выиграть дело – суд оправдал Т.И. Худолея [11, с. 4]. В ноябре 1911 г. газета «Далекая окраина» рассказывала о деле В.А. Шацкого, обвиняемого в непредумышленном убийстве корейца Сам-нен-ги. Адвокатом выступил присяжный поверенный Н.В. Константинов. В.А. Шацкому было назначено наказание в виде 2 месяцев тюрьмы и церковного покаяния [18, с. 4].

В феврале 1914 г., благодаря защите помощника присяжного поверенного Щепетова, суд

оправдал двух городских полиции Владивостока Горбика и Посикова, обвиняемых в вымогательстве у китайца Киянда-Сун 5 руб. [19, с. 3]. В октябре 1914 г. присяжному поверенному В.В. Дмитренко удалось убедить суд вынести оправдательный приговор П. Филиченко, который убил напавшего на него с ножом крестьянина Мальцева [20, с. 3]. 27 января 1915 г. во Владивостокском окружном суде слушалось дело крестьянина Д.П. Линского, обвиняемого в убийстве акцизного надзирателя В. Григорьева. Защитнику Дмитренко удалось доказать, что произошедшее не было умышленным убийством, а суд обвиняемого оправдал [21, с. 5].

Если дела имели большой общественный резонанс и рассматривались на протяжении нескольких дней, газеты публиковали длинные подробные репортажи почти ежедневно. Обычно в таких случаях как обвиняемых, так и защищавших их адвокатов было несколько. Так, более двух недель освещалось на страницах газеты «Дальний Восток» дело купчихи Е.Ф. Феклиной, подозреваемой в умышленном поджоге своей лавки с целью получения страховки. Ее защищал частный поверенный Баженов. Одновременно с исками против нее выступили несколько китайских торговцев, чье имущество пострадало во время пожара, а также Северное страховое общество, не заинтересованное в выплате компенсаций Е.Ф. Феклиной. Их интересы представляли частные поверенные Преображенский и Зверев соответственно. Для установления истины были допрошены свидетели как со стороны обвинения, так и со стороны защиты, изучены документы и проведена специальная экспертиза. В результате после трех с половиной часов совещания суд признал обвиняемую невиновной [22, с. 2; 23, с. 2; 24, с. 1–2; 25, с. 2; 26, с. 2; 27, с. 2–3; 28, с. 3–4; 29, с. 2; 30, с. 3].

В сентябре 1910 г. в зале Владивостокского окружного суда на выездной сессии Иркутской судебной палаты рассматривалось «дело о злоупотреблении во Владивостокской полиции», на котором полицейские чины обвинялись в получении взяток и взимании незаконных сборов с китайцев, владельцев банковок. Интересы подсудимых представляли: присяжный поверенный Ф.А. Вальден – помощника полицмейстера К.Г. Петрова, губернского секретаря П.А. Кельбедина и пристава владивостокской городской полиции И.С. Вакурова, присяжный поверенный М.И. Протопопов – полицмейстера

Г.И. Лейдинга, помощник присяжного поверенного А.Н. Рушковский – китайского подданного Джан-хо-лина. Околоточный надзиратель В.В. Новицкий защищал сам себя [12, с. 2; 13, с. 2; 14, с. 2; 15, с. 2–3]. В нескольких номерах газеты «Далекая окраина» публиковались показания основных фигурантов дела, свидетелей, а также итоговые речи прокурора и адвокатов. В своем заключительном слове товарищ прокурора, приняв во внимание полученные в ходе дознания сведения, отказался от ранее выдвинутых обвинений против Лейдинга и Кельбедина, вина же остальных, по его мнению, была вполне доказана. Присяжные поверенные М.И. Протопопов и Ф.А. Вальден ходатайствовали об оправдании подсудимых, настаивая, что последние были оговорены владельцами банковок, недовольных действиями полиции, а также обращали внимание на тот факт, что большинство показаний свидетелей не заслуживают доверия. В конечном итоге суд принял следующее решение: помощник полицмейстера К.Г. Петров и пристав И.С. Вакуров были приговорены к 1,5 годам, а китаец Джан-хо-лин к 8 месяцам тюрьмы, остальные фигуранты дела были признаны невиновными [41, с. 83].

В вышеприведенном случае обращает на себя внимание тот факт, что услугами адвокатов пользовались и иностранные подданные, значительное число которых проживало в дальневосточных областях. Иностранцы, главным образом китайцы, нередко становились участниками как гражданских, так и уголовных процессов, где они отстаивали свои интересы с помощью поверенных. Так, 20 января 1905 г. во Владивостокском окружном суде слушалось дело китайских подданных Юй-фу и Сун-юн-цуна о взыскании «с имущества умершего инженера Самуила Бера 5 106 руб. 14 коп. за разные работы». Интересы истцов представлял присяжный поверенный Волковинский. Ответчиком являлся опекун над имуществом Бера статский советник Лихойдов. Суд, рассмотрев представленные сторонами документы и заслушав показания свидетелей, удовлетворил иск частично в размере 4 900 руб. (РГИА ДВ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 397. Л. 29–30об.).

Сами адвокаты достаточно часто использовали газеты для информирования клиентов о месте и времени приема. Так, помощник присяжного поверенного С.Д. Кишкин в объявлении, напечатанном в одном из номеров «Далекой окраины», сообщал, что ведет прием с 9–10 утра

и 4–6 дня кроме праздников по адресу ул. Светланская, д. Мешкова [16, с. 2]. Схожее объявление дали частные поверенные Д.Ф. Коморский и В.А. Кисилев. Первый работал с клиентами с 6 до 8 ч. вечера ежедневно кроме праздничных дней в доме Пьянкова, а второй – с 9 до 10 ч. утра и с 4 до 6 ч. вечера кроме праздничных дней в доме Штейнбахской [7, с. 2]. Присяжный поверенный Н.А. Преображенский уведомлял, что перенес свой кабинет в дом Даттана № 35 [8, с. 2]. Частный поверенный А.К. Борисов ставил в известность, что он возобновил прием от 4 до 6 ч. вечера на ул. Светланская, д. 4, кв. 5 [17, с. 2]. Частный поверенный Д.Ф. Коморский воспользовался услугами газеты «Дальний Восток» чтобы сообщить, что он выехал «на время от 6 до 7 месяцев в Европейскую Россию», и указал адрес, по которому к нему можно было обратиться [31, с. 2].

Нередко адвокаты совмещали частную практику с работой в крупных учреждениях. Так, в юрисконсультской части Управления водных путей Амурского бассейна работал присяжный поверенный, юрисконсульт М.Ф. Беликов, в юридическом отделе Китайско-Восточной железной дороги в Харбине работал присяжный поверенный Б.П. Гартунг, юрисконсультом Владивостокского отделения Русско-Китайского банка был присяжный поверенный И.А. Фихман. Защитой интересов Русско-Китайского банка также занимался присяжный поверенный А.П. Баженов. В 1904 г. он обратился к мировому судье восточного участка КВЖД с иском о взыскании с М.М. Громова, проживавшего в Харбине, 383 руб. с процентами, а также судебных и за ведение дела издержек. Он также просил обеспечить иск наложением ареста на «обстановку и буфет с разными винами Громова в гостинице “Ньюиорк” в Старом Харбине, а равно на домашнюю обстановку и квартирные вещи Громова в его квартире». Мировой судья Порт-Артурского окружного суда Восточного участка КВЖД 31 августа 1904 г. рассмотрел данное дело и вынес решение о взыскании с М.М. Громова в пользу истца 383 руб. с процентами, а также 31 руб. судебных и за ведение дела издержек (РГИА ДВ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 9. Л. 2, 7–7об.).

С Владивостокской портовой конторой активно сотрудничал присяжный поверенный Н.В. Константинов. Он жил в г. Владивостоке на ул. Пекинская, д. 35, где принимал клиентов с 9 до 10 часов утра и с 5 до 7 часов вечера (РГИА ДВ.

Ф. 999. Оп. 1. Д. 1. Л. 34). Исходя из сохранившихся личных документов Н.В. Константинова, можно предположить, что оказывать услуги портовой конторе он начал не позднее 1907 г., представляя ее интересы во Владивостокском окружном суде и Иркутской судебной палате. Немногочисленные сохранившиеся архивные дела до определенной степени позволяют рассмотреть его профессиональную деятельность, слушания, в которых он принимал участие, подготовку к ним. Главным образом он отстаивал интересы учреждения при рассмотрении гражданских исков, поданных против него. Так, в апреле 1907 г. он представлял контору в деле по иску мастерового Ченковского, требовавшего компенсации за полученное увечье глаз. Согласно его собственным записям, просьба была «частично уважена, в части отказано» (РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1. Д. 1. Л. 32).

В 1909 г. он выступал в деле по иску мастерового бухты Улисс В.М. Ануфриева, также получившего травму глаза и просившего о назначении в связи с этим пожизненной пенсии 30 руб. в месяц. После проведения предварительного расследования и допроса свидетелей 25 февраля 1910 г. состоялось заседание Владивостокского окружного суда, который отказал в удовлетворении иска, но взыскал с портовой конторы в пользу мастерового 10 руб. 11 коп. ежемесячной пожизненной пенсии, а также обязал истца заплатить 218 руб. издержек за ведение дела. Адвокат В.М. Ануфриева помощник присяжного поверенного Д.С. Тихановский подал апелляционную жалобу, не согласившись с данным решением. К сожалению, решение Иркутской судебной палаты на поданную апелляцию неизвестно, однако можно предположить, что она была отклонена, т.к. 27 октября 1910 г. Владивостокская портовая контора обратилась к присяжному поверенному Н.В. Константинову с просьбой принять меры к взысканию с В.М. Ануфриева издержек за ведение дела (РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–8 об., 14, 64, 68, 71, 73).

Присяжный Н.В. Константинов представлял Владивостокский порт в суде и по иску бывшего мастерового В. Патрикеева. Последний получил травму глаза, впоследствии удаленного. Мастеровому командиром порта была назначена с 10 мая 1905 г. пенсия, с размером которой он не был согласен и требовал ее увеличения на 32 руб. 69 коп. ежемесячно. Интересы В. Патрикеева также защищал помощник присяжно-

го поверенного Д.С. Тихоновский. 24 ноября 1911 г. это дело рассматривалось во Владивостокском окружном суде, который в удовлетворении иска отказал, т.к. В. Патрикеев заключил с портом контракт, предусматривавший получение пенсии в случае частичной или полной утери трудоспособности в точно оговоренном размере, которую он и получал. Д.С. Тихоновский с решением не согласился и подал апелляционную жалобу в Иркутскую судебную палату, которая приняла сторону ответчика и оставила принятое решение без изменений (РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1. Д. 4. Л. 3, 27, 33).

Присяжному поверенному Н.В. Константинову не всегда удавалось выигрывать. Так, в мировой суд обратился мастеровой А.М. Кабанов, получивший отказ в назначении пенсии в связи с утратой трудоспособности. На суде его интересы представлял частный поверенный К.П. Михайлов. В период с 22 сентября 1911 г. по 20 февраля 1913 г. состоялось несколько заседаний сначала во Владивостокском окружном суде, а после подачи Н.В. Константиновым апелляционной жалобы в Иркутской судебной палате. Последняя постановила: «обязать Владивостокский Военный Порт выдавать крестьянину Андриану Маркову Кабанову, начиная с 9 августа 1911 г., ежегодную пожизненную пенсию в размере семидесяти шести рублей десяти коп. ... и взыскать с истца Кабанова в пользу ответчика 194 рубля 8 коп. вознаграждения за ведения дела за обе инстанции и в этих частях решение Окружного Суда в чем с сим несогласно отметить». С одной стороны, данное решение можно рассматривать как победу истца, но с другой – как поражение, т.к. средств, чтобы выплатить издержки, у него не было (РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1. Д. 8. Л. 5–5об., 11, 27, 49, 56, 58, 62, 71, 72об.).

Данного типа дела составляли значительную часть в общей практике адвокатуры округа Иркутской судебной палаты. Так, 7 ноября 1917 г. Пограничный окружной суд в г. Харбине рассматривал иск И.А. Алявдина к Обществу Китайско-Восточной железной дороге, в котором он требовал возобновить выплату пенсии по утрате работоспособности. Присяжный поверенный А.А. Виддер представлял интересы истца, а П.П. Магнушевский – ответчика. Суд принял сторону истца и обязал Общество КВЖД «уплачивать Ивану Александровичу Алявдину пенсию в одну тысячу девятьсот двадцать семь рублей ежегодно, начиная с 17 июля 1917

года» (РГИА ДВ. Ф. 1527. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–3об., 46–47об.). Распространенность данного типа дел, нередко называемых «увечными», а также выявленные случаи получения отдельными поверенными гонорара сверх установленной таксы подтолкнули Иркутский совет присяжных поверенных к рассмотрению возможности введения регламентации их оплаты. Товарищем председателя совета И.С. Фатеевым к марту 1907 г. был подготовлен доклад, в котором он предлагал ограничить вознаграждение 10% от суммы, которая получалась по окончательному решению или по мировому соглашению. Вероятно, данное предложение в конечном итоге было принято, т.к. впоследствии лица, его не соблюдавшие, подвергались дисциплинарным взысканиям [49, с. 169–172].

В приведенных выше 4 делах обращает на себя внимание следующий факт, интересы истцов представляли в суде адвокаты, хотя денег для найма последних у них не было. Вероятно, они получили помощь на безвозмездной основе, что было возможно при получении просителем свидетельства на право бедности. В этом случае Совет присяжных поверенных, согласно ст. 367 п. 4, назначал в порядке очереди адвоката для «хождения по делам» лиц, пользующихся правом бедности [45, с. 229], а оплата услуг производилась из средств самой адвокатуры, которые формировались за счет удержания 10% со всех вознаграждений, полученных присяжными поверенными [48, с. 54].

Адвокаты оказывали населению помощь на безвозмездной основе и по собственной инициативе. 31 мая 1909 г. в Народном доме была открыта консультация помощников присяжных поверенных, где по воскресеньям с 12 до 14 час. можно было бесплатно получить юридическую консультацию бедным, остальные же должны были платить от 50 коп. Прием вели два человека, которые помогали в составлении прошений, жалоб, давали советы, в случае необходимости рекомендовали обратиться к тому или иному адвокату. К 1 января 1910 г. данной возможностью воспользовались 251 чел., в среднем же в день приходило около 9 клиентов, в отдельные дни число посетителей увеличивалось до 16–17. Большинство обращений касалось вопросов гражданского, административного, уголовного права [9, с. 2].

При Владивостокском окружном суде в 1909 г. продолжала действовать и консультация присяжных поверенных, работавшая по втор-

никам и воскресеньям с 10 до 12 час. В Иркутске консультация присяжных поверенных была открыта в 1898 г. и работала ежедневно, кроме среды и субботы, с 12 до 15 час. В ней можно было получить словесный совет, письменное заключение по вопросам права и судопроизводства, помощь в составлении различного рода документов [49, с. 135, 137]. Вероятно, консультация во Владивостоке оказывала те же услуги. Одной из основных целей открытия таких консультаций было желание ознакомить население с новым судопроизводством, повысить его правовую культуру, в т.ч. и за счет оказания помощи необеспеченным слоям населения [49, с. 132–133].

Немаловажно выяснить и то, как складывались отношения между адвокатом и клиентами, насколько последние были удовлетворены уровнем оказанных им услуг, случались ли конфликтные ситуации. Установлено, что в более чем половине случаев поверенным удавалось выигрывать дела, но необходимо учитывать, что в отдельных случаях победа была невозможна, например, из-за признания самим обвиняемым вины. Тем не менее, вполне естественно, что не всегда клиенты оказывались довольны работой поверенных. Заметки, критикующие профессиональные навыки защитников, качество предоставленных услуг время от времени появлялись на страницах газет. Так, в газете «Владивосток» была опубликована жалоба на «халатное отношение к делу» частного поверенного К.Г. Зверева, который, как утверждалось в сообщении, взял деньги у клиента, но вместо того, чтобы передать их в суд, отдал другому клиенту, а также часто «дело ... маринвал у себя», из-за чего рассмотрение дела в суде откладывалось на очень долгий срок, а клиент не получал никакой информации [4, с. 3–4].

В случае возникновения конфликтной ситуации клиент имел возможность подать жалобу в Окружной суд, который на ее основании требовал от поверенного предоставить в определенный срок (от 2 недель до месяца) объяснения «по содержанию жалобы». После их получения на общем собрании суда принималось дальнейшее решение. Так, на заседании 17 февраля 1907 г. было принято решение, что объяснение присяжного поверенного Преображенского «заслуживает уважения» и производство необходимо прекратить, а 17 марта 1907 г. общее собрание постановило: «Дело о предосудительных действиях присяжного поверенного Дмитренко пе-

редать в Совет присяжных поверенных округа Иркутской Судебной Палаты, о чем уведомить Прокурора» (РГИА ДВ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 72. Л. 53об.–54, 69об.–70). 24 ноября 1904 г. адвокаты Иркутской судебной палаты получили право создавать советы. Первый иркутский совет был открыт в 1905 г. [50, с. 32], во Владивостоке действовало его отделение, которое вело учет и осуществляло дисциплинарное производство по проступкам поверенных в их профессиональной деятельности.

В отдельных случаях адвокаты сами попадали на скамью подсудимых, чаще всего это происходило в случае жалоб клиентов, считавших их действия противоправными, что иногда соответствовало действительности. Так, А.М. Бакушевой 15 сентября 1906 г. во Владивостокский окружной суд было направлено прошение. В нем сообщалось, что в 1895 г., согласно завещанию, ей перешло в пожизненное владение имение в г. Хабаровске. Через 10 лет, в 1905 г., желая перевести данное имение в свою собственность, она обратилась к присяжному поверенному И.К. Волковскому. Последний уверил, что подобное возможно, но не выполнил своих обещаний, а совместно с мировым судьей Масюкевичем обманным путем передал ее имение Ейфриссетенко. В своем прошении она просила отменить нотариальные акты, на основании которых была осуществлена данная передача. Ею также была подана жалоба министру юстиции, в Иркутскую судебную палату, совет присяжных поверенных округа Иркутской судебной палаты. 3 февраля 1907 г. состоялось заседание Владивостокского окружного суда, который постановил: дело присяжного поверенного И.К. Волковинского передать в распоряжение прокурора в связи с обвинением его в вовлечении клиента в невыгодную имущественную сделку, а дело мирового судьи Масюкевича – в Соединенное присутствие первого и кассационных департаментов Сената в связи с жалобой истицы на совершенное им должностное преступление. Указом Сената 23 сентября 1908 г. дело судьи Масюкевича было передано для проведения предварительного следствия, а в 1910 г. на выездной сессии Владивостокского окружного суда в г. Хабаровске ему был вынесен обвинительный приговор. Совет присяжных поверенных округа Иркутской судебной палаты 16 декабря 1907 г., рассмотрев поступившую жалобу, исключил И.К. Волковинского из числа присяжных поверенных. Последний

данное решение оспорил в Иркутской судебной палате, которая 7 октября 1908 г. отменила данное постановление. 28 июня 1910 г. дело против присяжного поверенного И.К. Волковинского было закрыто из-за «недостаточности улик». В настоящий момент невозможно установить, удалось ли А.М. Бакушевой вернуть себе имение. Известно, что ее ходатайство о признании за ней права собственности было оставлено без движения из-за неоплаты гербового сбора (РГИА ДВ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 68. Л. 1–3, 8–11об., 25–27, 44–48об.).

Крестьянин М.Б. Бакалов 25 апреля 1910 г. подал жалобу во Владивостокский окружной суд на частного поверенного Повало-Швуйковского, где сообщил, что Повало-Швуйковский получил от мирового судьи 6-го участка Киселева деньги, взысканные с подполковника Глухова и подлежащие передаче кредиторам последнего. Однако полученную сумму частный поверенный М.Б. Бакалову не передал, а растратил вместе с названным мировым судьей. Было проведено расследование. А 7 мая 1910 г. Бакланов направил председателю Владивостокского окружного суда прошение, в котором просил считать ранее составленную им жалобу недействительной и снимал выдвинутые обвинения. 13 ноября 1910 г. состоялось заседание Владивостокского окружного суда, где было установлено, что частным поверенным Повало-Швуйковским была выдана Бакалову расписка с обязательством уплаты по ней долга после получения гонорара. Однако суд учел тот факт, что расписка была составлена защитником только 8 мая 1910 г., т.е. уже после подачи Бакаловым жалобы, поэтому принял решение исключить В. Повало-Швуйковского из числа поверенных при суде. Последний, не согласившись с решением, направил жалобу в Иркутскую судебную палату. 3 октября 1911 г. при повторном рассмотрении дела был вынесен более мягкий приговор о запрете выполнять обязанности присяжного поверенного в течение месяца, т.к. истец от поданной жалобы отказался, а ответчик одолженную сумму возвратил полностью (РГИА ДВ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 110. Л. 1, 3–4, 15–16об., 19об.–20, 22–22об.).

Известно, что конфликты случались и в самой адвокатской среде. При чем разногласия могли стать даже источником судебных разбирательств. Так, конфликт между присяжным поверенным И.Р. Баженовым и его помощником В.В. Дмитренко рассматривался в судах различ-

ных инстанций и профессиональных организациях с 1905 по 1911 гг. Формальным поводом послужила поданная 30 мая 1905 г. прокурору Владивостокского окружного суда И.Р. Баженовым жалоба, где сообщалось, что во время нахождения его на лечении за границей помощник всячески дискредитировал его в глазах клиентов и не выполнял принятых на себя обязательств. Однако последней каплей стал тот факт, что В.В. Дмитренко с целью присвоения себе дела по иску Казайлова уничтожил доверенность, выданную последним И.Р. Баженову. Данные действия квалифицировались как преступление, предусмотренное 2 ч. ст. 1622 «Уложения о наказаниях...» и подлежали рассмотрению судом. 19 октября 1903 г. прошел товарищеский суд присяжных поверенных, который, рассмотрев взаимоотношения между И.Р. Баженовым и В.В. Дмитренко, пришел к выводу, что последний «сознательно допустил действия, клонящиеся ко вреду репутации и интересов присяж. повер. Баженова, а потому в поведении помощ. прис. повер. В.В. Дмитренко усматривается отступление от правил профессиональной этики». Далее данное дело рассматривалось мировым судьей и было передано на доследование. Окончательное решение этого вопроса состоялось 5 декабря 1911 г. на заседании Владивостокского окружного суда. Согласно оглашенному 20 декабря приговору, В.В. Дмитренко был признан «по суду оправданным» (РГИА ДВ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 145. Л. 2–2об., 5, 51–57об., 69).

Таким образом, дальневосточная адвокатура дореволюционного периода формировалась главным образом за счет приезжих, тем не менее местные уроженцы, окончившие высшие учебные заведения в европейской части России, также пополняли ее ряды. При принятии в профессиональную корпорацию внимание обращали не только на квалификацию претендента, но и на его нравственные качества. Спектр дел, в которых принимали участие поверенные, был достаточно обширен, значительную их часть составляли гражданские иски, среди которых важную роль играли т.н. «увечные дела». Как региональную особенность можно рассматривать значительное количество дел, участниками которых становились иностранные подданные. Часть адвокатов совмещала частную практику с работой в различных учреждениях. Конфликтные ситуации, возникавшие как между адвокатом и клиентом, так и непосредствен-

но между поверенными, разрешались в рамках существовавшего на тот момент времени правового поля, посредством утвержденных правовых процедур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амурский народный календарь на 1900 год. Благовещенск: Типография т-ва Д.О. Мокин и К°, 1900.
2. Владивосток. 1898. 11 января.
3. Владивосток. 1902. 27 января.
4. Владивосток. 1902. 16 июня.
5. Вести советов присяжных поверенных № 4. Приложение к «Новой адвокатской газете». 2017. № 8.
6. Далекая окраина. 1907. 5 апреля.
7. Далекая окраина. 1909. 6 марта.
8. Далекая окраина. 1909. 25 сентября.
9. Далекая окраина. 1910. 14 марта.
10. Далекая окраина. 1910. 8 сентября.
11. Далекая окраина. 1910. 10 сентября.
12. Далекая окраина. 1910. 18 сентября.
13. Далекая окраина. 1910. 19 сентября.
14. Далекая окраина. 1910. 21 сентября.
15. Далекая окраина. 1910. 22 сентября.
16. Далекая окраина. 1910. 20 октября.
17. Далекая окраина. 1910. 17 ноября.
18. Далекая окраина. 1911. 17 ноября.
19. Далекая окраина. 1914. 5 февраля.
20. Далекая окраина. 1914. 30 октября.
21. Далекая окраина. 1915. 30 января.
22. Дальний Восток. 1901. 1 ноября.
23. Дальний Восток. 1901. 2 ноября.
24. Дальний Восток. 1901. 3 ноября.
25. Дальний Восток. 1901. 7 ноября.
26. Дальний Восток. 1901. 8 ноября.
27. Дальний Восток. 1901. 9 ноября.
28. Дальний Восток. 1901. 11 ноября.
29. Дальний Восток. 1901. 16 ноября.
30. Дальний Восток. 1901. 18 ноября.
31. Дальний Восток. 1904. 11 сентября.
32. Деревскова В.М. Проблемы реализации судебной реформы 1864 г. и вопросы типологии судебной системы Российской империи // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4. С. 20–32.
33. Друзьяка А.В., Анев В.Н., Еременко А.А. Русский нотариат в Маньчжурии. Нижний Новгород: Литера, 2018.
34. История русской адвокатуры. Т. 2. М.: Издание советов присяжных поверенных, 1916.
35. Крестьянников Е.А. П.В. Вологодский и присяжные поверенные в Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 152–159.
36. Курас Т.Л. Иркутская судебная палата: история создания и общая характеристика (1897 г. – февраль 1917 г.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2016. Т. 16. С. 151–161.
37. Памятная книжка Амурской области на 1914 год. Благовещенск: Тип. «Амурский край», 1914.
38. Памятная книжка Приморской области на 1901 г. Владивосток: Типография Приморского областного правления, 1901.
39. Памятная книжка Приморской области на 1902 г. Владивосток: Типография Приморского областного правления, 1902.
40. Памятная книжка Приморской области на 1913 г. Владивосток: Типография Приморского областного правления, 1913.
41. Позняк Т.З. Китайские иммигранты и коррумпированность чиновников на российском Дальнем Востоке в начале XX в. // Ойкумена. 2011. № 3. С. 80–89.
42. Приамурье. 1909. 18 августа.
43. Сборник статистических сведений министерства юстиции. Вып. 25. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской и Азиатской России за 1909 год. СПб.: Сенатская типография, 1911.
44. Смышляев А.А. Судебная система до-революционной Камчатки // «Знание беспрельдно...»: материалы XXXV Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2018. С. 189–193.
45. Судебные уставы. 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений на коих они основаны. Ч. 1. СПб.: Издание Государственной канцелярии, 1866.
46. Труды Комиссии, Высочайше учрежденной для работ по преобразованию судебной части, по вопросу о применении судебной реформы к Сибири. Б.м. Б.г.
47. Турмов Г.П., Хисамутдинов А.А. Владивосток. Исторический путеводитель. М.: Вече, 2010.
48. Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России. 60–80 годы XIX в. М.: Наука, 1987.
49. Шахерова С.Л. Дореволюционная адвокатура Восточной Сибири, 1885–1917 гг.: дис. ... канд. ист. н. Иркутск, 2001.
50. Шахерова С.Л. Присяжная адвокатура Восточной Сибири: характеристика профес-

сиональной группы (1885 – февраль 1917 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 30–33.

REFERENCES

1. Amurskii narodnyi kalendar' na 1900 god [Amur national calendar for 1900]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D.O. Mokin i K°, 1900. (in Russ.)
2. Vladivostok, 1898, January 11. (in Russ.)
3. Vladivostok, 1902, January 27. (in Russ.)
4. Vladivostok, 1902, June 16. (in Russ.)
5. Vesti sovetov prisyazhnykh poverennykh № 4. Prilozhenie k «Novoi advokatskoi gazete», 2017, no. 8. (in Russ.)
6. Dalekaya okraina, 1907, April 5. (in Russ.)
7. Dalekaya okraina, 1909, March 6. (in Russ.)
8. Dalekaya okraina, 1909, September 25. (in Russ.)
9. Dalekaya okraina, 1910, March 14. (in Russ.)
10. Dalekaya okraina, 1910, September 8. (in Russ.)
11. Dalekaya okraina, 1910, September 10. (in Russ.)
12. Dalekaya okraina, 1910, September 18. (in Russ.)
13. Dalekaya okraina, 1910, September 19. (in Russ.)
14. Dalekaya okraina, 1910, September 21. (in Russ.)
15. Dalekaya okraina, 1910, September 22. (in Russ.)
16. Dalekaya okraina, 1910, October 20. (in Russ.)
17. Dalekaya okraina, 1910, November 17. (in Russ.)
18. Dalekaya okraina, 1911, November 17. (in Russ.)
19. Dalekaya okraina, 1914, February 5. (in Russ.)
20. Dalekaya okraina, 1914, October 30. (in Russ.)
21. Dalekaya okraina, 1915, January 30. (in Russ.)
22. Dal'nii Vostok, 1901, November 1. (in Russ.)
23. Dal'nii Vostok, 1901, November 2. (in Russ.)
24. Dal'nii Vostok, 1901, November 3. (in Russ.)
25. Dal'nii Vostok, 1901, November 7. (in Russ.)
26. Dal'nii Vostok, 1901, November 8. (in Russ.)
27. Dal'nii Vostok, 1901, November 9. (in Russ.)
28. Dal'nii Vostok, 1901, November 11. (in Russ.)
29. Dal'nii Vostok, 1901, November 16. (in Russ.)
30. Dal'nii Vostok, 1901, November 18. (in Russ.)
31. Dal'nii Vostok, 1904, September 11. (in Russ.)
32. Derevskova, V.M., 2021. Problemy realizatsii sudebnoi reformy 1864 g. i voprosy tipologii sudebnoi sistemy Rossiiskoi imperii [The issues of implementing the 1864 judicial reform and typology of the judicial system of the Russian Empire], Sibirskii yuridicheskii vestnik, no. 4, pp. 20–32. (in Russ.)
33. Druzyaka, A.V., Anev, V.N. and Eremenko, A.A., 2018. Russkii notariat v Man'chzhurii [Russian notaries in Manchuria]. Nizhniy Novgorod: Litera. (in Russ.)
34. Istoriya russkoi advokatury. T. 2 [The history of lawyer community in Russia. Vol. 2]. Moskva: Izdanie sovetov prisyazhnykh poverennykh, 1916. (in Russ.)
35. Krest'yannikov, E.A., 2017. P.V. Vologodskii i prisyazhnye poverennye v Sibiri [P.V. Vologdsky and sworn attorneys in Siberia], Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 419, pp. 152–159. (in Russ.)
36. Kuras, T.L., 2016. Irkutskaya sudebnaya palata: istoriya sozdaniya i obshchaya kharakteristika (1897 g. – fevral' 1917 g.) [Irkutsk trial chamber: history of formation and general description, 1897 – February 1917], Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya», Vol. 16, pp. 151–161. (in Russ.)
37. Pamyatnaya knizhka Amurskoi oblasti na 1914 god [Reference book of Amur Oblast for 1914]. Blagoveshchensk: Tip. «Amurskii krai», 1914. (in Russ.)
38. Pamyatnaya knizhka Primorskoi oblasti na 1901 god [Reference book of Primorskaya Oblast for 1901]. Vladivostok: Tipografiya Primorskogo oblastnogo pravleniya, 1901. (in Russ.)
39. Pamyatnaya knizhka Primorskoi oblasti na 1902 god [Reference book of Primorskaya Oblast for 1902]. Vladivostok: Tipografiya Primorskogo oblastnogo pravleniya, 1902. (in Russ.)

40. Pamyatnaya knizhka Primorskoï oblasti na 1913 god [Reference book of Primorskaya Oblast for 1913]. Vladivostok: Tipografiya Primorskogo oblastnogo pravleniya, 1913. (in Russ.)
41. Poznyak, T.Z., 2011. Kitaiskie immigranty i korrumpirovannost' chinovnikov na rossiiskom Dal'nem Vostoke v nachale XX v. [The Chinese immigrants and corruption of the officials in the Russian Far East in the early XXth century], Oikumena, no. 3, pp. 80–89. (in Russ.)
42. Priamur'e, 1909, August 18. (in Russ.)
43. Sbornik statisticheskikh svedenii ministerstva yustitsii. Vyp. 25. Svedeniya o lichnom sostave i o deyatelnosti sudebnykh ustanovlenii Evropeiskoi i Aziatskoï Rossii za 1909 god [Collection of statistical data of the Ministry of Justice. Issue 25. Information on the personnel and activities of judicial institutions of European and Asian Russia for 1909]. Sankt-Peterburg: Senatskaya tipografiya, 1911. (in Russ.)
44. Smyshlyaev, A.A., 2018. Sudebnaya sistema dorevolyutsionnoi Kamchatki [The judicial system of pre-revolutionary Kamchatka]. In: «Znanie bespredel'no...»: materialy XXXV Krashennikovskikh chtenii. Petropavlovsk-Kamchatskii, 2018, pp. 189–193. (in Russ.)
45. Sudebnye ustavy. 20 noyabrya 1864 goda, s izlozheniem rassuzhdenii na koikh oni osnovany [Judicial statutes. November 20, 1864, with a statement of the reasoning on which they are based]. Sankt-Peterburg: Izdanie Gosudarstvennoi kantselyarii, 1866. (in Russ.)
46. Trudy Komissii, Vysochaishe uchrezhdennoi dlya rabot po preobrazovaniyu sudebnoi chasti, po voprosu o primenenii sudebnoi reformy k Sibiri [Proceedings of the Highest Commission, established for the work on the transformation of the judiciary, regarding the application of judicial reform to Siberia]. (in Russ.)
47. Turmov, G.P. and Khisamutdinov, A.A., 2010. Vladivostok. Istoricheskii putevoditel' [Vladivostok: a historical guide]. Moskva: Veche. (in Russ.)
48. Cherkasova, N.V., 1987. Formirovanie i razvitie advokatury v Rossii. 60–80 gody XIX v. [The making of legal profession in Russia, the 1860s – the 1880s]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
49. Shakherova, S.L., 2001. Dorevolyutsionnaya advokatura Vostochnoi Sibiri, 1885–1917 gg. [The pre-revolutionary legal profession of Eastern Siberia, 1885–1917], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Irkutsk. (in Russ.)
50. Shakherova, S.L., 2011. Prisyazhnaya advokatura Vostochnoi Sibiri: kharakteristika professional'noi gruppy (1885 – fevral' 1917 g.) [Certified lawyers in Eastern Siberia: an overview of the professional group, 1885 – February 1917], Gumanitarnye nauki v Sibiri, no. 2, pp. 30–33. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 27.04.2024;
рекомендована к печати 01.07.2024*

С.В. Бершадская*

ПРОБЛЕМА «РЕЦИДИВА НЕГРАМОТНОСТИ» СРЕДИ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-е гг.

Статья посвящена проблеме «рецидива неграмотности» среди взрослого населения Енисейской губернии в 1920-е гг. Опираясь на архивные данные и материалы региональной периодической печати, автор анализирует причины этого явления и способы его преодоления, предлагавшиеся представителями местных органов власти и педагогического сообщества.

Ключевые слова: Енисейская губерния, образовательный ландшафт, ликвидация неграмотности, рецидив неграмотности

The problem of «relapse into illiteracy» among the adult population of the Yeniseysk Governorate in the 1920s. SVETLANA V. BERSHADSKAYA (Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia)

The article is devoted to the problem of «relapse into illiteracy» among the adult population of the Yeniseysk Governorate in the 1920s. Using archival materials and regional periodical press, the author analyzes the causes of this phenomenon and the ways to overcome it as they were seen by the representatives of local authorities and the teaching community.

Keywords: Yeniseysk Governorate, educational landscape, eradication of illiteracy, relapse into illiteracy

Вопросы, связанные с проведением кампании по ликвидации неграмотности в 1920-е гг., продолжают оставаться важной темой научных исследований. Отмечая сложности организации и проведения кампании, ученые рассматривают данный комплекс мероприятий как один из наиболее масштабных социальных проектов советского государства [3; 22; 25], важнейший фактор социокультурных изменений [2; 4; 9; 16; 20], своего рода социальный лифт в динамике городского и сельского социума провинциальных территорий [5; 10; 21]. Анализируя данный феномен в локальных условиях Сибири, исследователи отмечают «беспрецедентность» масшта-

бов кампании по ликвидации неграмотности [26, с. 193], рассматривают роль просветительных учреждений в изменении «мировоззрения и мироощущения взрослых людей, ранее лишенных возможности учиться грамоте» [6, с. 80]. Исследуя данный комплекс мероприятий как фактор культурно-исторической модернизации сибирского социума, помимо традиционных финансовых сложностей и проблем, связанных с низким уровнем профессиональной подготовки педагогических кадров, занятых в системе ликбеза, авторы отмечают трудности социально-психологического характера [13], выявляют в т.ч. причины оттока обучавшихся в системе

* БЕРШАДСКАЯ Светлана Вячеславовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Юридического института Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск, Россия, bsv97@yandex.ru

© Бершадская С.В., 2024

ликбеза, к которым относят слабую личную мотивацию к обучению, дискомфорт, который взрослые ощущали при обучении в смешанных разновозрастных группах [11]. Таким образом, историография проблемы является довольно обширной. Однако вопросы, связанные с проведением комплекса мероприятий, нацеленных на преодоление «рецидива неграмотности» в означенных хронологических рамках, рассмотрены фрагментарно. Кроме того, изучение данной темы в историческом аспекте актуализируется и интенсификацией исследований, связанных с проблемами сохранения практических когнитивных навыков и формирования аксиологического эталона [7; 24].

В одном из номеров газеты «Красноярский рабочий» за 1924 г. писали: «Ликвидация неграмотности – не простая выучка технике чтения, беглому переводу значков на бумагу, а осмысление прочитанного. Задачи ликвидации неграмотности – не только научить читать, но и осмысливать прочитанное... Сейчас ликвидация неграмотности понимается как система углубления тех политических, экономических и математических сведений, которые каждый неграмотный усвоил из жизни... Она – путь к дальнейшему самообразованию, которое ведется в рабочих клубах и деревенских избах-читальнях» [12]. Содержание заметки весьма показательно для информационного пространства региональной прессы и может рассматриваться как свидетельство смещения акцентов в кампании по ликвидации неграмотности в локальных условиях Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг.

Кампания по ликвидации неграмотности на территории Енисейской губернии началась в январе 1920 г. сразу после восстановления советской власти. Успехи 1920–1921 учебного года в плане количества прошедших обучение в пунктах по ликвидации неграмотности (ликпунктах) были впечатляющими. В течение первого года ликвидационной кампании в ликпунктах занималось 14,8% от общего числа неграмотных жителей губернии. Несмотря на значительное снижение количества ликпунктов в 1922 г. – с 622 [1] до 101 (Государственный архив Красноярского края, далее – ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 160. Л. 15), работы по ликвидации неграмотности среди взрослого населения губернии продолжились. За 1923–1924 учебный год в ликпунктах прошли обучение 10 394 жителя, в основном горожане (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 90. Л. 133).

Важным фактором количественного успеха в означенный период было то, что понятие «грамотный» продолжало сохранять все оттенки «старого содержания». В общественном сознании сибиряков грамотным человеком виделся тот, кто мог «расписаться, прочитать две-три строчки печатного и письменного шрифта» [18, с. 3], а сама грамота нужна была лишь для того, чтобы быть грамотным вообще. Газета «Красноярский рабочий» приводила ответ одного из учеников школы для малограмотных и неграмотных рабочих, открытой при местной фабрике «Спартак»: «Хорошо, когда грамоту знаешь. А то живешь, как будто и не человек. Научись, и в голове будет светлее» [19].

Другим фактором количественного успеха стала длительность обучения в ликпунктах. Так, выступая с отчетом о состоянии народного образования в губернии на IV Енисейском губернском съезде советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, состоявшемся в декабре 1922 г., заведующий губернского отдела народного образования (далее – ГубОНО) М.Е. Золотарев напрямую связывал успехи в плане количества обученных с краткосрочностью курсов, работа которых была рассчитана на срок от 2 до 3 месяцев [8, с. 7]. Однако уже в 1926 г. на одном из заседаний секции неграмотных и малограмотных Енисейского ГубОНО срок обучения в ликпунктах от 3 до 4 месяцев (при трехчасовой продолжительности занятий) рассматривался как «слишком короткий» для того, чтобы научить взрослых людей «расписаться, прочитать две-три строчки печатного и письменного шрифта», и как одна из основных причин «рецидива неграмотности» (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 306. Л. 51). Таким образом, признавая очевидные количественные успехи кампании по ликвидации неграмотности, представители педагогической общественности и органов местной власти начинают выражать серьезную озабоченность в отношении не только качества подготовки выпускников ликпунктов, но и многочисленных фактов утраты базовых навыков чтения и письма лицами, прошедшими обучение на ликпунктах.

На официальном уровне зазвучали претензии к методам работы образовательных учреждений и содержанию учебного материала. Глава Енисейского ГубОНО высказывал упрек в адрес «культпросветов», которые вместо организации просветительных мероприятий «занимались танцульками» [8, с. 7]. В.А. Пупышев, один из

первых советских специалистов по методике обучения взрослых и автор первого сибирского букваря для взрослых «Наша сила – Советы» [23], указывал на несоответствие учебных материалов, которыми пользовалась на ликпунктах, новым социально-политическим и культурным установкам. «В самом деле, – писал он на страницах «Сибирского педагогического журнала, – «для того чтобы научиться читать, не все ли равно, читать, скажем, “Азбуку коммунизма” Бухарина, или “Евангелие”. И в том и в другом случае мы получим один и тот же результат – умение читать» [18, с. 3].

Представители местного педагогического сообщества также прилагали усилия к выявлению причин «рецидива неграмотности». Так, на одном из заседаний секции по ликвидации неграмотности при Енисейском ГубОНО отмечалось, что «рецидив неграмотности» особенно коснулся тех лиц, которые «живут на околотках и заимках, где возможность получить и прочесть газету отсутствует и где нет какого-либо культурно-просветительского учреждения» (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 306. Л. 49). В результате «вновь испеченные грамотеи, не находя применение приобретенных навыков в своей повседневной практической жизни, ... быстро забывали ее и возвращались в первобытное состояние» [18, с. 4]. Таким образом, условия повседневной жизни жителей сибирской провинции, в которых знания, полученные на занятиях в ликпунктах, не всегда находили практическое применение, рассматривались как одна из основных причин рецидива. Помимо социально-экономических факторов утраты едва сформированных практических когнитивных навыков отмечались и социально-психологические. Во-первых, среди окончивших ликпункты были «лица с разными способностями и запросами». Во-вторых, ликвидация малограмотности не являлась «обязательной» и, соответственно, не могла «проводиться в порядке принуждения» (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 216. Л. 13–14). Кроме того, люди нередко приходили учиться в ликпунктах «для того, чтобы попасть в список грамотных» [18, с. 3].

Несмотря на значительный объем статистических данных о ходе кампании по ликвидации неграмотности на территории Енисейской губернии, число получивших «рецидив неграмотности» не везде и не всегда поддавалось учету. На общесибирских материалах исследователи оценивают рецидив неграмотности сре-

ди прошедших обучение в ликпунктах в 50% [13, с. 143]. В локальных условиях Енисейской губернии представление о масштабе явления дают материалы доклада «Рецидив и борьба с рецидивом неграмотности» ликвидатора тов. Чайковской, прозвучавшего 21 апреля 1926 г. на заседании объединенной секции неграмотных и малограмотных Енисейского ГубОНО. Статистическую основу доклада составили данные опроса 15 человек – «бывших ликбезников», представителей разных социальных групп городского населения: «членов профсоюзов, иждивенников, членов клубов, членов женотделов, членов ВЛКСМ», вынужденных повторять курс обучения на ликпункте. В своем выступлении на заседании секции Чайковская отметила, что рецидив неграмотности «получили» 10 человек из 15 опрошенных. В половине случаев рецидив неграмотности коснулся в первую очередь базовых навыков чтения и письма. В момент проведения опроса степень их сохранности определялась следующим образом: обратившимся на ликпункт жителям предлагалось прочесть текст из букваря, написать свою фамилию и свой адрес. «И вот здесь то или совершенно отказывались читать, мотивируя свой отказ тем, что забыли буквы, или же читали с большим трудом. И в письме многие забыли, как писать буквы», – утверждала в своем выступлении Чайковская (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 306. Л. 49).

На территории Енисейской губернии первые т.н. «двухгрупповые» школы для взрослых обучающихся – с одной группой для неграмотных и одной для малограмотных – были организованы уже в 1922 г. В период с 1 июня 1924 г. по 1 января 1925 г. в административном центре губернии Красноярске при двух школах для взрослых была организована работа четырех групп малограмотных, в которых обучалось почти 500 человек и работало восемь учителей. Была организована работа пяти школ для малограмотных членов профсоюзов, в которых проходили обучение 817 человек (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 90. Л. 142). В 1925 г. в городе работало семь школ малограмотных и одна школа работала в Красноярском уезде, из них только три школы были приняты на бюджет. В уездном городе Минусинске было 4 школы (в уезде – 13), в Ачинске – 1 (в уезде – 3), в Канске – 1, из них на бюджет было принято по одной школе в каждом уезде (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 334. Л. 13).

Кроме того, органами местной власти были также даны директивы о включении в план работ политикопросветительных учреждений Енисейской губернии комплекса специализированных мероприятий по работе среди малограмотных взрослых жителей губернии. В рабочие клубы были отправлены рекомендации об организации для научившихся читать и писать выпускников ликпунктов «возможности продолжить образование» посредством «втягивания их в клубную работу». Для «надлежащей постановки работы» с малограмотными Губполитпросвет и Культотдел Г.С.П.С. предложили следующий ряд мер: «1) выделить в каждом клубе и Красном уголке для работы с малограмотными ответственного товарища, достаточно подготовленного в данной работе, и фамилию его сообщить в губполитпросвет; 2) выделенному товарищу поручить организацию при клубе кружка малограмотных и ведение занятий в кружке; 3) отвести для занятий кружка подходящее помещение в клубе, достаточно освещенное и отопленное, с необходимыми стульями и столами» (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 234. Л. 34). Также в план работ не только рабочих клубов, но и библиотек было рекомендовано ввести устройство «воскресных эпизодических громких чтений» газет и художественных произведений на «социальные темы» (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 216. Л. 13–14). По мнению представителей местного губполитпросвета, опыт проведения коллективных чтений в г. Красноярске не удался, в основном в связи с отсутствием «книг для чтения после букваря», специальной учебной литературы, приспособленной к интересам и психологии взрослых (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 90. Л. 144). Тем не менее, в информационном пространстве местной прессы озвучивалось мнение, что «коллективное чтение, судя по началу», давало «хорошие результаты» [14], возможно, благодаря учету регионального компонента в организации учебного процесса. Так, например, «громкое чтение» рассказа сибирской писательницы Сейфуллиной «Правонарушители» в библиотеке одного из рабочих клубов Красноярска предоставило возможность газете транслировать «вывод» слушателя в пользу «продолжения громких чтений»: «Ну и ловко пишет. Хоть раньше я и сам читал этот рассказ по складам, да не произвел никакого впечатления. Каждому стало понятно значение художественного громкого чтения» [17].

О необходимости опираться в своей работе на культурно-досуговые учреждения для создания условий сохранения практических когнитивных навыков говорила и педагогическая общественность Енисейской губернии. Прежде всего речь шла о том, что «организованное посещение обучающимися докладов, лекций, спектаклей и разбор на занятиях содержания – ... дает возможность приблизить учащихся к клубам и выработать у них любовь к ним». В роли дополнительной возможности поддержания навыков рассматривалось участие обучающихся на ликпунктах в работе библиотек и читален, «при обязательном участии ликвидатора, который поможет найти им (окончившим ликпункт. – прим. авт.) подходящую литературу. Такое заблаговременное втягивание ликбезников в библиотеки поможет им связаться с ней навсегда, что особенно важно в борьбе с рецидивом» (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 306. Л. 51).

Решение проблемы «рецидива неграмотности» местная педагогическая общественность видела также в организации работ в следующих направлениях. Во-первых, педагоги настаивали на необходимости сознательного привлечения к обучению в ликпункте, поскольку «насильственное привлечение нецелесообразно», т.к. в этом случае «неграмотные посещают ликпункт ради времяпровождения, этим самым содействуют рецидиву: учащиеся ограничивают свою работу ликпунктом, дальше которого они не идут». Во-вторых, педагоги обращали внимание на необходимость учета психологических особенностей взрослых обучающихся, создание заинтересованности. В-третьих, педагоги настойчиво рекомендовали учитывать бедственное финансовое положение жителей губернии и не предлагать занимавшимся в ликпунктах покупать на собственные средства учебники и письменные принадлежности, т.к. это «вызывает у них отрицательное отношение к ликпункту». И наконец, в качестве важного условия успеха кампании по борьбе с «рецидивом неграмотности» рассматривалась и «хорошая обстановка на ликпунктах», «душою» которых должен был стать «ликвидатор», а также оформление помещений для занятий «соответствующим образом», например, плакатами, чтобы учебное помещение «не только привлекало учащихся, но являлось местом отдыха» (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 306. Л. 51–52).

Таким образом, с точки зрения борьбы с «рецидивом неграмотности» в качестве основных

тенденций изменения образовательного ландшафта Енисейской губернии в 1920-е гг. можно выделить пересмотр взглядов на наполняемость учебного процесса, создание специальных организационно-педагогических условий сохранения базовых навыков чтения и письма, внедрение в образовательный процесс особых организационных форм обучения для взрослого населения. Совпадение интересов представителей местных органов власти и педагогической общественности способствовало организации комфортной и творческой образовательной среды, благодаря которой местные педагоги могли «заинтересовать учеников, несмотря на усталость их после рабочего дня», стимулировать «охотное» и «аккуратное» посещение занятий [15], что не могло не содействовать формированию нового аксиологического эталона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бершадская С.В. Ликвидация неграмотности среди взрослого населения Енисейской губернии в 1920–1921 гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 206–217.
2. Волков О.И. Организация общества «Долой неграмотность» в Туле и его деятельность в 1920-е гг. // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. 2019. № 4. С. 35–41. URL: history2014.esrae.ru/25-240
3. Глущенко И.В. Советский просветительский проект: ликвидация неграмотности среди взрослых в 1920–1930-е годы // Вопросы образования. 2015. № 3. С. 246–282.
4. Данилова О.Г. Деятельность общества «Долой неграмотность» в Псковской губернии 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8. Ч. 1. С. 74–77.
5. Доржу З.Ю., Очур Н.М. Роль образования в изменении положения женщин в Тувинской народной республике // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 106–114.
6. Ермачкова Е.П. Формирование системы советского народного образования на юге Тюменской губернии // Интеграция образования. 2015. Т. 19. № 1. С. 74–81.
7. Жданова О.Н. и др. Выживаемость знаний у студентов 6 курса по терапии в условиях дистанционного обучения // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2022. Т. 21. № S3. С. 8–16.
8. Золотарев М. Третий фронт. Отчет о состоянии народного образования в Енисейской губернии IV-му губсъезду Советов. Красноярск, 1922.
9. Ильин Ю.А. Проблемы становления системы народного образования Иваново-Вознесенской губернии в конце Гражданской войны и на начальном этапе НЭПа (по материалам газеты «Рабочий край» 1921–1922 гг.) // Интеллигенция и мир. 2021. № 2. С. 9–27.
10. Липатова Н.В. Политический ликбез как пропуск в ряды кадрового резерва советского руководства на местах в 20-е гг. XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2012. № 2. Ч. 2. С. 85–91.
11. Мороз А.И., Алиев Р.Т. Проблемы ликвидации неграмотности в восточном Забайкалье в 1920-е гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 4. С. 22–29.
12. Н. Не просто читать и писать, а осмысливать прочитанное // Красноярский рабочий. 1924. № 278. С. 5.
13. Номогоева В.В., Иванова Л.Б. Ликвидация неграмотности: опыт культурно-исторической модернизации в Бурятии в 1920–1930-е гг. // V Центральноазиатские исторические чтения: сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Кызыл, 9–10 июня 2022 г.). Кызыл: Издательство ТувГУ, 2022. С. 140–145.
14. О.К. Культурная работа у водников // Красноярский рабочий. 1923. № 279. С. 3.
15. Парткор С.К. Бьем неграмотность // Красноярский рабочий. 1924. № 4. С. 3.
16. Петрич Л.В. Особенности ликвидации неграмотности среди сельского населения Оренбуржья (1920–1930-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 469. С. 175–182.
17. По клубам и красным уголкам // Красноярский рабочий. 1924. № 288. С. 4.
18. Пупышев В. Пять лет борьбы // Сибирский педагогический журнал. 1925. № 1. С. 3–6.
19. Рабкор К. Учатся грамоте // Красноярский рабочий. 1924. № 296. С. 6.
20. Семенова И.Ю. Решение проблем неграмотности и укрепления семьи в первые годы советской власти: деятельность ячейки всероссийского общества «Долой неграмотность» в Чувашской АССР // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 1. С. 61–68.

21. Соболева А.Н., Хомяков С.В. «Раскрепощение националки»: работа с женским населением Бурят-Монголии в 1920-е гг. // Манускрипт. 2018. № 12. Ч. 2. С. 268–271.

22. Соболева А.Н., Хомяков С.В. Проблемы ликвидации неграмотности взрослого населения в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-е гг. // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 11. С. 2277–2281.

23. Учитель, просветитель, краевед // Библиотека сибирского краеведения. URL: <http://bsk.nios.ru/content/uchitel-prosvetitel-kraeved>

24. Чанчаева Е.А. и др. Сравнительный анализ эффективности обучения по естественнонаучным дисциплинам при дистанционном и традиционном формате // Science for Education Today. 2022. Т. 12. № 3. С. 149–168.

25. Fitzpatrick, S., 2014. Popular opinion under communist regimes. In: Smith, S.A. ed., 2014. The Oxford handbook of the history of communism. Oxford: Oxford University Press, pp. 371–386.

26. Wood, A., 2011. Russia's frozen frontier: a history of Siberia and the Russian Far East 1581–1991. London: Bloomsbury.

REFERENCES

1. Bershadskaya, S.V., 2023. Likvidatsiya negramotnosti sredi vzroslogo naseleniya Eniseiskoi gubernii v 1920–1921 gg. [Eradication of illiteracy among the adult population of the Yeniseysk Governorate in 1920–1921], Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal, no. 2, pp. 206–217. (in Russ.)

2. Volkov, O.I., 2019. Organizatsiya obshchestva «Doloi negramotnost'» v Tule i ego deyatelnost' v 1920-e gg. [Organization of the Down with illiteracy society in Tula and its activities in the 1920s], Istoriya. Istoriki. Istochniki: elektronnyi nauchnyi zhurnal, no. 4, pp. 35–41. URL: history2014.esrae.ru/25-240 (in Russ.)

3. Glushchenko, I.V., 2015. Sovetskii prosvetitel'skii proekt: likvidatsiya negramotnosti sredi vzroslykh v 1920–1930-e gody [Soviet educational project: eradicating illiteracy among adults in the 1920 and 1930s], Voprosy obrazovaniya, no. 3, pp. 246–282. (in Russ.)

4. Danilova, O.G., 2011. Deyatelnost' obshchestva «Doloi negramotnost'» v Pskovskoi gubernii 1920-kh gg. [Activities of the Down with illiteracy society in the Pskov Governorate in the 1920s], Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya

i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki, no. 8, part 1, pp. 74–77. (in Russ.)

5. Dorzhu, Z.Yu. and Ochur, N.M., 2018. Rol' obrazovaniya v izmenenii polozheniya zhenshchin v Tuvinskoj narodnoj respublike [The role of education in the transformation of the status of women in the Tuvan People's Republic], Zhenshchina v rossiiskom obshchestve, no. 1, pp. 106–114. (in Russ.)

6. Ermachkova, E.P., 2015. Formirovanie sistemy sovetskogo narodnogo obrazovaniya na yuge Tyumenskoi gubernii [The making of the Soviet public education system in the south of the Tyumen Governorate], Integratsiya obrazovaniya, Vol. 19, no. 1, pp. 74–81. (in Russ.)

7. Zhdanova, O.N. et al., 2022. Vyzhivaemost' znaniy u studentov 6 kursa po terapii v usloviyakh distantsionnogo obucheniya [Knowledge retention among six-year students in internal medicine in the context of distance learning], Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika, Vol. 21, no. S3, pp. 8–16. (in Russ.)

8. Zolotarev, M., 1922. Tretii front. Otchet o sostoyanii narodnogo obrazovaniya v Eniseiskoi gubernii IV-mu gubs'ezdu Sovetov [The third front. Report on the state of public education in the Yeniseysk Governorate to the IVth Governorate Congress of the Soviets]. Krasnoyarsk. (in Russ.)

9. Il'in, Yu.A., 2021. Problemy stanovleniya sistemy narodnogo obrazovaniya Ivanovo-Voznesenskoi gubernii v kontse Grazhdanskoi voyny i na nachal'nom etape NEPa (po materialam gazety «Rabochii krai» 1921–1922 gg.) [The making of public education system of the Ivanovo-Voznesensk Governorate at the end of the Civil War and at the initial stage of the NEP (based on the data from «Rabochii krai» newspaper of 1921–1922)], Intelligentsiya i mir, no. 2, pp. 9–27. (in Russ.)

10. Lipatova, N.V., 2012. Politicheskii likbez kak propusk v ryady kadrovogo rezerva sovetskogo rukovodstva na mestakh v 20-e gg. XX v. [Political literacy campaign as an admission to personnel reserves of the local Soviet government in the 1920s], Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie, no. 2, part 2, pp. 85–91. (in Russ.)

11. Moroz, A.I. and Aliev, R.T., 2020. Problemy likvidatsii negramotnosti v vostochnom Zabaikal'e v 1920-e gg. [The issues of eradicating illiteracy in eastern Transbaikalia in the 1920s], Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura, no. 4, pp. 22–29. (in Russ.)

12. N., 1924. Ne prosto chitat' i pisat', a osmyslivat' pročitannoe [Not just read and write, but understand what is read], *Krasnoyarskii rabochii*, no. 278, p. 5. (in Russ.)
13. Nomogoeva, V.V. and Ivanova, L.B., 2022. Likvidatsiya negramotnosti: opyt kul'turno-istoricheskoi modernizatsii v Buryatii v 1920–1930-e gg. [Eradication of illiteracy: the case of cultural and historical modernization in Buryatia in the 1920s and 1930s]. In: *V Tsentral'noaziatskie istoricheskie chteniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Kyzyl, 9–10 iyunya 2022 g.)*. Kyzyl: Izdatel'stvo TuvGU, 2022, pp. 140–145. (in Russ.)
14. O.K., 1923. Kul'trabota u vodnikov [Cultural initiatives among water transport workers], *Krasnoyarskii rabochii*, no. 279, p. 3. (in Russ.)
15. Partkor S.K., 1924. B'em negramotnost' [We fight with illiteracy], *Krasnoyarskii rabochii*, no. 4, p. 3. (in Russ.)
16. Petrich, L.V., 2021. Osobennosti likvidatsii negramotnosti sredi sel'skogo naseleniya Orenburzh'ya (1920–1930-e gg.) [The features of eradicating illiteracy among the rural population of the Orenburg region in the 1920s and 1930s], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 469, pp. 175–182. (in Russ.)
17. Po klubam i krasnym ugolkam [At clubs and red corners], *Krasnoyarskii rabochii*, 1924, no. 288, p. 4. (in Russ.)
18. Pupyshchev, V., 1925, Pyat' let bor'by [Five years of struggle], *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 3–6. (in Russ.)
19. Rabkor K., 1924. Uchatsya gramote [Learning to read and write], *Krasnoyarskii rabochii*, no. 296, p. 6. (in Russ.)
20. Semenova, I.Yu., 2021. Reshenie problem negramotnosti i ukrepleniya sem'i v pervye gody sovetskoj vlasti: deyatel'nost' yacheiki vs Rossijskogo obshchestva «Doloi negramotnost'» v Chuvashskoi ASSR [Solving the problems of illiteracy and strengthening the family during the first years of Soviet power: the activities of the all-Russian Down with illiteracy society in the Chuvash ASSR], *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*, no. 1, pp. 61–68. (in Russ.)
21. Soboleva, A.N. and Khomyakov, S.V., 2018. «Raskreposhchenie natsionalki»: rabota s zhenskimi naseleniyami Buryat-Mongolii v 1920-e gg. [«Liberation of an aboriginal woman»: work with female population of Buryat-Mongolia in the 1920s], *Manuskript*, no. 12, part 2, pp. 268–271. (in Russ.)
22. Soboleva, A.N. and Khomyakov, S.V., 2021. Problemy likvidatsii negramotnosti vzroslogo naseleniya v Buryat-Mongol'skoi ASSR v 1920–1930-e gg. [The issues of eradicating illiteracy among the adult population of Buryat-Mongol ASSR in the 1920 and 1930s], *Manuskript*, Vol. 14, no. 11, pp. 2277–2281. (in Russ.)
23. Uchitel', prosvetitel', kraeved [Teacher, educator, local historian]. URL: <http://bsk.nios.ru/content/uchitel-prosvetitel-kraeved> (in Russ.)
24. Chanchaeva, E.A. et al., 2022. Sravnitel'nyi analiz effektivnosti obucheniya po estestvennonauchnym distsiplinam pri distantsionnom i traditsionnom formate [The effectiveness of distance and traditional teaching natural sciences: a comparative analysis], *Science for Education Today*, Vol. 12, no. 3, pp. 149–168. (in Russ.)
25. Fitzpatrick, S., 2014. Popular opinion under communist regimes. In: Smith, S.A. ed., 2014. *The Oxford handbook of the history of communism*. Oxford: Oxford University Press, pp. 371–386.
26. Wood, A., 2011. *Russia's frozen frontier: a history of Siberia and the Russian Far East 1581–1991*. London: Bloomsbury.

*Статья поступила в редакцию 07.08.2024;
рекомендована к печати 23.08.2024*

Н.С. Воронцов*

НОВЫЕ ПОРТЫ И ТРАНСПОРТНЫЕ УЗЛЫ ПРИМОРЬЯ В ПЛАНАХ РЕГИОНАЛЬНОГО РУКОВОДСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1990-х гг.

В статье на основе архивных материалов исследуются планы строительства новых портов, а также связанных с ними транспортных узлов и транзитных коридоров в Приморском крае в первой половине 1990-х гг. Автор анализирует предпосылки возникновения идеи включения в международную транспортную сеть портов Хасанского и Шкотовского районов, мотивы участия органов государственной власти и бизнеса в подготовке предложений по модернизации транспортной инфраструктуры. Особое внимание уделено факторам, обусловившим невозможность воплощения указанных замыслов в 1990-е гг.

Ключевые слова: Приморский край, морские порты, транспортная инфраструктура, транспортный узел, транзит

New ports and transport hubs of Primorsky Krai in the plans of the regional authorities in the first half of the 1990s. NIKOLAY S. VORONTSOV (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia)

Based on archival materials, the article examines plans for the construction of new ports, as well as related transport hubs and transit corridors in Primorsky Krai in the first half of the 1990s. The author analyzes the prerequisites for the emergence of the idea to incorporate the ports of Khasansky and Shkotovsky districts into the international transport network, the motives for the participation of government bodies and businesses in preparing proposals for the modernization of transport infrastructure of the region. Particular attention is paid to the factors that determined the impossibility of implementing these plans in the 1990s.

Keywords: Primorsky Krai, sea ports, transport infrastructure, transport hub, transit

Введение

В силу географической специфики Дальнего Востока выдающуюся роль в освоении и развитии региона с момента его вхождения в состав России играли и продолжают играть морские порты. Начавшись в имперский период, особый размах портовое строительство в регионе

приобрело во второй половине XX в. Практически каждый новый порт становился локальной точкой притяжения, формируя вокруг себя зону экономической активности, демографического и индустриального роста. К концу советской эпохи в целом сложилась ныне существующая схема основных железных дорог, аэропортов и

* ВОРОНЦОВ Николай Степанович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток, Россия, nsv91@yandex.ru

© Воронцов Н.С., 2024

морских портов России на Дальнем Востоке. Конфигурация транспортных узлов Приморского края приобрела ярко выраженный полицентризм: крупнейший тихоокеанский порт Российской империи, Владивосток, к концу XX в. утратил свое господствующее положение в международных перевозках, разделив грузооборот с Находкой и Портом Восточным. Одновременно развивались малые порты и портовые пункты, специализировавшиеся преимущественно на обработке рыбных и лесных грузов.

В 1990-е гг. порты Приморья столкнулись с необходимостью интеграции в международную транспортную систему и адаптации к новым экономическим реалиям [14, с. 30]. На рубеже эпох в крае было запущено несколько экспериментов, призванных смягчить трудности экономического перехода. Еще в последние годы перестройки была разработана концепция свободной экономической зоны «Находка» [8, с. 33], одной из первых в стране. Режим свободной зоны распространялся на крупнейшие порты края: морской торговый порт Восточный, морские порты Находки (торговый, рыбный и нефтеналивной). 1 января 1992 г. для иностранных судов был открыт порт Владивосток [7, с. 123]. Разрабатывался проект социально-экономического развития южного Приморья, известный как «Большой Владивосток», обсуждалась возможность участия России в программе «Туманган» – перспективной международной зоне сотрудничества в дельте реки Туманной [2, с. 115; 22].

Активизация внешнеэкономических контактов, ожидание бурного экономического роста и притока иностранных инвестиций побудили региональных политиков и федеральное руководство задуматься о модернизации существующих и строительстве новых портов, предназначенных для обслуживания транзитных грузоперевозок [9]. В планах 1990-х гг. перспективные порты связывались железнодорожными, автомобильными и воздушными путями с экономическими центрами российского Дальнего Востока и странами-соседями, чьи капиталы и технологии планировалось привлечь для воплощения масштабных замыслов. Проекты и предложения тех лет отличались ярко выраженным экспансионизмом: их авторы стремились включить в создаваемые транспортные узлы новые территории, ранее оставшиеся на периферии международных сообщений.

В течение нескольких лет возникли: проект Приморского транспортного узла и транзитного коридора в Хасанском районе; связанные с ним идеи развития портов Посыет, Славянка и Зарубино (ранее – Хасанский морской коммерческий порт, ныне – Морской порт бухты Троицы); ранняя концепция порта Суходол и планы строительства новых портовых комплексов в бухтах Шкотовского района. Одновременно с периферийными проектами разрабатывались планы реконструкции транспортной инфраструктуры крупных портовых городов – Находки и Владивостока, заслуживающие отдельного исследования.

В данной статье будут рассмотрены идеи развития портов и путей сообщения в Хасанском и Шкотовском районах Приморского края, а также проблемы адаптации к новым реалиям отдаленных портов Северо-Восточного Приморья. Актуальность данной темы обусловлена неослабевающим интересом к перспективам развития российских портов Дальневосточного бассейна на современном этапе, а также тем, что ряд предложений, впервые озвученных в 1990-е гг., отчасти предвосхитил современные проекты в области транспортного и портового строительства. Развернувшееся в 2010-е – 2020-е гг. сооружение портов и терминалов в Шкотовском районе [13; 17], неослабевающий интерес к портам Хасанского района [23] как звеньям транспортного коридора «Приморье-2» [5, с. 124], планы дальнейшего включения береговой полосы Приморского края в международную транспортную сеть [11] свидетельствуют о том, что исторический опыт прошлых десятилетий может быть востребован в новых условиях.

Многие нереализованные либо отложенные проекты 1990-х гг. до недавнего времени подробно не освещались в исторических исследованиях. Исключение представляют планы развития портов Хасанского района, чья судьба и дискуссия об их транзитном потенциале привлекла внимание дальневосточных историков [5; 6; 7; 18], экономистов [1], географов [3; 4] и специалистов в области транспорта [21]. Иные проекты, концепции и предложения остались преимущественно на страницах бюрократической переписки. Воссоздать историю их возникновения и дальнейшую судьбу представляется возможным благодаря архивным документам и материалам периодической печати.

Порты Хасанского района в 1990-е гг.

В планах развития портовой инфраструктуры Приморья первой половины 1990-х гг. одно из ведущих мест занимал проект создания крупного транзитного транспортного узла в Хасанском районе. Именно здесь, по выражению историка А.Е. Савченко, возникли «миражи Сингапура и Пусана», до сих пор влекущие своими очертаниями региональных и федеральных чиновников [18, с. 49]. В предшествующие десятилетия район находился в стороне от международных сообщений. Пограничное положение Хасанского района, занимающего крайнюю юго-западную оконечность Приморского края и протянувшегося узкой полосой между побережьем Японского моря и китайской территорией, длительное время способствовало сохранению его закрытого и полувоенного характера [18, с. 50]. В годы перестройки на волне новых внешнеэкономических инициатив советского государства и преодоления советско-китайского раскола району выпал шанс на преобразование. Еще в 1988–1989 гг. на начальном этапе формирования концепции зон свободного предпринимательства (ЗСП, в дальнейшем – свободных экономических зон, СЭЗ) в СССР Хасанский район рассматривался как один из возможных кандидатов на роль полигона для нового экономического эксперимента и превращения в зону тесных международных контактов.

В ноябре 1988 г. на стратегические преимущества Хасанского района обратил внимание председатель Советского национального комитета по Азиатско-Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству Е.М. Примаков, предложивший создать ЗСП вокруг залива Посъета. В конце 1980-х гг. морской порт Посъет был четвертым по значимости в Приморском крае с грузооборотом около 1 млн т/г, что составляло 5% грузооборота по южному Приморью (Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 796. Л. 56). Порт специализировался на перевалке лесных и навалочных грузов, угля и строительных материалов [16, с. 121]. В случае положительного решения открывались широкие перспективы для транзита из северо-восточных провинций Китая через советскую территорию (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 796. Л. 108). При этом задачи будущей свободной зоны не ограничивались исключительно транзитными перевозками – параллельно обсуждалась возможность создания в Хасанском районе «курортно-рек-

реационного центра международного класса». В поддержку санаторно-курортного вектора ЗСП выступили партийные лидеры Приморья В.Ф. Луценко и А.А. Волынцев. Перечень перспективных направлений деятельности был дополнен совместной добычей и переработкой рыбных ресурсов (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 796. Л. 35, 67).

Не все инициативы встретили понимание. Критически было воспринято предложение Хасанского райкома КПСС и японских предпринимателей о формировании вокруг залива Посъета «международной зоны мира и экономического сотрудничества», организации Дальневосточной земельной акционерной компании и передачи ей в аренду территорий южной части Хасанского района (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 796. Л. 123). Идея транзита китайских грузов по советской территории через Посъет первоначально не была поддержана Дальневосточным морским пароходством, опасавшимся нежелательной конкуренции нового порта с Находкой и Восточным, а также сомневающимся в стабильности китайского транзита, в первую очередь – угольных перевозок (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 796. Л. 114). Возражения против строительства крупного порта носили как экономический, так и экологический характер (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 796. Л. 126–127). Наконец, одним из главных препятствий для создания свободной зоны и транзитного узла в Хасанском районе стала подготовка к открытию СЭЗ «Находка». Хасанский проект, воспринимавшийся как прямой конкурент находкинскому, отошел на второй план [8, с. 41].

После распада СССР идея формирования на юге Приморья мощного транзитного узла обрела новые очертания. В отличие от более ранних инициатив, теперь фокус внимания сместился с залива Посъета на бухту Троицы, на берегах которой располагался поселок Зарубино и небольшой порт. Построенный в советский период как рыбный, в начале 1990-х гг. он был преобразован в Государственную акционерную компанию (акционерное общество закрытого типа) «Хасанский морской коммерческий порт» (далее – ХМКП) [6, с. 44]. 15 апреля 1992 г. распоряжением Правительства России порт был открыт для захода иностранных судов (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 51. Л. 26). Превращение бухты Троицы в ядро транспортного узла и центр международного судоходства стало ключевой идеей генерального директора ХМКП А.А. Ми-

хайлова. Руководство компании так характеризовало ее географические преимущества: «Бухта Троицы – одна из наиболее удобных якорных гаваней. Глубины в средней части достигают 35 м. Общая площадь водной поверхности – 1680 га. Ширина в центральной части – 1,6 км, что позволяет маневрировать судам грузоподъемностью до 60 тыс. тонн. Строительство волнозащитных сооружений не требуется. Хасанский порт (в Зарубино) открыт для навигации круглый год» (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 274. Л. 54).

В 1992 г. развернулись работы по расширению порта. На начальном этапе часть работ финансировалась из средств ХМКП. В Японии и США через компании «Trans-World Group» и «Mitsui & Co» были осуществлены закупки оборудования и техники на сумму 11,8 млн долл. США (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 51. Л. 27). Вскоре в проект, получивший наименование «Приморский транзитный транспортный узел» (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 274. Л. 53), оказались вовлечены администрации Приморского и Хабаровского краев. В рамках государственной поддержки они поддержали план строительства железнодорожного перехода, соединяющего Хасанский район Приморья с китайской провинцией Цзилинь. 17 августа 1992 г. план прошел согласование в Правительстве России, а осенью того же года было заключено соглашение с китайской стороной о строительстве пограничного перехода Махалино (Камышовая) – Хуньчунь и железнодорожной ветки длиной 38 км, из которых 18 км пролегало по китайской, 20 км – по российской территории с выходом на действующую линию ДВЖД Хасан – Барановский. Институт «Дальгипротранс» провел проектно-изыскательские работы на участках будущей ветки. Сметная стоимость строительства на российской территории первоначально оценивалась в 500 млн руб. в ценах середины 1992 г. Начало стройки ожидалось в октябре 1992 г., завершение – в первом полугодии 1994 г. Согласно предварительным расчетам, проект должен был окупиться в течение 5 лет с момента начала строительства (Государственный архив Хабаровского края, далее – ГАХК. Ф. Р-2061. Оп. 1. Д. 57. Л. 13).

Для постройки железнодорожной ветки было создано АО «Золотое звено», учредителями которого выступили администрации Приморского и Хабаровского краев, управление и Уссурийское отделение ДВЖД, а также ряд других ор-

ганизаций. Первоначально удалось совместно изыскать 124 млн руб. Остальную сумму предполагалось получить путем реализации акций компании физическим лицам. Однако уже в середине октября 1992 г. глава администрации Хабаровского края вынужден был признать, что распространение акций идет значительно труднее, чем ожидалось. В связи с этим, а также ввиду набирающей обороты инфляции, угрожающей лавинообразным ростом стоимости строительства, учредители «Золотого звена» были вынуждены обратиться к федеральному центру за поддержкой (ГАХК. Ф. Р-2061. Оп. 1. Д. 57. Л. 14).

Предложения по развитию транспортной инфраструктуры Хасанского района не ограничились железной дорогой и портом в Зарубино. В 1993 г. краевые и муниципальные власти обратили внимание на акваторию бухты Славянка. Администрация Хасанского района выступила с инициативой открыть портпункт Славянка, ранее приписанный к Владивостокскому морскому рыбному порту, для захода иностранных судов и их ремонта на Славянском судоремонтном заводе, а также расширить порт для увеличения грузооборота. Дальневосточный научно-исследовательский, проектно-изыскательский и конструкторско-технологический институт морского флота (далее – ДНИИМФ) к этому времени начал разработку технико-экономического обоснования (далее – ТЭО) реконструкции портовой инфраструктуры Славянки. По утверждению главы администрации Приморского края, проект был согласован со всеми местными инстанциями и требовал только утверждения Правительством России (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 54. Л. 69).

Также в августе 1993 г. глава администрации Приморского края Е.И. Наздратенко предложил Правительству России на 1993–1997 гг. освободить ХМКП от уплаты таможенных пошлин на импорт оборудования, предоставить отсрочку по выплате прочих таможенных платежей, разрешить компании оставлять валютную выручку для технического перевооружения и покупки оборудования, предоставить квоты на экспорт металла и леса, а также выделить льготный инвестиционный кредит в размере 18 млрд руб. сроком на 5 лет для финансирования первой очереди развития порта (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 51. Л. 28).

Однако планы развития нового морского порта в условиях сложной экономической об-

становки не только не получили требуемой финансовой поддержки, но и оказались под угрозой срыва. Так, 24 сентября 1993 г. Министерство транспорта России известило администрацию Приморского края о том, что Хасанский порт не был включен в перечень объектов, получающих государственный кредит в 1994 г. в связи с отсутствием ТЭО (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 139. Л. 48). Тем не менее, федеральный центр, весьма стесненный в средствах, не оставил без внимания сигналы из региона и содействовал организации пограничного контроля. 5 июля 1994 г. Правительство России поддержало предложение администрации Приморского края открыть на российско-китайской границе железнодорожный переход Махалино – Хуньчунь [6, с. 43]. К этому времени АО «Золотое звено» завершило постройку железнодорожной линии с оценочной пропускной способностью 3 млн т/г от станции Махалино в поселке Краскино до государственной границы. Ввиду ожидавшегося открытия регулярного сообщения вопрос о расширении и модернизации транспортного узла вокруг Зарубино вновь приобрел актуальность.

Администрация Приморского края и руководство ХМКП попытались привлечь к проекту иностранных инвесторов. «С этой целью, – писал Е.И. Наздратенко председателю Правительства России В.С. Черномырдину в марте 1995 г., – уже проведены переговоры с рядом частных зарубежных фирм, а также государственных учреждений Японии, Республики Корея, Китая, Австралии, Гонконга, Сингапура, Германии, США, Канады, Турции, Швейцарии и Тайваня. На сегодня зафиксирована предварительная готовность таких стран как Китай, Япония и Южная Корея инвестировать в проект по реконструкции и развитию транспортного комплекса Зарубино – Хуньчунь около 700 млн американских долларов» (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 274. Л. 47).

Губернатор Приморья уверял федеральное правительство в быстрой окупаемости проекта, рассчитывая от транзита грузов через Хасанский район за счет пошлин, налогов и тарифов получать 55 млн долл. США ежегодно. ХМКП предстояло стать международной холдинговой корпорацией с участием российских и иностранных инвесторов (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 274. Л. 54). Однако, несмотря на усилия по привлечению частных инвестиций, участие федерального центра все равно оставалась жиз-

ненно необходимым. Для создания благоприятного инвестиционного климата Е.И. Наздратенко просил Правительство России выступить гарантом защиты вложений инвесторов (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 274. Л. 48).

В перечень конкретных предложений по развитию Приморского транзитного транспортного узла, поддержанных губернатором, вошло пять объектов: железнодорожная ветка со сдвоенной российско-китайской колеей (1435 и 1520 мм) от города Хуньчунь до причалов порта в Зарубино; новая припортовая железнодорожная станция на 12 подъездных путей; 6 новых терминалов для сельскохозяйственной продукции, контейнеров, металлов, сыпучих и жидких грузов; жилой массив с социальной и бытовой инфраструктурой на 10 тыс. чел.; наконец, платная автодорога от поселка Зарубино до государственной границы (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 274. Л. 54). Однако ни государственных гарантий, ни притока иностранных инвестиций в необходимых объемах в разумные сроки добиться не удалось, что негативно сказалось на темпах реализации проекта. Трансграничные грузоперевозки по железной дороге в порт удалось наладить только в 2001 г. [6, с. 43].

Причины, по которым большинство замыслов авторов концепта «Приморского транзитного транспортного узла» остались невыполненными, кроются как в самом характере проекта, так и в обстоятельствах его создания и продвижения. Историк А.Е. Савченко, собравший обширную базу интервью с непосредственными участниками событий, включая муниципальных и региональных чиновников, а также руководителей ХМКП, пришел к выводу о создании в начале 1990-х гг. мифологизированного образа Хасанского порта как новых морских ворот России на Тихом океане. Он подчеркивает ведущую роль дирекции ХМКП в его формировании, а в привлечении к проекту краевого руководства видит пример успешного «политического предпринимательства» [18, с. 53]. Вместе с тем, вопреки прогнозируемым выгодам и утверждениям о заинтересованности иностранных инвесторов, реальные условия для реализации проекта оказались не столь благоприятными. Надежды на стремительный рост объемов транзита из КНР не оправдались. Для китайской стороны Хасанский коридор являлся лишь одним из возможных вариантов транзитных перевозок, далеко не самым приоритетным [2, с. 175; 18, с. 54]. Попытки вовлечь в проект

Японию не принесли желаемого результата. Более того, как отмечал исследователь В.А. Бурлаков, японская сторона видела в развитии Хасанского порта угрозу собственным интересам в сфере морских перевозок [2, с. 177].

В конечном итоге, несмотря на согласие Правительства России в 1995 г. поддержать проект государственными гарантиями [18, с. 53], в отсутствие заинтересованности иностранных партнеров развитие порта в Зарубино и транзитного узла шло медленными темпами. Тем не менее, в отличие от иных замыслов 1990-х гг., Хасанский проект не был остановлен. Интерес к нему сохранялся в 2000-е – 2010-е гг. Перспективы модернизации порта в бухте Троицы и развития транспортного коридора в Хасанском районе продолжают обсуждаться и в наши дни [23].

Новые порты Шкотовского района

Усилия по формированию транзитного узла в Хасанском районе не исключали появления в дополнение к нему новых «морских ворот» России на Тихом океане, способных частично диверсифицировать транспортные перевозки. Варианты размещения перспективных портовых центров прорабатывались с учетом выгодного географического положения, незамерзающей акватории, а также возможности сооружения подъездных железнодорожных путей. Территорией активных изысканий под новое портовое строительство в Приморье в первой половине 1990-х гг. стал Шкотовский район с центром в городе Большой Камень. Прибрежное положение района и удобный выход в Уссурийский залив способствовали повышенному вниманию местной администрации к перспективам развития транспортной инфраструктуры.

В 1993 г. администрация Большого Камня совместно с ДНИИМФом, институтом «Дальгипротранс» и управлением ДВЖД разработала концепцию и сопроводительные документы по размещению в Шкотовском районе новых морских торговых портов. Основанием послужил возрастающий объем грузооборота России со странами АТР, заключение в октябре 1993 г. Декларации о перспективах торгово-экономических и научно-технических отношений между Россией и Японией, а также затруднение доступа к портам Украины и Прибалтики (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 55. Л. 49).

Местами размещения новых портов были избраны три пункта на побережье Уссурийского

залива: мыс Максимова, бухта Пяти Охотников и мыс Красный (юго-западная оконечность бухты Суходол). На южной стороне мыса Максимова предполагалось создать лесной порт с расчетным объемом грузооборота 3 млн т/г, на северной стороне – терминалы для контейнерных грузов и металлических изделий с объемом грузооборота до 5 млн т/г. В бухте Пяти Охотников авторы концепции планировали разместить бункеровочную нефтебазу с грузооборотом 4 млн т/г. Территория мыса Красного отводилась под навалочные и сыпучие грузы с объемом грузооборота до 12 млн т/г. В качестве дополнительного пункта размещения портовых мощностей местная администрация рассматривала мыс Тепляковского. Здесь уже имелась взлетно-посадочная полоса морской авиации Тихоокеанского флота (аэродром «Пристань»), что в теории позволяло создать комплексный транспортный узел с использованием морского, железнодорожного и воздушного транспорта. Поскольку территория использовалась военными, для размещения порта на мысе Тепляковского требовалось согласие Министерства обороны (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 55. Л. 49–50).

21 ноября 1993 г. администрация Большого Камня направила свои соображения председателю Правительства России В.С. Черномырдину и главе администрации Приморского края Е.И. Наздратенко. В письме сообщалось, что более двадцати предприятий Приморья, в т.ч. акционерные общества «Дальлестранс» и «Порт», готовы участвовать в строительстве портовой инфраструктуры. Началась разработка генеральной схемы освоения перспективных экспортно-импортных и транзитных грузопотоков на железнодорожной линии Смоляниново – Петровка – Большой Камень – Дунай, а также подготовка ТЭО трех морских портов в Шкотовском районе. Вместе с тем авторы концепции признали, что дальнейшие работы неосуществимы без поддержки федерального правительства, получения государственных капитальных вложений, помощи в реконструкции железной дороги Смоляниново – Дунай и модернизации судостроительных мощностей Большого Камня (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 55. Л. 50).

Краевые власти благожелательно отнеслись к данной инициативе и вскоре дали принципиальное согласие на постройку нового порта в Шкотовском районе. Подготовка программы размещения портово-причальных комплексов

по переработке сыпучих грузов, леса, металлов и перевалочно-бункеровочного комплекса для нефтехимических продуктов была поручена акционерному обществу «Прометей» (генеральный директор С.С. Локтионов) (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 154. Л. 16). В начале 1994 г. межведомственная комиссия, включавшая представителей региональных и муниципальных органов, проектных и производственных организаций, занялась выбором места для будущего порта. В отличие от прошлого года в список возможных пунктов была добавлена бухта Подъяпольского на юго-западе Шкотовского района, где в советские годы действовал рыбный портпункт. Изучив предложенные варианты: бухту Пяти Охотников, бухту Подъяпольского и мыс Красный, комиссия отдала предпочтение последнему варианту (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 154. Л. 17).

17 мая 1994 г. АО «Прометей» получило государственный акт бессрочного землепользования на участок в 55 га под строительство портово-причальных комплексов на территории мыса Красный в бухте Суходол Уссурийского залива. Проектируемый порт был рассчитан на обработку грузов в объеме 8 млн т/г, из которых одну половину должны были составить цемент и клинкер, другую – металлопрокат и руды. Численность обслуживающего персонала оценивалась в 200 чел. Транспортная схема комплекса предусматривала строительство подъездных путей протяженностью 3 км от существующей ветки ДВЖД до причальной стенки (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 149. Л. 15–16). Предполагалась также постройка нефтяного комплекса, снабженного причалами и резервуарами для обработки 4,5–5 млн т/г нефтепродуктов и персоналом в 100 чел. (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 154. Л. 14–15). В задачи порта входило обеспечение транспортных потоков в направлении российских портов Дальневосточного бассейна: Петропавловска-Камчатского, Магадана и Корсакова, а также портов КНР, Южной Кореи, Японии, Вьетнама, Тайваня и Филиппин (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 154. Л. 8–9).

Проект был поддержан администрацией Приморского края, усмотревшей в нем возможность привлечь в регион иностранные инвестиции, а также осуществить запланированный еще в 1930-е гг. перенос нефтебазы за пределы густонаселенной части Владивостока (ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 169. Л. 48). Стоимость контракта на строительство комплекса «под ключ» оценива-

лась в 202,5 млн долл. США или 405 млрд руб. по курсу лета 1994 г., из них 117,45 млн долл. приходилось на закупки оборудования. Для запуска первой очереди портового комплекса требовалось 48,6 млн долл. США. Ожидалось участие в финансировании проекта американской компании «Midway Trading», японской фирмы «Mitsui» (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 154. Л. 7, 15), а также совместного российско-японского предприятия «Роско» (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 141. Л. 128). В октябре 1994 г. в письме первому заместителю председателя Правительства России О.Н. Сосковцу заместитель главы администрации Приморского края И.Л. Бельчук утверждал, что инвесторы готовы немедленно вложить средства в проект и ждут лишь согласия Москвы. Он также отмечал, что прогнозируемый им приток инвестиций в размере 500 млн долл. США «решительно поднимет экономику Приморского края», и рассчитывал на одобрение проекта федеральным правительством (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 154. Л. 7).

В целом, несмотря на поддержку краевой администрации, планы строительства новых портов Шкотовском районе основывались на изначально завышенных расчетах их инвестиционной привлекательности, объемов грузопотоков и прогнозируемой прибыли. Однако, в отличие от Хасанского района, опиравшегося на построенные в советские годы малые порты Посыет и Зарубино, в Шкотовском районе подобных заделов не имелось, в связи с чем затраты на постройку новых портовых комплексов и сроки окупаемости неизбежно возрастали. В условиях середины 1990-х гг. реализация заявленных планов собственными силами оказалась недоступна ни государству, ни бизнесу. Возведение новых портов в данном районе станет возможным лишь спустя два десятилетия в принципиально иных экономических условиях.

Периферийные порты и портовые пункты: проблемы выживания

Концентрация внимания на обустройстве транспортной инфраструктуры южного Приморья имела неблагоприятные последствия для периферийных районов края. В советский период значительная часть малых портов была приписана к Находкинскому морскому торговому порту на правах портовых пунктов: в Лазовском районе – портпункт Водозабор в бухте Успения, в Ольгинском районе – портпункты

Моряк-Рыболов и Ольга, в Дальнегорском районе – портпункт Рудная Пристань, в Тернейском районе – портпункт Терней [15, с. 203–204]. В апреле 1992 г. Находкинский морской торговый порт, находившийся в процессе акционирования [12, с. 74], решил освободиться от северных портовых пунктов, воспринимавшихся в новых условиях как балласт, и объявил о ликвидации трех из них. Решение портового начальства обеспокоило руководства края, причем особое недоумение вызвало включение в число упраздняемых структур портпункта Ольга, ранее являвшегося прибыльным подразделением Находкинского порта и обслуживающего предприятия Кавалеровского, Дальнегорского, Чугуевского и Тернейского районов. Исполнение спорного решения было предотвращено вмешательством Приморского краевого Совета народных депутатов, настоявшего на сохранении портпункта (ГАПК. Ф. 26 Оп. 37. Д. 1423. Л. 134).

Парадоксально, но поселок Ольга, едва не лишившийся портового пункта, всего за 5 лет до этого всерьез рассматривался как ядро будущего промышленного и транспортного узла. В 1987 г. при подготовке последней советской Долговременной программы развития Дальнего Востока обсуждались предложения по возведению в Ольге алюминиевого завода и глиноземного комплекса, сырьем для которого должны были послужить австралийские, вьетнамские и индийские бокситы, а источником энергии – намеченная к постройке Приморская АЭС (один из вариантов предполагал ее размещение в Ольгинском районе). Возведение промышленных и энергетических гигантов тесно увязывалось со строительством в Ольге современного порта, отвечающего всем международным стандартам. К его сооружению специалисты Института экономики океана Дальневосточного научного центра АН СССР предлагали привлечь ресурсы и технологии Японии (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 585. Л. 120). Однако для размещения АЭС Ольгинская площадка была признана неподходящей по причине высокой сейсмичности (Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 382. Л. 242). Возведение крупных заводов и международного порта в районе, лишенном железных дорог и базы строительной индустрии, оказалось невозможным ввиду охватившего страну системного кризиса.

Отсутствие железных дорог, а также надежного автомобильного сообщения с крупными городами стало серьезным препятствием для

развития отдаленных портовых пунктов восточного побережья Приморья и их включения в международные транзитные перевозки. Хотя потенциальная возможность прокладки железной дороги к Ольге рассматривалась еще в конце 1920-х – начале 1930-х гг. по двум вероятным маршрутам (от станции Свиягино через горный хребет Сихотэ-Алинь либо от Находки вдоль побережья), оба варианта были признаны нерентабельными (ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 3. Д. 76. Л. 10об). До конца советской эпохи железные дороги, за исключением узкоколейной ведомственной ветки Дальнегорск – Рудная Пристань, в этом районе не строились.

Дополнительными негативными факторами послужили ведомственные разногласия и конфликты интересов предприятий. К примеру, открытие порта Пластун для международного грузового сообщения, инициированное администрацией Приморского края в 1994 г., не состоялось из-за противодействия Федеральной службы контрразведки (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 266. Л. 23) и отказа основного оператора порта – АО «Тернейлес» – от разработки ТЭО реконструкции портового комплекса для обслуживания иностранных судов (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 381. Л. 197).

В том случае, когда согласие на открытие порта было получено, деятельность иностранного бизнеса не всегда соответствовала ожиданиям. Примером служит попытка привлечь зарубежный капитал к освоению лесных ресурсов северного Приморья и соседних районов Хабаровского края. Опорным пунктом международного проекта стал поселок Светлая на берегах одноименной бухты. Примечательно, что удаленный поселок с небольшим рыбным портовым пунктом не в первый раз привлек внимание политиков и экономистов. Еще в 1967 г. советским руководством прорабатывались планы размещения в Светлой нефтяного порта и соединения его с Оборской железной дорогой (а через нее – с Хабаровском). Однако в те годы возобладали идея строительства нефтеналивного порта в Находке (ГАХК. Ф. П-35. Оп. 19. Д. 301. Л. 4).

Вновь о поселке вспомнили спустя два десятилетия. Здесь на закате советской эпохи развернуло свою деятельность совместное предприятие (далее – СП) «Светлая» по заготовке леса, зарегистрированное 20 августа 1990 г. Партнером советской, а затем российской стороны выступила южнокорейская фирма «Hyundai».

В планы СП входило внедрение современных лесозаготовительных технологий с использованием иностранной техники, развитие инфраструктуры поселка и прилегающих территорий, в т.ч. строительство новых причалов и канала в устье реки Светлой для свободного прохода судов. В январе 1991 г. Правительство СССР объявило об открытии портпункта Светлая для международного сообщения [19].

Впрочем, работа предприятия вскоре вызвала недовольство. Против вырубki леса выступили приморские экологи и представители коренных народов, поддержанные районными властями и частью краевого руководства. В ноябре 1992 г. в Светлой даже высадили десант «Гринписа», объявивший блокаду порта и повесивший на его ворота символический замок [10]. В дальнейшем СП было взято под внешнее управление. Побывавшие в 1997 г. в Светлой журналисты застали неприглядную картину разрухи: заброшенные постройки, разбитую технику и ничего похожего на современный международный порт [20].

В числе объективных причин упадка СП «Светлая», помимо давления муниципальных властей и общественности, современники называли также сложность поддержки навигации (в частности – трудности со строительством и содержанием канала к портпункту в устье реки Светлой), неподготовленность к обработке каких-либо грузов, кроме круглого леса (так, не удалось наладить отгрузку щепы), разногласия между корейскими и российскими учредителями СП в вопросах ценообразования [20], невыполнение договорных обязательств российской стороной, а также деятельность предприятий-конкурентов [3, с. 45–46]. Трагические последствия имел азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., сопровождавшийся падением цен на лес и поставивший СП «Светлая» на грань банкротства [20]. Портпункт пришел в упадок вместе с предприятием.

Судьба проектов

Несмотря на объективные трудности при разработке концепции новых портов и транспортно-узлов, к середине 1990-х гг. интерес к развитию транспортной инфраструктуры Приморья не иссяк. Об этом свидетельствовал перечень возможных направлений привлечения инвестиций в сфере международного сотрудничества, составленный администрацией Приморского края по поручению Правительства России

в рамках разработки Долгосрочной программы развития в восточных районах Российской Федерации совместной предпринимательской деятельности и реализации проектов экономического сотрудничества России с Японией и другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 149. Л. 8).

Документ наглядно показал, что транспорту и морским портам по-прежнему отводилось значимое место в социально-экономической модернизации региона. Из 33 позиций в основном списке 22 занимали крупные транспортные объекты – дороги, мосты и порты, включая 6 новых портово-перегрузочных комплексов: портовый комплекс АО «Прометей» мощностью 8 млн т/г; портовый комплекс по перевалке лесных грузов АО «Дальестранс» мощностью 2 млн т/г (оба – в бухте Суходол); комплекс по перевалке нефтепродуктов АО «Звезда-Ойл» в бухте Большой Камень (1 млн т/г); комплекс по перевалке нефтегрузов АО «Чажма-Ойл» в бухте Чажма залива Стрелок (0,9 млн т/г) на территории ЗАТО «Фокино»; портовый комплекс по переработке глинозема в бухте Нарва АО «ДальСО» в Хасанском районе; Хасанский морской коммерческий порт в бухте Троицы (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 149. Л. 14–16).

Несмотря на широту замыслов, слабый интерес потенциальных инвесторов не позволил рассчитывать на реализацию вышеперечисленных предложений. Кроме того, назревающий кризис транзитных перевозок, вызванный несовершенством процедуры таможенного оформления и системы тарифного регулирования, отсутствием гарантий безопасности и сроков доставки грузов, способствовал временному снижению транзитных перевозок и смене приоритетов в пользу действующих портов. Так, в сентябре 1996 г. губернатор Приморского края Е.И. Наздратенко, обеспокоенный резким падением грузопотока из стран АТР, запрашивал первоочередную федеральную помощь на восстановление конкурентоспособности Транссибирской магистрали, поддержку портовых комплексов Находки и Восточного Порты, отложив планы строительства новых портов до лучших времен (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 399. Л. 21–22).

Заключение

Первая половина 1990-х гг. стала для транспортной инфраструктуры и портов Приморья временем активного поиска возможностей для включения в международные грузоперевозки и

обретения собственной ниши в стремительно развивающемся экономическом пространстве Северо-Восточной Азии.

К разработке масштабных планов строительства новых портов региональных политиков и экономистов подтолкнули оптимистические ожидания, связанные с активизацией внешнеэкономических контактов, и надежды на иностранную финансовую и технологическую помощь в модернизации транспортного комплекса Приморья.

Зародившиеся в годы перестройки, планы обширного портового строительства обрели пространственные очертания в 1992–1994 гг. Важное место в них отводилось созданию новых транспортных узлов в Приморском крае, в т.ч. в Хасанском и Шкотовском районах, ранее находившихся на периферии грузопотоков.

Значимым фактором, обусловившим высокую активность регионального руководства и аффилированных с ним транспортных компаний, являлся расчет на стремительный рост транзитных перевозок, в котором южному Приморью отводилась роль моста между Европой и Азией. Перспективы обслуживания растущих грузопотоков спровоцировали стремление закрепиться в наиболее удобных пунктах для организации будущих транспортных узлов и коридоров. В этой связи в планах портового строительства практически не принималась во внимание их несогласованность между собой, а также конкуренция новых портов с уже существующими.

Муниципальные власти и администрация Приморского края были готовы поддержать данные планы, однако ограниченность имевшихся ресурсов привела к тому, что реальная поддержка региональных и местных властей оказалась невелика. В большинстве случаев их роль сводилась к помощи в поиске потенциальных инвесторов и обращениям за содействием к федеральным органам власти. Исключением стало их прямое участие в организации железнодорожной компании «Золотое звено». В остальном многочисленные идеи не были подкреплены необходимой материально-технической базой, зачастую опираясь лишь на иллюзию привлечения иностранных инвестиций, а в случае их отсутствия – на помощь из федерального бюджета как залог успешной реализации планов.

Ставка на международный интерес в воплощении проектов не принесла желаемого результата. В целом участие иностранных партнеров

в разработке и финансировании предложенных концептов оказалось незначительным и прослеживалось в основном на этапе предпроектной проработки. Реализация замыслов собственными усилиями за счет внутренних резервов дальневосточных регионов оказалась невозможной. В отсутствие необходимых ресурсов планы открытия новых морских ворот Приморья были отложены, уступив место приоритетной задаче спасения уже существующих портов.

Однако, признавая несвоевременность и невыполнимость многих предложений по развитию новых портов 1990-х гг., было бы ошибкой считать их авантюрой, не имевшей рационального обоснования. Спустя три десятилетия Хасанский район и порт Зарубино по-прежнему остаются в центре внимания, а Шкотовский район в 2010–2020 гг. стал местом воплощения сразу нескольких крупных проектов. Здесь развернулось строительство морского порта «Суходол» и угольного морского терминала «Порт Вера». Конечно, нельзя говорить о полной преемственности планов начала 1990-х гг. и современных проектов развития портовой инфраструктуры в Приморском крае: изменилась их локация, спецификация и номенклатура грузов (к примеру, нынешний порт «Суходол» построен севернее и рассчитан на перевалку угля, а не цемента, металлопроката и древесины). Вместе с тем, обозначенный вектор развития – включение в транспортную систему новых территорий, ранее находившихся в стороне от крупных транспортных узлов и коридоров, постепенно воплощается в жизнь. Таким образом, эволюция транспортной стратегии России на Тихом океане отчасти подтвердила востребованность идей, заложенных в проекты 1990-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардаль А.Б. Транспортный комплекс России в период реформ: Дальневосточный ракурс // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 100–129.
2. Бурлаков В.А. Проект «Туманган» и игра геополитических интересов в Северо-Восточной Азии в 90-е годы XX века. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2007.
3. Вахненко Р.В. Морские порты Япономорского региона (экономико-географическая характеристика). Владивосток: Дальнаука, 1998.
4. Вахненко Р.В. Морской транспорт Дальнего Востока в современных рыночных услови-

ях // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2008. № 2. С. 81–95.

5. Ващук А.С. Международный транспортный коридор «Приморье-2»: идеи, проекты, реалии в русле «Тихоокеанского разворота» // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 3. С. 121–138.

6. Ващук А.С. Развитие предпринимательства на железнодорожном транспорте и в портовом хозяйстве Хасанского района Приморского края в конце XX – начале XXI вв. // Региональные проблемы. 2017. Т. 20. № 3. С. 39–49.

7. Ващук А.С., Воронцов Н.С. Дальневосточный фронт 1990-х годов: от «территории-крепости» к новым формам развития региона // Журнал фронтальных исследований. 2022. Т. 7. № 4. С. 104–135.

8. Воронцов Н.С. Нереализованные проекты свободных экономических зон в Приморье: исторический очерк // Россия и АТР. 2018. № 3. С. 31–44.

9. Ворота в АТР – так называют сегодня Приморье. Но достаточно ли широко они распахнуты? // Утро России. 1991. 26 сентября. С. 2.

10. «Гринпис»: мирный протест в Светлой // Утро России. 1992. 5 ноября. С. 3.

11. Губернатор: Площадку для белорусского порта в Приморье выберут в 2024 году. Китай может принять участие в проекте в качестве партнера. URL: <https://portnews.ru/news/365461/>

12. Зеленцов В.В. Приватизация предприятий морского транспорта, 1990-е годы // Россия и АТР. 2005. № 2. С. 71–76.

13. Как морской терминал «Порт Вера» преобразил поселок Подъяпольское в Приморье. URL: <https://vostokmedia.com/news/2023-11-09/kak-morskoy-terminal-port-vera-preobrazil-posyolok-pod-yapolskoe-v-primorie-3094155>

14. Лаврентьев А.В., Медведева Л.М. Опыт реформирования морского транспорта на Дальнем Востоке России: некоторые аспекты социально-экономической безопасности // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. № 2. С. 30–41.

15. Лоция северо-западного берега Японского моря от реки Туманная до мыса Белкина. М.: Главное управление навигации и океанографии МО СССР, 1984.

16. Малышенко Н.А., Письмак Д.О. Проблемы порта Посыет // Актуальные проблемы развития судоходства и транспорта: материалы национальной научно-технической конферен-

ции с международным участием. Владивосток: Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет, 2022. С. 120–125.

17. Приморский порт «Суходол» отгрузил миллионную тонну угля. URL: <https://vostok.today/50571-primorskij-port-suhodol-otgruzil-millionnuju-tonnu-uglja.html>

18. Савченко А.Е. Вызов пространства: абстрактная геополитика, потенциал территории и историческая колея дальневосточного приграничья в 1990-х гг. (на примере Хасанского района) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 48–56.

19. Светлые дни «Светлой» // Утро России. 1991. 27 сентября. С. 2.

20. СП «Светлая» уже ничего не светит // Владивосток. 1998. 23 апреля. С. 2.

21. Холоша М.В., Гулидов Р.В. Потенциал бухты Троицы в Приморском крае // Морские порты. 2011. № 5. С. 48–51.

22. Холоша М.В., Гулидов Р.В. Проект «Туманган»: история вопроса, текущее положение и потенциал // Пространственная экономика. 2011. № 2. С. 178–181.

23. Широкие перспективы порта Зарубино. URL: <https://morvesti.ru/analitika/1688/96864/>

REFERENCES

- Bardal', A.B., 2017. Transportnyi kompleks Rossii v period reform: Dal'nevostochnyi rakurs [Transport in Russia during reforms: the Far Eastern viewpoint], Prostranstvennaya ekonomika, no. 4, pp. 100–129. (in Russ.)
- Burlakov, V.A., 2007. Proekt «Tumangan» i igra geopoliticheskikh interesov v Severo-Vostochnoi Azii v 90-e gody XX veka [The Tumangan Project and the game of geopolitical interests in North-East Asia in the 1990s]. Vladivostok: Izd-vo VGUES. (in Russ.)
- Vakhnenko, R.V., 1998. Morskie porty Yaponomorskogo regiona (ekonomiko-geograficheskaya kharakteristika) [Sea ports of the Sea of Japan region (economic and geographical characteristics)]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)
- Vakhnenko, R.V., 2008. Morskoj transport Dal'nego Vostoka v sovremennykh rynochnykh usloviyakh [Maritime transport of the Russia Far East under modern market conditions], Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke, no. 2, pp. 81–95. (in Russ.)

5. Vashchuk, A.S., 2016. Mezhdunarodnyi transportnyi koridor «Primor'e-2»: idei, proekty, realii v rusle «Tikhookeanskogo razvorota» [International transport corridor «Primorye-2» as a case of «The Pacific development of Russia»: from projects to realities], Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk, no. 3, pp. 121–138. (in Russ.)
6. Vashchuk, A.S., 2017. Razvitie predprinimatel'stva na zhelezнодорожном transporte i v portovom hozyaistve Khasanskogo raiona Primorskogo kraja v kontse XX – nachale XXI vv. [Business development in rail transport and port economy of Khasansky District of Primorsky Krai in the late XXth – early XXIst century], Regional'nye problemy, Vol. 20, no. 3, pp. 39–49. (in Russ.)
7. Vashchuk, A.S. and Vorontsov, N.S., 2022. Dal'nevostochnyi frontir 1990-kh godov: ot «territorii-kreposti» k novym formam razvitiya regiona [The Far Eastern frontier of the 1990s: from «fortress territory» to new forms of regional development], Zhurnal frontirnykh issledovaniy, Vol. 7, no. 4, pp. 104–135. (in Russ.)
8. Vorontsov, N.S., 2018. Nerealizovannye proekty svobodnykh ekonomicheskikh zon v Primor'e: istoricheskii ocherk [Unrealized projects of special economic zones in Primorye: an essay in history], Rossiya i ATR, no. 3, pp. 31–44. (in Russ.)
9. Vorota v ATR – tak nazyvayut segodnya Primor'e. No dostatochno li shiroko oni raspakhnuty? [The Gateway to the Asia-Pacific Region – that's what Primorye is called today. But are they wide open?], Utro Rossii, 1991, September 26, p. 2. (in Russ.)
10. «Gripis»: mirnyi protest v Svetloi [Greenpeace: peaceful protest in Svetlaya], Utro Rossii, 1992, November 5, p. 3. (in Russ.)
11. Gubernator: Ploshchadku dlya beloruskogo porta v Primor'e vyberut v 2024 godu. Kitai mozhet prinyat' uchastie v proekte v kachestve partnera [The Governor says: The site for the Belarusian port in Primorye will be selected in 2024. China may participate in the project as a partner]. URL: <https://portnews.ru/news/365461/> (in Russ.)
12. Zelentsov, V.V., 2005. Privatizatsiya predpriyatii morskogo transporta, 1990-e gody [Privatization of sea transport enterprises of the Russian Far East in the 1990s], Rossiya i ATR, no. 2, pp. 71–76. (in Russ.)
13. Kak morskoy terminal «Port Vera» preobrazil posyolok Pod'yapol'skoe v Primor'e [How the Port Vera sea terminal transformed the village of Pod'yapol'skoe in Primorye]. URL: <https://vostokmedia.com/news/2023-11-09/kak-morskoy-terminal-port-vera-preobrazil-posyolok-pod-yapolskoe-v-primorie-3094155> (in Russ.)
14. Lavrentiev, A.V. and Medvedeva, L.M., 2014. Opyt reformirovaniya morskogo transporta na Dal'nem Vostoke Rossii: nekotorye aspekty sotsial'no-ekonomicheskoi bezopasnosti [The experience of reforming maritime transport in the Far East of Russia: some aspects of socio-economic security], Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya, no 2, pp. 30–41. (in Russ.)
15. Lotsiya severo-zapadnogo berega Yaponskogo morya ot reki Tumannaya do mysa Belkina [Pilot chart for the northwestern coast of the Sea of Japan from the Tumannaya River to Cape Belkin]. Moskva, 1984. (in Russ.)
16. Malysenko, N.A. and Pis'mak, D.O., 2022. Problemy porta Pos'et [Problems of Port Posiet]. In: Aktual'nye problemy razvitiya sudokhodstva i transporta: materialy natsional'noi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Vladivostok, 2022, pp. 120–125. (in Russ.)
17. Primorskii port «Sukhodol» otgruzil millionnyu tonnu uglja [Port Sukhodol of Primorye shipped the millionth ton of coal]. URL: <https://vostok.today/50571-primorskij-port-sukhodol-otgruzil-millionnuju-tonnu-uglja.html> (in Russ.)
18. Savchenko, A.E., 2023. Vyzov prostranstva: abstraktnaya geopolitika, potentsial territorii i istoricheskaya koleya dal'nevostochnogo prigranich'ya v 1990-kh gg. (na primere Khasanskogo raiona) [Challenge of the space: abstract geopolitics, territory potential, and the historical track of the Far Eastern borderlands in the 1990s (the case of Khasansky District)], Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya, no. 2, pp. 48–56. (in Russ.)
19. Svetlye dni «Svetloi» [Bright days of «Svetlaya»], Utro Rossii, 1991, September 27, p. 2. (in Russ.)
20. SP «Svetlaya» uzhe nichego ne svetit [The Svetlaya Joint Venture has no future], Vladivostok, 1998, April 23, p. 2. (in Russ.)
21. Kholosha, M.V. and Gulidov, R.V., 2011. Potentsial bukhty Troitsy v Primorskom krae [Potential of Trinity Bay in Primorsky Krai], Morskie porty, no. 5, pp. 48–51. (in Russ.)

22. Kholosha, M.V. and Gulidov, R.V., 2011. Proekt «Tumangan»: istoriya voprosa, tekushchee polozhenie i potentsial [The Tumangan Project: history, current situation, and potential], *Prostranstvennaya ekonomika*, no. 2, pp. 178–181. (in Russ.)

23. *Shirokie perspektivy porta Zarubino* [Broad prospects for the port of Zarubino]. URL: <https://morvesti.ru/analitika/1688/96864/> (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 08.08.2024;
рекомендована к печати 21.08.2024*

УДК 172.4

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-3/70-81>

О.С. Кочеров*

КОНФУЦИАНСКАЯ ЭТИКА ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО МИФА О ТРАНЗИТЕ ВЛАСТИ

В статье дан анализ этических воззрений на войну авторов «Лунь юй» и «Мэн-цзы» в контексте их отношения к персонажам мифа о транзите власти. Несмотря на ряд сходств (предпочтение «этики мира», неприятие агрессии, акцент на *jus post bellum*), «Мэн-цзы» отличается от «Лунь юй» в следующих аспектах: приоритизация справедливости, а не политического порядка; акцент на легитимности, а не законности; народоориентированность, а не нормоориентированность; развитие дискурса *jus in bello*; допустимость восстания, выливающаяся в положительную оценку «бунтаря» У-вана и критику «отказников» Бо И и Шу Ци.

Ключевые слова: этика войны, справедливое восстание, конфуцианство, «Лунь юй», «Мэн-цзы», Бо И, Шу Ци, политический миф

Confucian ethics of war in the context of the ancient Chinese power transition myth. OLEG S. KOCHEROV (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

The paper analyzes ethical views on war held by the authors of the *Lunyu* and the *Mengzi*, in the context of their attitude towards the characters of the power transition myth. Despite several similarities (preference to «ethics of peace», rejection of aggression, emphasis on *jus post bellum*), *Mengzi* differs from *Lunyu* in the following aspects: prioritization of justice over political order; emphasis on legitimacy, not legality; people-orientedness over norm-orientedness; development of the *jus in bello* discourse; permissibility of rebellion, which entails positive assessment of Wu-wang's campaign, and critique of its objectors, Boyi and Shuqi.

Keywords: ethics of war, just rebellion, Confucianism, *Lunyu*, *Mengzi*, Boyi, Shuqi, political myth

Введение

В последние десятилетия в западной и китайской академической среде возник значительный интерес к древнекитайской этике войны¹.

Классическая китайская философия зародилась в эпоху Восточной Чжоу (770–256 гг. до н.э.) в условиях упадка правящего дома и противоборства удельных княжеств за возможность основать новую династию. Китайские мыслители пытались остановить или хотя бы ограничить

¹ См., напр.: [8; 25].

* КОЧЕРОВ Олег Сергеевич, кандидат политических наук, научный сотрудник сектора восточных философий Института философии РАН, г. Москва, Россия, kocheroviphras@gmail.com

© Кочеров О.С., 2024

насилие в межгосударственных отношениях, что привело к возникновению ряда этико-военных теорий. Особое внимание при их исследовании уделяется конфуцианской этике войны: в меньшей степени самому Конфуцию (551–479 гг. до н.э.), в большей – его последователям, Мэн-цзы (371–289 гг. до н.э.) и Сюнь-цзы (310–238 гг. до н.э.). При этом сущности этой традиции даются разные оценки².

Некоторые авторы вслед за Дж. Фэйрбэнком [16, р. 7] заявляют о «пацифистском уклоне» конфуцианства. При этом обычно имеется в виду не абсолютный, «дистиллированный» пацифизм, а нечто близкое к теории справедливой войны. Речь часто идет о «нежелании использовать силу в межгосударственных отношениях» [19, р. 257] или об «оборонительной стратегической культуре», в рамках которой «наступательные кампании иницируются лишь для наказания, сдерживания и усмирения, а не для уничтожения» [17, р. 26–27]. Зачастую ставится знак равенства между конфуцианской этикой войны и этико-военным мышлением имперского Китая в целом. Историческое расширение «конфуцианского» Китая при этом объясняется тем, что оно происходило либо мирным путем (например, в рамках модели «водоворота» Чжао Тинъяна [35]), либо при неких китайских династиях [17, р. 26], либо через самооборону [34, р. 79].

Смешение пацифизма и теории справедливой войны и необсужденность гипотез о мирном расширении Китая привели к критическому переосмыслению «мифа о китайском пацифизме» [33, р. 200–202]. Появились работы, в которых конфуцианская этика войны характеризуется как теория справедливой войны, многие принципы которой схожи с критериями легитимности современной западной теории справедливой войны³ [30]. Вариацией этого подхода является теория «двух миров» Д. Белла [13] и Ни Лэсюна [27], согласно которой в идеальной политической системе конфликтам нет места, но в неидеальном мире необходимо

действовать в рамках теории справедливой войны. Наконец, некоторые исследователи отказываются от тезиса о единстве конфуцианской этики войны и противопоставляют пацифизм Конфуция и Мэн-цзы теории справедливой войны Сюнь-цзы [32].

В ответ на это «пацифисты» выдвинули контраргумент: хотя конфуцианцы допускают войну, планка легитимности так высока, что никакой реальный конфликт не может отвечать необходимым условиям [18]. Описания идеализированных конфликтов древности в конфуцианских трактатах лишь показывают современным князьям, как далеки они в своей добродетели и компетентности от легендарных совершенномудрых (*шэн* 聖) правителей, и убеждают их заняться не войнами, а развитием своего государства. Именно из-за этого, по мнению Ло Пхинчена, в китайском контексте и не возникло четко оформленной теории справедливой войны наподобие западной [24]. В связи с этим сторонники такого подхода часто говорят о конфуцианстве как о «пацифистской теории справедливой войны» [15, р. 253].

Таким образом, дебаты о сущности конфуцианской этики войны далеки от завершения. В то же время многим тематическим исследованиям присущ ряд недостатков. Во-первых, как уже было сказано ранее, этике войны Конфуция уделяется мало внимания – вероятно, из-за того, что в «Лунь юй», основном ассоциируемом с философом тексте, мало суждений о войне. В итоге конфуцианская этика войны предстает как единая традиция, между представителями которой нет значимых разногласий, а Конфуций как бы вписывается в эту традицию «задним числом». Так, Д. Вайат предлагает опираться на взгляды Мэн-цзы как важнейшего последователя Конфуция, чтобы с помощью первого закрыть пробелы в этике войны последнего [31, р. 240].

Во-вторых, при анализе этики войны Конфуция исследователи зачастую опираются не только на «Лунь юй», но и на другие ассоциирующиеся с философом трактаты (например, «Записки о благопристойности» или летопись «Вёсны и осени» и комментарии к ней). Иными словами, этику войны Конфуция пытаются реконструировать на основе ряда текстов, создатели которых могли иметь различные взгляды на этику войны и разные интенции. Такой подход позволяет понять, как последующие поколения китайских мыслителей понимали

² Современная западная этика войны представлена пацифизмом (война морально неверна), милитаризмом (война нравственно полезна), реализмом (война неморальна) и теорией справедливой войны (война допустима, если отвечает ряду критериев).

³ Обычно выделяется три группы критериев: *jus ad bellum* (условия, при которых можно инициировать войну), *jus in bello* (регуляция ведения войны) и *jus post bellum* (регламентация послевоенного урегулирования).

Конфуция, но не помогает раскрыть эволюцию китайской этико-военной традиции.

В-третьих, во многих исследованиях восточножюуская политическая система уподобляется современной международной конфигурации. Такая концептуализация, однако, не учитывает ни специфики древнекитайского политического сознания и языка (т.е. отсутствия концептов «суверенность», «национальное государство» и т.д.), ни сложной системы отношений между древнекитайскими княжествами и правящим домом. В результате в тематических работах зачастую игнорируется проблема «справедливого восстания»⁴, которая в древнекитайском политическом контексте (где далеко не всегда очевидно, характеризовать ли кампанию как «войну» или как «восстание») неразрывно связана с проблемой «справедливой войны».

В-четвертых, в исследованиях древнекитайской этики войны почти никогда не задействован анализ политического мифа о транзите власти. Поскольку этот миф непосредственно связан с вопросом о справедливом восстании (или справедливой войне), обращение к нему позволило бы выявить важные нюансы в конфуцианской и, шире, древнекитайской этике войны.

В связи с этим в настоящей работе предпринята попытка выявить сходства и различия в этике войны Конфуция, данной в «Лунь юй», и этике войны Мэн-цзы, представленной в одноименном трактате, в контексте их отношения к персонажам политического мифа о транзите власти, теснее всего связанным с этико-военными проблемами: правителям Вэнь-вану и У-вану и братьям Бо И и Шу Ци.

Древнекитайские транзиты власти

В 1075 г. до н.э. на престол древнекитайского государства Шан 商 (ок. 1600–1046 гг. до н.э.) взошел ван Ди Синь (帝辛), в традицион-

⁴ Вопрос о соотношении между «этикой войны» и «этикой восстания» носит дискуссионный характер. Тем не менее, современной этике войны все чаще приходится иметь дело с неконвенциональными войнами, и разработка «теории справедливой войны» становится одним из ее важных направлений (см., напр.: [26]). В настоящей работе «этика восстания» рассматривается в качестве одной из составляющих «этики войны». А учитывая, насколько вопрос о справедливом восстании волновал древнекитайских философов, тезис М. Льюиса о том, что «китайская доктрина справедливой войны была прежде всего создана для защиты власти абсолютного правителя» [22, р. 186], нуждается в пересмотре.

ной историографии описывающийся как жестокий и развращенный правитель. В то же время в Чжоу (周), вассальном государстве Шан, правил добродетельный Цзи Чан (姬昌), вошедший в историю под именем Вэнь-ван (文王). Он завоевал нескольких зависимых от Шан государств и, вероятно, в какой-то момент объявил себя *ваном*, т.е. равным Ди Синю⁵, но все же не выступил против последнего. Войну с Шан начал уже сын Вэнь-вана, У-ван (武王). В 1046 г. шанские войска потерпели поражение, Ди Синь покончил с собой и чжоусцы стали новыми хозяевами древнекитайского политического пространства.

Для легитимации захвата они разработали концепцию Небесного мандата (*тянь мин* 天命). Согласно ей, Небо (*тянь* 天), высшая сакральная инстанция, выбирало наиболее добродетельного человека и делало его правителем древнекитайской ойкумены, Сыном Неба (*тянь цзы* 天子). Мандат передавался по наследству до тех пор, пока правящий дом не утрачивал добродетель. Тогда Небо вручало мандат другому актору, который свергал царствующую династию и основывал новую. Чжоусцы также заявили, что авторами этой концепции были сами шанцы, которые низложили Цзе (桀), недобродетельного монарха государства Ся (夏, ок. 2070–1600 гг. до н.э.).

Как отмечает Сара Аллан [12], вскоре к этим двум эпизодам транзита власти добавились еще три: между легендарными совершенномудрыми Яо (堯) и Шунем (舜), Шунем и Юем (禹), Юем и государством Ся. Во всех этих эпизодах взаимодействуют мотивы передачи власти по наследству и по достоинству. В первых трех случаях совершенномудрые правители, разочарованные в своих наследниках, передают бразды правления добродетельным простолюдинам. В последних двух (транзит Ся-Шан-Чжоу) смена власти происходит уже насильственно, но глубинная ее суть остается прежней: «династический» принцип передачи власти нарушается из-за недобродетельности монарха и временно заменяется на «меритократический».

Помимо правителей и наследников в политическом мифе есть и другие персонажи (Рис. 1), среди которых особо выделяются «отказники» – добродетельные мужи, которые в рамках первых трех транзитов отвергают предложение взойти на престол, а при последних двух упре-

⁵ Подробнее о проблематичности этого объявления и новых свидетельствах в его пользу см.: [23, р. 122–126].

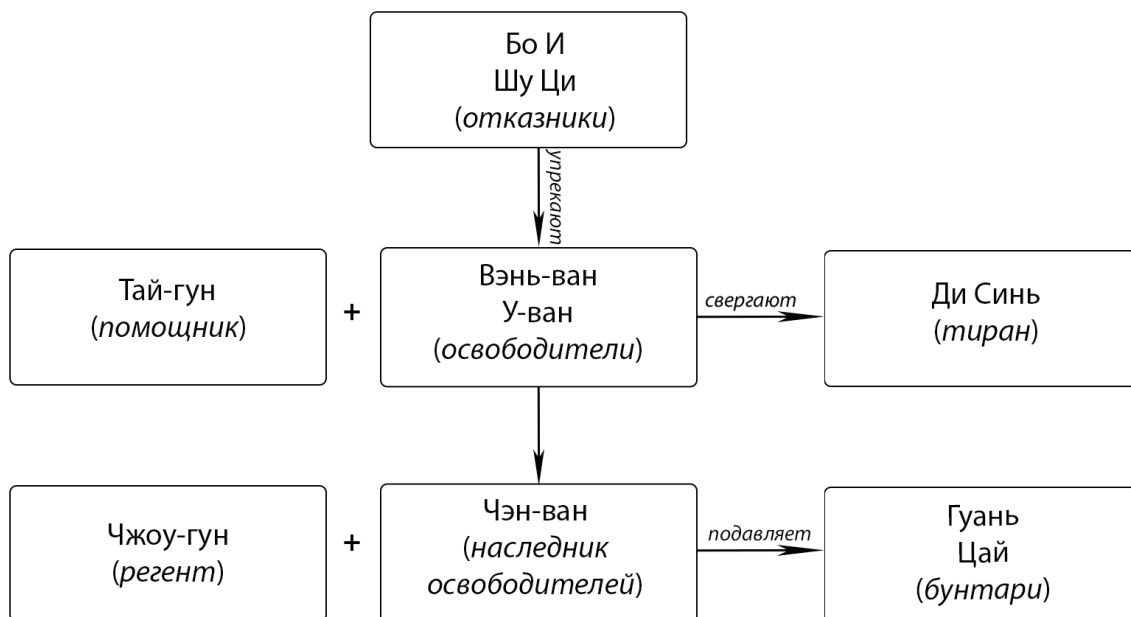

Рис. 1. Персонажи древнекитайского мифа о транзите власти (на основе: [12])

кают «освободителей» в кровопролитии. В эпизоде с транзитом Шан-Чжоу в качестве отказников выступают братья Бо И (伯夷) и Шу Ци (叔齊).

Бо И и Шу Ци как персонажи мифа о транзите власти

Историю братьев можно разделить на две части. Первая часть в изложении историка Сыма Цяня (ок. 145–86 гг. до н.э.) в 61 главе «Исторических записок» звучит следующим образом: «Бо И [и] Шу Ци были сыновьями правителя [княжества] Гучжу. Отец хотел поставить [наследником] Шу Ци. Когда же отец умер, Шу Ци уступил [власть] Бо И. [Но] Бо И сказал: «[Таково] повеление отца», – и затем покинул [княжество]. Шу Ци тоже не согласился занять [престол] и покинул его (княжество. – прим. авт.), [а] народ княжества возвел [на престол] среднего сына»⁶.

Вторая часть истории братьев непосредственно связана с транзитом Шан-Чжоу: «Затем Бо И [и] Шу Ци услышали, что Предводитель запада⁷ [по имени] Чан умеет заботиться о престарелых, [и задумались:] почему бы не отправиться [к нему]? [Но] когда добрались [туда], Предводитель запада [уже] умер, а У-ван, прихватив [поминальную] дощечку с ти-

тулом [отца] «Вэнь-ван», [отправился на] восток покарать [иньского⁸] Чжоу [Синя]. Бо И [и] Шу Ци, остановив лошадь [вана], стали увещевать [его]: “[Когда] отец умер, [но еще] не погребен, тогда хвататься за щит и копье – можно ли назвать [это] сыновьей почтительностью? [Когда] подданный убивает государя – можно ли назвать [это] человеколюбием?” Свита хотела зарубить их, [но] Тай-гун сказал: “Это люди долга”. Их взяли под руки и увели. [Когда] У-ван уже усмирил иньскую смуту, Поднебесная признала главенство Чжоу. Но Бо И [и] Шу Ци устыдились этого [и из чувства] долга не [стали] есть чжоуское зерно. Укрывшись на горе Шоюан, [они] собирали дикие травы и [лишь] ими питались... Так они умерли от голода на горе Шоюан».

Хотя братья упоминаются и в более ранних текстах, упоминания обычно фрагментарны. Так, в «Чуских строфах», антологии поэзии времен Сражающихся Царств (403–221 гг. до н.э.), говорится: «Бо И голодал на [горе] Шоюан. Ах! один [он был] бескорыстен, чист и нетерпим [ко злу]! А [имя] Шу Ци – проходит время, а [оно лишь сияет] все ярче» (伯夷餓於首陽。獨廉潔而不容兮，叔齊久而逾明) [11]. В «Мэн-цзы» в 13 чжане первой части главы «Ли Лоу» сообщается следующее: «Бо И бежал от [иньского] Чжоу и обитал на берегу Северного моря, но когда услышал, что возвысился Вэнь-ван, то, воспрянув, молвил: “А почему бы не вернуть-

⁶ Фрагменты «Исторических записок» даны в переводе Р.В. Вяткина [3]. Курсивом отмечены наши изменения перевода по [7].

⁷ Титул, данный Вэнь-вану Ди Синем.

⁸ Инь (殷) – альтернативное название Шан.

ся? Я слышал, что Предводитель запада умеет заботиться о старых [людях]»⁹.

Иногда встречаются и отличия от версии Сыма Цяня. Так, в 14 главе легистского трактата «Хань Фэй-цзы» сообщается: «В древности были Бо И и Шу Ци. У-ван уступил им Поднебесную, но [они] не взяли [ее и] оба умерли от голода [на] горе Шоуян» (古有伯夷, 叔齊者. 武王讓以天下而弗受, 二人餓死首陽之陵) [5]. Структурно эта версия легенды ближе к первым трем эпизодам транзита власти, чем версия Сыма Цяня: ван предлагает мудрецам воцариться, они отвергают предложение и возвращаются к отшельничеству (в «Записках» же вводится дополнительный эпизод с отказом братьев от престола родного княжества). Но важное отличие от первых трех мифов в том, что Бо И и Шу Ци совершают самоубийство. Возможная причина может быть найдена в описании судьбы У Гуана (務光), отказника времен транзита Ся-Шан, в 22 главе трактата: «Тан напал на Цзе и убоялся, что Поднебесная назовет его алчным. Поэтому [он] тогда уступил Поднебесную У Гуану. Но [затем Тан] убоялся, что У Гуан примет ее. Тогда [Тан] послал к нему людей сказать: “Тан убил правителя и желает, [чтобы] дурная слава [из-за этого] пошла о вас, поэтому и уступает вам Поднебесную”. Поэтому У Гуан бросился в реку» (湯以伐桀, 而恐天下言己為貪也. 因乃讓天下於務光. 而恐務光之受之也. 乃使人說務光曰: 「湯殺君而欲傳惡聲于子, 故讓天下於子。」務光因自投於河) [5]. Вероятно, братья тоже увидели в предложении У-вана скрытые мотивы и решились на самоубийство ради сохранения чести.

Наконец, еще одна версия мифа встречается в даосском трактате «Чжуан-цзы» и, с изменениями, в компиляции философских работ III в. до н.э. «Вёсны и осени господина Льюй». Здесь У-ван, еще не выступивший против Ди Синя, заключает союзы с шанской знатью (в «Чжуан-цзы» он предлагает союз и Бо И с Шу Ци). Братья осуждают У-вана за то, что он лишь «заменяет тиранию мятежом» (и *луань* и *бао* 以亂易暴) [6]. Как и в других вариантах мифа, они умирают голодной смертью.

Таким образом, во всех версиях мифа Бо И и Шу Ци негативно относятся к свержению Ди Синя. Но причины такого отношения разные. Хань Фэй иллюстрирует историей братьев тезис

⁹ Фрагменты «Мэн-цзы» даны в переводе И.И. Семененко [2]. Курсивом отмечены наши изменения перевода.

об общественных отношениях как постоянной борьбе за власть. В Чжуан-цзы Бо И и Шу Ци проповедуют отказ от принуждения и насилия как способов достижения политического порядка. В конфуцианской же версии Сыма Цяня У-ван виноват как в бунте против сюзерена, так и в невыполнении обязательств по отношению к отцу – он пренебрег периодом траура. Иными словами, как и прочие персонажи политического мифа, Бо И и Шу Ци воплощают в себе определенную нравственную и политическую позицию, которая используется и реинтерпретируется представителями различных философских школ для обоснования их положений. Так, по мнению А. Берковица, «Бо И восхвалялся Конфуцием и “конфуцианской” традицией за свои нравственные воззрения, был героем для школы земледельцев, а в “даосских” трактатах описывался как нравственный отщепенец, ничем не лучше разбойника Чжи» [14, р. 61]. В связи с этим небезынтересно рассмотреть, как Конфуций и Мэн-цзы оценивают братьев и как эти оценки встраиваются в их этику войны.

Этика войны «Лунь юй»

Сторонники «конфуцианского пацифизма» часто ссылаются на *чжан* 1 главы 15 «Лунь юй» (ЛЮ 15.1), где Конфуций отказывается говорить о войне с князем Лин-гуном (靈公). Тем не менее, этот отрывок свидетельствует скорее о том, что военные вопросы можно обсуждать лишь с морально компетентным правителем, а не с кем-то вроде Лин-гуна (о котором в ЛЮ 14.19 сообщается, что он «не имеет пути», у *дао* 無道). Один из компонентов такой моральной компетентности – приверженность мирным способам разрешения конфликта (см., напр., ЛЮ 14.16).

То, что Конфуций в определенных ситуациях был готов говорить о войне, видно из ЛЮ 14.21. Узнав о том, что сановник княжества Ци (齊) Чэнь Чэнцзы (陳成子) убил своего правителя, Конфуций обратился к князю Лу (魯) с просьбой покарать его (тот, впрочем, направляет Конфуция решать этот вопрос с главами трех семей, которым принадлежит реальная власть в Лу). Здесь важны два момента. Во-первых, Конфуций призывает выступить не против законного правителя другого государства (и уж тем более не Сына Неба), а против подданного, совершившего грубейшее нарушение политико-нравственных норм. Во-вторых, инициировать карательную экспедицию может только законный

правитель, даже если он не обладает реальной властью. Конечно, как сообщается в ЛЮ 16.2, в идеале таким правом обладает лишь Сын Неба. Но если правящий дом в упадке, говорится далее, за поддержание порядка отвечают стоящие ниже в социальной иерархии акторы: удельные князья-чжухоу (諸侯), сановники-дафу (大夫) и, наконец, их слуги.

В то же время некоторые войны для Конфуция недопустимы вне зависимости от того, кто инициирует их. Так, в ЛЮ 16.1 сообщается, что Цзи (季), одна из семей, узурпировавших власть в Лу, собиралась напасть на небольшое княжество Чжуаньюй (顓臾). Жань Цю (冉求), ученик Конфуция и заведующий делами семьи Цзи, пытается оправдать агрессию самообороной: якобы Чжуаньюй находится слишком близко к крепости семьи Цзи и однажды сможет воспользоваться этим для нападения. Конфуций, однако, заявляет, что эту проблему нужно решать не военным путем, а улучшением социально-экономического положения в собственном княжестве. У такого государства не будет врагов, поскольку народы других княжеств будут восхищены его процветанием и сами захотят служить ему.

Как же Конфуций оценивает кампанию против Ди Синя? Показательно, что У-ван упоминается всего три раза. В ЛЮ 19.22 ученик Конфуция заявляет, что путь Вэнь-вана и У-вана не погиб, но продолжает жить в людях, поэтому недостатка в учителях у Конфуция не было. В ЛЮ 8.20 сообщается, что у У-вана было десять министров. С точки зрения этики войны важнее упоминание в ЛЮ 3.25: «Учитель сказал о Шао: “Предельно красиво и предельно благо”. Об У сказал: “Предельно красиво, [но] не предельно благо”» (子謂韶, 「盡美矣, 又盡善也。」謂武, 「盡美矣, 未盡善也。」) [10]. «Шао» – это музыкальное произведение времен правления Шуня, а «У» – музыка времен У-вана, сотворенная по случаю свержения Ди Синя. В традиционной комментарии Хуан Каня (皇侃, 488–545 гг.) говорится: «Поднебесная обрадовалась, что У-ван прислушался к народу и напал на Цзе (Ди Синя. – прим. авт.). Так случилось, что это соответствовало сердцу того времени. Поэтому [«У»] предельно красиво. Но [когда] подданный нападает на правителя, принцип в таком действии не благой. Поэтому [и] сказано, что [«У»] не предельно благо» (天下樂武王從民而伐紂. 是會合當時之心. 故盡美也. 而以臣伐君. 於事理不善. 故云未盡善也.) [9].

Хотя существуют и иные интерпретации этого отрывка (см., напр.: [28, р. 129]), большинство комментаторов соглашается, что несоблюдение подданным обязательств перед правителем, особенно выливающееся в вооруженную борьбу, не является оптимальным способом разрешения политических проблем.

Вэнь-ван упоминается не чаще своего сына, но с гораздо большим почтением. Так, в ЛЮ 9.5 Конфуций говорит: «Вэнь-ван уже мертв, [но разве] культура-вэнь не здесь [во мне]?» (文王既沒, 文不在茲乎?) [10]. С точки зрения этики войны интереснее ЛЮ 8.20: «[Хотя] из трех третей Поднебесной [Вэнь-ван] владел двумя, использовал [он] их для служения Инь. О добродетели Чжоу можно сказать, что [тогда] она [была] предельна» (三分天下有其二, 以服事殷. 周之德, 其可謂至德也已矣.) [10]. Хотя поведение Вэнь-вана не противопоставляется действиям У-вана напрямую, сложно не увидеть здесь критику в адрес последнего.

Какова же оценка Бо И и Шу Ци? В ЛЮ 7.15 они называются «достойными людьми древности» (古之賢人), «искавшими и обретшими человеколюбие» (求仁而得仁). Кроме того, здесь и в ЛЮ 5.23 также утверждается, что они не держали обиды (юань 怨) – чувство, как отмечает М. Инг, в «Лунь юй» обычно порицаемое [20, р. 113]. А ЛЮ 14.1 косвенно одобряет поступок братьев: «[Когда] в государстве есть путь, кормись [в нем]. [Когда] в государстве нет пути, кормиться [в нем] постыдно» (邦有道, 穀. 邦無道, 穀, 恥也.) [10].

Наиболее интересно высказывание в ЛЮ 18.8: «Не отступились от своих устремлений, не покрыли себя позором – [таковы были] Бо И и Шу Ци!... Я же от [всех] них отличен – не имею [всегда] дозволенного, не имею [всегда] недозволенного» (不降其志, 不辱其身, 伯夷, 叔齊與! ... 我則異於是, 無可無不可.) [10]. Можно ли на основе этого отрывка считать Конфуция моральным релятивистом, могущим поддерживать восстание против законного правителя?

В 17 главе Конфуций действительно заявляет о готовности служить сомнительным акторам. Так, в ЛЮ 17.1 и 17.5 он соглашается отправиться к управляющим делами клана Ци, которые восстали против своих хозяев, узурпировавших власть в княжестве. При этом, однако, не совсем понятна его цель. Сам он говорит, что хочет «превратить его (Лу. – прим. авт.) в [новое] Чжоу на востоке» (и вэй дун Чжоу 其為東

周) [10]. Ни Пэйминь с опорой на традиционные комментарии утверждает, что Конфуций хочет воспользоваться восстанием и восстановить в Лу законного правителя [28, р. 393], но этот отрывок можно прочесть и иначе – например, как желание Конфуция урегулировать конфликт мирным путем. Но даже если философ поддерживает восстание в этом случае, едва ли он одобряет и свержение Ди Синя. В 17.1, 17.5 и 17.7 восстают не против законных правителей княжеств (и уж тем более Сына Неба), а против тех, кто отстранил последних от власти. В этом отношении У-ван ближе к Чэнь Чэнцзы. При этом цареубийство в ЛЮ 11.24 Конфуций критикует.

В связи с этим едва ли можно прочесть последнюю фразу Конфуция из ЛЮ 18.8 как одобрение «справедливого восстания». Вероятно, смысл этой реплики в том, что он, в отличие от Бо И и Шу Ци, готов пойти на компромисс и служить сомнительному правителю в попытке «перевоспитать» его (впрочем, если тот не прислушивается к наставнику, следует от него уйти). Поэтому можно лишь наполовину согласиться с мнением В.А. Рубина о том, что братья воплощают в себе идеал моральной независимости философа от правителя, столь важный для Конфуция, что он решил проигнорировать их критику в адрес У-вана [1, с. 108]. Конфуций, видимо, не столько игнорирует эту критику, сколько разделяет ее. Но совершение зла во благо (в случае У-вана) или неясные намерения (в случае бунтарей из 17 главы) не могут быть причиной отказаться взаимодействовать с «запятнанным» актором.

Из этого можно заключить, что критерий легитимности военных действий для Конфуция – их соответствие ритуальному порядку¹⁰. Война допустима только тогда, когда ее инициирует законный актор (в идеале – Сын Неба), и только если ее цель – восстановление поправленной политической нормы. Точно так же и восстание парадоксальным образом дозволено лишь для возвращения на престол законного правителя.

Этика войны «Мэн-цзы»

Во многих аспектах этики войны Мэн-цзы солидарен с Конфуцием. Он так же считает, что

¹⁰ Ю. Пинес отмечает, что в начале эпохи Восточной Чжоу религиозный ритуал был переосмыслен и стал средством поддержания политического порядка как внутри государств [29, р. 89–104], так и в межгосударственных отношениях [29, р. 105–135]. Важный аспект этого порядка – иерархичность.

гуманное правление (*жэнь чжэн* 仁政) гораздо эффективнее для реализации политических интересов государства, чем война. Так, в пятом чжане первой части главы «Лянский царь милостивый» (МЦ 1.5) он говорит, что такая политика – лучший способ вернуть территории, захваченные вражескими государствами. Мэн-цзы так же критикует захватнические войны, приводя, в частности, моральный аргумент (войны – ужасное преступление, МЦ 7.14) и аргумент от баланса сил (остальные государства объединятся против агрессора, МЦ 1.7). Наконец, как и Конфуций, Мэн-цзы считает, что порой военное вмешательство необходимо. Тем не менее, критерии здесь уже иные.

Ярче всего этика войны Мэн-цзы проявляется в эпизоде с захватом государства Янь (燕). В МЦ 4.8 описывается, как правитель Янь Цзыкуай (子噲) передал престол не сыну, а министру Цзычжи (子之) (любопытный параллелизм с политическим мифом), что привело к гражданской войне. Сановник княжества Ци спросил у Мэн-цзы, можно ли напасть на Янь. Тот ответил: «Можно... Цзыкуай не должен был отдавать Янь другому, а Цзычжи не должен был принимать от него Янь». Но когда Ци одержало победу, Мэн-цзы заявил, что оно не имело права вторгаться в Янь: «Порученец Неба – вот кто может на него (Янь. – прим. авт.) напасть... А одно Янь сталкивать с другим Янь – как можно было бы в этом убеждать?»

Этот отрывок важен в нескольких отношениях. Во-первых, здесь появляется фигура «порученца Неба» (*тянь ли* 天吏). Из МЦ 3.5 можно заключить, что это правитель, который осуществляет в своем государстве конфуцианскую социально-экономическую политику, из-за чего пользуется авторитетом среди других государств. Порученец Неба отличается от гегемона (*ба* 霸), доминирующего благодаря мощи, а не добродетели. Именно порученец в условиях упадка правящего дома является единственным легитимным инициатором карательных экспедиций. Эта же мысль повторяется и в МЦ 14.2: «Карательный поход – [это когда] высший наказывает низшего. А враждующие княжества не ходят карательным походом друг на друга». Поскольку правитель Ци, с точки зрения Мэн-цзы, не был порученцем, Ци не имело права выступать против Янь. Таким образом, по сравнению с Конфуцием Мэн-цзы значительно сужает круг политических акторов, могущих проводить карательную экспедицию.

Во-вторых, хотя Мэн-цзы и заявляет, что Янь повинно во все том же нарушении ритуальных норм, в МЦ 2.11 сообщается, что яньского государя необходимо было покарать за жестокое обращение со своим народом. Эта же причина дана и при описании карательного похода Чэн Тана (成湯), первого государя Шан, против правителя княжества Гэ (葛) в МЦ 6.5.

Благополучие народа становится не только причиной карательной экспедиции, но и верификатором ее легитимности¹¹. С одной стороны, угнетаемый народ должен высказывать недвусмысленное одобрение «карательной армии», встречать ее «корзинами еды и кувшинами питья» (МЦ 2.10). С другой стороны, необходимо должное завершение похода – введение «гуманного правления». В МЦ 2.11 сообщается, что хоть правитель Ци и освободил яньцев от тирана, он лишь занял его место и продолжил их угнетать, что настроило против него и народ Янь, и другие государства. При этом, по всей видимости, критерий послевоенного урегулирования жизни народа (аспект *jus post bellum*) для Мэн-цзы важнее, чем легитимность актора (аспект *jus ad bellum*). Истинный порученец Неба не может не позаботиться о народе покаранного тирана (иначе он не мог бы считаться порученцем). Но хотя правитель Ци не был легитимным актором, он мог, как следует из дискурса о «пристойной ошибке» (*и го* 宜過, МЦ 4.9), загладить свою вину, установив в Янь гуманные порядки, и тем самым приблизился бы к статусу порученца.

Наконец, благополучие народа необходимо учитывать и при проведении карательной экспедиции (аспект *jus in bellum*). Поскольку народ понимает искренность намерений порученца, никто не выйдет на защиту тирана. «Война» в таком случае происходит фактически бескровно (МЦ 14.3), и ее жертвой в идеале становится один лишь недобродетельный правитель (у народа «отнял[и]... только злодея», МЦ 6.5).

С учетом такой народоориентированности этики войны Мэн-цзы неудивительно, что переосмысливается и отношение к «справедливому восстанию». Это отражается и в описании персонажей политического мифа. Действия

Вэнь-вана и У-вана оказываются одинаково верными – опять же потому, что соответствовали желаниям народа. Так, в МЦ 2.10 на вопрос о том, можно ли аннексировать Янь, дается следующий ответ: «Если станете брать его, и народ Янь будет рад, то берите. Из людей древности, кто так поступал, был У-ван. Если станете брать его, и народ Янь не будет рад, то не берите. Из людей древности, кто так поступал, был Вэнь-ван». Почему же народ Шан был еще не готов к свержению Ди Синя во времена Вэнь-вана? Ответ дается в МЦ 3.1: тогда «еще частично сохранялись... прежние обычаи, доброе правление, и также были... достойные мужи, вместе помогавшие ему...». Таким образом, пока в государстве есть представители политической элиты, могущие восстановить порядок, экспедиция против него будет нелегитимна. При этом, хотя основным методом элиты должно быть увещание правителя, она может и свергнуть его (МЦ 10.9).

В МЦ 2.3 тождественность Вэнь-вана и У-вана подчеркивается параллелизмом. Когда на Чжоу напало племя ми (密), Вэнь-ван выступил против врагов и «одной [вспышкой своего] гнева принес покой народу Поднебесной». Так же характеризуется и поход У-вана против Шан. Тождественными оказываются не только Вэнь-ван и У-ван: Ди Синь, Сын Неба, приравнивается к варварам. Эта мысль развивается в МЦ 2.8, где заявляется, что У-ван и Чэн Тан не совершали царубийства, а лишь покарали преступников.

Каково же отношение Мэн-цзы к «отказникам»? С одной стороны, в МЦ 10.1 Бо И описывается как совершенномудрый и «незапятнанный» (цин 清) муж, под влиянием истории о котором «алчные делаются бескорыстными, а робкие – решительными». Хотя его превосходит Конфуций, чья главная определяющая добродетель – «своевременность» (ши 時), между ними есть важное сходство: «если надо было бы для обретения Поднебесной совершить одну несправедливость, предать убийству одного невинного, никто [из них] не стал бы делать [это]» (МЦ 3.2). Интересно, что Мэн-цзы умалчивает о том, готовы ли были Конфуций и Бо И в тех же целях предать убийству одного виновного (Ди Синя).

С другой стороны, в «Мэн-цзы» встречается и довольно суровая критика. Так, в МЦ 3.9 про Бо И говорится: «[если он] стоял бы рядом со своим односельчанином, и у того была бы шап-

¹¹ В связи с этим едва ли можно согласиться с С. Кимом в том, что главная цель карательной экспедиции – не спасение народа, а наказание его правителя [21, р. 197]. Для Мэн-цзы воздаятельная и восстановительная справедливость неразрывно связаны.

ка набекрень, то без оглядки ушел бы от него, [опасаясь] как бы не запачкаться». Мэн-цзы заключает: «*Бо И* чопорен (*ай* 隘) ... Но чопорности... благородный муж не следует».

Позиция братьев критикуется и косвенно, через оценку в МЦ 6.10 взглядов Чэнь Чжунцзы (陳仲子)¹², благородного мужа, который отказывался от службы у недобродетельного правителя и из-за этого конфликтовал с семьей своего брата-чиновника. Мэн-цзы говорит про него: «Приготовленное матерью не ел, а что жена готовила, то ел... просо, что [он] ест, вырастил ли *Бо И*, или его вырастил Разбойник Чжи?» Братья отличаются от Чэнь Чжунцзы только тем, что они дошли в своей принципиальности до предела, когда их действительно нельзя «подловить» на том, что они «порочат» свою чистоту взаимодействиями с «загрязненной» чжоуской Поднебесной. Но тем самым, с точки зрения Мэн-цзы, они лишаются и своей человечности, и им «лишь и [остается], что сделаться червями».

Это, конечно, не означает, что Мэн-цзы выступает против любой «принципиальности». Так, в МЦ 11.10 утверждается, что некоторые вещи милее жизни, а иные отвратительнее смерти. Проблема возникает тогда, когда желание сохранить нравственную чистоту вступает в конфликт с состраданием к жертвам тирана. Конфуцианский благородный муж чувствует личную ответственность за то, что в Поднебесной творится зло. Ярким примером тут служит И Инь, министр-помощник первого правителя Шан Чэн Тана, о котором в МЦ 9.7 говорится, что для него мириться с тиранией правителя Ся было словно самому сталкивать людей в канаву. Иными словами, благородный муж должен заботиться о своей нравственной чистоте, но вместе с тем должен и сражаться со злом и не бояться в сражении запачкать руки. Таким образом, «своевременность» Конфуция у Мэн-цзы распространяется и на этику войны.

Заключение

Анализ «Лунь юй» и «Мэн-цзы» показывает, что едва ли можно говорить о единой и непротиворечивой классической конфуцианской этико-военной традиции. Два трактата всту-

пают в сложные отношения, в которых есть и преемственность, и контестация, и реконцептуализация.

Между «Лунь юй» и «Мэн-цзы» есть важные сходства в этико-военном плане. Как уже отмечалось ранее, это и приоритет «этики мира», и убежденность в том, что внутривосточный порядок порождает порядок межгосударственный, и отказ от агрессивной внешней политики. Но еще одно любопытное сближение между позициями философов наблюдается в рамках *jus post bellum*. Для Мэн-цзы послевоенная забота о народе фактически становится важнейшим критерием легитимности военной экспедиции. Точно так же и для Конфуция (хотя он прямо и не говорит об этом в контексте этики войны) важнее не то, нарушил ли актер ритуальные нормы, а то, готов ли он после такого нарушения прислушиваться к добродетельному совету.

Тем не менее, много между ними и существенных отличий. Во-первых, на фундаментальном уровне для Конфуция характерно тяготение к политическому порядку, а для Мэн-цзы – к справедливости (выражающейся в непереносимости ко злу и людским страданиям). Такую эволюцию конфуцианской этики войны можно объяснить деградацией восточночжоуской политической системы. Если Конфуций пытался замедлить политический упадок при помощи ритуальных норм, и любое серьезное отклонение от них могло свести все его усилия на нет, то ко времени жизни Мэн-цзы опасения Конфуция и так уже сбылись, и от конфуцианства требовались новые ответы на политические вызовы. Поэтому, хотя и Конфуций, и Мэн-цзы допускают ведение войн, для первого их целью должно быть восстановление ритуальных норм и социальной иерархии. По Мэн-цзы же они должны осуществляться для спасения народа.

Во-вторых, для Конфуция приоритетен вопрос о законности войны: является ли ее инициатор лицом, в чьи должностные полномочия входит право снаряжать экспедиции. Для Мэн-цзы же гораздо более значим вопрос о легитимности войны: является ли ее инициатор нравственным актором. Парадоксальным образом это приводит к тому, что в этике войны Мэн-цзы карательный поход может объявлять гораздо более узкий круг лиц, чем в этике войны Конфуция.

В-третьих, для обоих мыслителей справедливые войны необходимо ассиметричны, т.е.

¹² Интересно, что в 13 главе трактата «Хуайнань-цзы» его судьба оказывается схожа с судьбой Бо И и Шу Ци: «не шел ко двору алчного правителя, не ел пищи [приготовленной в] смутный век, [и] в конце концов умер от голода» (不入洿君之朝, 不食亂世之食, 遂餓而死) [4].

ведутся между разными по статусу (легальному или моральному) акторами. Важное отличие заключается в том, что Мэн-цзы допускает «справедливое восстание», т.е. ведение асимметричной войны вассала против сюзерена, при условии значительного морального превосходства первого. Конфуций же если и допускает восстание, то лишь для восстановления законной власти.

В-четвертых, Мэн-цзы гораздо больше внимания уделяет аспектам *jus in bello*, которые накладывают значительные ограничения на акторов в его этике войны. В «Лунь юй» эта тема фактически не затрагивается за исключением пары отрывков (ЛЮ 13.29–30), речь в которых идет даже не о гуманном отношении к народу противника, а о необходимости адекватной подготовки к войне собственного народа.

В-пятых, отличия в этике войны отражаются и в отношении философов к персонажам политического мифа. Конфуций и Мэн-цзы в равной степени восхваляют Вэнь-вана, но расходятся в своей оценке У-вана и братьев Бо И и Шу Ци. У-ван является для Мэн-цзы спасителем народа, а для Конфуция – нарушителем политического порядка. Бо И и Шу Ци же хоть и признаются совершенномудрыми, но все же критикуются за бескомпромиссность, проявившуюся для Мэн-цзы в принципиальном отказе от свержения недобродетельного монарха во благо Поднебесной, а для Конфуция – в отказе служить У-вану после завершения его кампании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае: собрание трудов. М.: Восточная литература, 1999.
2. Семененко И.И. Мэнцзы в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си. М.: Наука, 2016.
3. Сыма Цянь. Исторические записки. Т. VII. М.: Восточная литература, 1996.
4. Гао Ю. Хуайнань-цзы чжу (Комментарии к «[Трактату] учителя из Хуайнани») // Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/huainanzi>
5. Лай Яньюань, Фу Угуан. Синь и «Хань фэй-цзы» (Новый перевод «Хань фэй-цзы») // Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/hanfeizi>
6. Люй ши чунь цю (Вёсны и осени господина Люй) // Сыбу цункань чубянь // Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/lv-shi-chun-qiu>
7. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки) // У ин дян эршисы ши // Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/shiji>
8. Сянь Цинь чжуцзы юй чжаньчжэн луньли (Доциньские философы и этика войны). Гонконг: Чжунхуа шуцзю, 2016.
9. Хуан Кань. «Лунь юй» цзи цзе и шу (Постатейные объяснения к сборнику комментариев на «Лунь юй»). URL: <https://www.shidianguji.com/zh/book/SK0531>
10. Чжан Яньин. «Лунь юй» и чжу (Комментированный перевод «Лунь юй»). Пекин: Чжунхуа шуцзю, 2007.
11. Чу цы цзеду (Расшифровка «Чуских строф»). Пекин: чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2008.
12. Allan, S., 2016. The heir and the sage: dynastic legend in Early China. New York: SUNY Press.
13. Bell, D.A., 2006. Just war and Confucianism: implications for the contemporary world. In: Bell, D.A. ed., 2008. Confucian political ethics. Princeton: Princeton University Press, pp. 226–256.
14. Berkowitz, A.J., 2000. Patterns of disengagement: the practice and portrayal of reclusion in early medieval China. Redwood City: Stanford University Press.
15. Ching, J., 2004. Confucianism and weapons of mass destruction. In: Hashmi, S.H. and Lee, S.P. eds., 2004. Ethics and weapons of mass destruction: religious and secular perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 246–269.
16. Fairbank, J.K., 1977. Introduction: varieties of the Chinese military experience. In: Kierman, F.A. and Fairbank, J.K. eds., 1977. Chinese ways in warfare. Cambridge: Harvard University Press, pp. 1–26.
17. Feng, H., 2007. Chinese strategic culture and foreign policy decision-making: Confucianism, leadership and war. New York: Routledge.
18. Hagen, K., 2021. Lead them with virtue: a Confucian alternative to war. Lanham: Rowman & Littlefield.
19. Hu, S., 2006. Revisiting Chinese pacifism. Asian Affairs: An American Review, Vol. 32, no. 4, pp. 256–278.
20. Ing, M., 2017. The vulnerability of integrity in Early Confucian thought. Oxford: Oxford University Press.
21. Kim, S., 2017. Confucian humanitarian intervention? Toward democratic theory. The

Review of Politics, Vol. 79, no. 2, pp. 187–213.

22. Lewis, M.E., 2006. The just war in early China. In: Brekke, T. ed., 2006. The ethics of war in Asian civilizations. New York: Routledge, pp. 185–200.

23. Liu, G., 2016. Introduction to the Tsinghua bamboo-strip manuscripts. Leiden: Brill.

24. Lo, P.C., 2024. Just cause in Mengzi and Gratian: similar ideas, different receptions and legacies. In: Twiss, S.B., Lo, P.C. and Chan, B.S.B. eds., 2024. Warfare ethics in comparative perspective. New York: Routledge, pp. 65–90.

25. Lo, P.C. and Twiss, S.B. eds., 2015. Chinese just war ethics: origin, development, and dissent. New York: Routledge.

26. Morkevicius, V., 2013. Why we need a just rebellion theory. Ethics & International Affairs, Vol. 27, no. 4, pp. 401–411.

27. Ni, L., 2001. The implications of ancient Chinese military culture for world peace. In: Bell, D. ed., 2008. Confucian political ethics. Princeton: Princeton University Press, pp. 201–225.

28. Ni, P., 2017. Understanding the Analects of Confucius: a new translation of Lunyu with annotations. New York: State University of New York Press.

29. Pines, Y., 2002. Foundations of Confucian thought: intellectual life in the Chunqiu period, 722–453 BCE. Honolulu: University of Hawaii Press.

30. Twiss, S.B. and Chan, J.K., 2015. The classical Confucian position on the legitimate use of military force. In: Lo, P.C. and Twiss, S.B. eds., 2015. Chinese just war ethics: origin, development, and dissent. New York: Routledge, pp. 93–116.

31. Wyatt, D.J., 2011. Confucian ethical action and the boundaries of peace and war. In: Murphy, A.R. ed., 2011. The Blackwell companion to religion and violence. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, pp. 237–248.

32. Yu, Y.M., 2016. Military ethics of Xunzi: Confucianism confronts war. Comparative Strategy, Vol. 35, no. 4, pp. 260–273.

33. Zhang, F., 2015. Confucian foreign policy traditions in Chinese history. The Chinese Journal of International Politics, Vol. 8, no. 2, pp. 197–218.

34. Zhang, T., 2002. Chinese strategic culture: traditional and present features. Comparative Strategy, Vol. 21, no. 2, pp. 73–90.

35. Zhao, T., 2021. All under Heaven: the Tianxia system for a possible world order. Berkeley: University of California Press.

REFERENCES

1. Rubin, V.A., 1999. Lichnost' i vlast' v Drevnem Kitae: sobranie trudov [Personality and authority in Ancient China: collected works]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)

2. Semenenko, I.I., 2016. Mentszy v novom perevode s klassicheskimi komentariyami Chzhao Tsi i Chzhu Si [New translation of «Mengzi» with classical commentaries by Zhao Qi and Zhu Xi]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

3. Sima Qian, 1996. Istoricheskie zapiski. T. VII [Records of the grand historian. Vol. VII]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)

4. 高誘. 淮南子注 [Annotated «[Treatise of] Master from Huainan»]. URL: <https://ctext.org/huainanzi> (in Chinese)

5. 賴炎元, 傅武光. 新譯韓非子 [New «Hanfeizi» translation]. URL: <https://ctext.org/hanfeizi> (in Chinese)

6. 呂氏春秋 [«Springs and autumns» of Mr. Lü]. URL: <https://ctext.org/lv-shi-chun-qiu> (in Chinese)

7. 司馬遷. 史記 [Records of the grand historian]. URL: <https://ctext.org/shiji> (in Chinese)

8. 先秦諸子與戰爭倫理 [Pre-Qin philosophers and ethics of war]. 香港: 中華書局, 2016. (in Chinese)

9. 皇侃. 論語集解義疏 [Commentaries on annotated «Lunyu»]. URL: <https://www.shidianguji.com/zh/book/SK0531> (in Chinese)

10. 张燕婴, 2007. 论语译注 [«Lunyu» commented translation]. 北京: 中华书局. (in Chinese)

11. 楚辞解读 [Deciphering «Songs of Chu»]. 北京: 中国人民大学出版社, 2008. (in Chinese)

12. Allan, S., 2016. The heir and the sage: dynastic legend in Early China. New York: SUNY Press.

13. Bell, D.A., 2006. Just war and Confucianism: implications for the contemporary world. In: Bell, D.A. ed., 2008. Confucian political ethics. Princeton: Princeton University Press, pp. 226–256.

14. Berkowitz, A.J., 2000. Patterns of disengagement: the practice and portrayal of reclusion in early medieval China. Redwood City: Stanford University Press.

15. Ching, J., 2004. Confucianism and weapons of mass destruction. In: Hashmi, S.H. and Lee, S.P. eds., 2004. Ethics and weapons of mass destruction: religious and secular perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 246–269.

16. Fairbank, J.K., 1977. Introduction: varieties of the Chinese military experience. In: Kierman, F.A. and Fairbank, J.K. eds., 1977. Chinese ways in warfare. Cambridge: Harvard University Press, pp. 1–26.
17. Feng, H., 2007. Chinese strategic culture and foreign policy decision-making: Confucianism, leadership and war. New York: Routledge.
18. Hagen, K., 2021. Lead them with virtue: a Confucian alternative to war. Lanham: Rowman & Littlefield.
19. Hu, S., 2006. Revisiting Chinese pacifism. *Asian Affairs: An American Review*, Vol. 32, no. 4, pp. 256–278.
20. Ing, M., 2017. The vulnerability of integrity in Early Confucian thought. Oxford: Oxford University Press.
21. Kim, S., 2017. Confucian humanitarian intervention? Toward democratic theory. *The Review of Politics*, Vol. 79, no. 2, pp. 187–213.
22. Lewis, M.E., 2006. The just war in early China. In: Brekke, T. ed., 2006. The ethics of war in Asian civilizations. New York: Routledge, pp. 185–200.
23. Liu, G., 2016. Introduction to the Tsinghua bamboo-strip manuscripts. Leiden: Brill.
24. Lo, P.C., 2024. Just cause in Mengzi and Gratian: similar ideas, different receptions and legacies. In: Twiss, S.B., Lo, P.C. and Chan, B.S.B. eds., 2024. Warfare ethics in comparative perspective. New York: Routledge, pp. 65–90.
25. Lo, P.C. and Twiss, S.B. eds., 2015. Chinese just war ethics: origin, development, and dissent. New York: Routledge.
26. Morkevicius, V., 2013. Why we need a just rebellion theory. *Ethics & International Affairs*, Vol. 27, no. 4, pp. 401–411.
27. Ni, L., 2001. The implications of ancient Chinese military culture for world peace. In: Bell, D. ed., 2008. Confucian political ethics. Princeton: Princeton University Press, pp. 201–225.
28. Ni, P., 2017. Understanding the Analects of Confucius: a new translation of Lunyu with annotations. New York: State University of New York Press.
29. Pines, Y., 2002. Foundations of Confucian thought: intellectual life in the Chunqiu period, 722–453 BCE. Honolulu: University of Hawaii Press.
30. Twiss, S.B. and Chan, J.K., 2015. The classical Confucian position on the legitimate use of military force. In: Lo, P.C. and Twiss, S.B. eds., 2015. Chinese just war ethics: origin, development, and dissent. New York: Routledge, pp. 93–116.
31. Wyatt, D.J., 2011. Confucian ethical action and the boundaries of peace and war. In: Murphy, A.R. ed., 2011. The Blackwell companion to religion and violence. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, pp. 237–248.
32. Yu, Y.M., 2016. Military ethics of Xunzi: Confucianism confronts war. *Comparative Strategy*, Vol. 35, no. 4, pp. 260–273.
33. Zhang, F., 2015. Confucian foreign policy traditions in Chinese history. *The Chinese Journal of International Politics*, Vol. 8, no. 2, pp. 197–218.
34. Zhang, T., 2002. Chinese strategic culture: traditional and present features. *Comparative Strategy*, Vol. 21, no. 2, pp. 73–90.
35. Zhao, T., 2021. All under Heaven: the Tianxia system for a possible world order. Berkeley: University of California Press.

*Статья поступила в редакцию 07.08.2024;
рекомендована к печати 21.08.2024*

А.Ю. Коробов-Латынцев, С.А. Демидова*

СЛАВЯНОФИЛЬСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ:
ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

В статье рассматриваются положения славянофильской философии, определившие вектор развития отечественной традиции осмысления феномена войны. Исследуя взгляды и военные пути А.С. Хомякова, И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина, авторы анализируют отношение мыслителей к войне и ее последствиям, их оценку значения военных конфликтов XIX в. в истории России и Запада, а также нравственные мотивы, характерные для творчества философов этого направления. Славянофильская философия войны позиционируется как практическая философия с явным уклоном в историософию, сосредоточенная прежде всего на осмыслении нравственного смысла и исторического значения тех войн, которые вела Россия.

Ключевые слова: славянофильство, философия войны, историософия, А.С. Хомяков, И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин

Slavophile philosophy of war: an attempt of reconstruction. ANDREY Yu. KOROBOV-LATYNTSEV (Donetsk Higher Combined Arms Command School), SERAFIMA A. DEMIDOVA (National University of Science and Technology MISiS)

The article examines the statements of Slavophile philosophy that defined the line along which the tradition of understanding the phenomenon of war developed in Russia. Exploring the views and war roads of A.S. Khomyakov, I.S. Aksakov and Yu.F. Samarin, the authors analyze the attitude of these thinkers to war and its consequences, their appraisal of the meaning of the XIXth century war conflicts in the history of Russia and the West as well as moral motives dominating the works of these philosophers. Slavophile philosophy of war is formed as a practical one with an obvious tendency towards historiosophy, focused primarily on understanding the moral meaning and historical significance of the wars in which Russia took part.

Keywords: Slavophilism, war philosophy, historiosophy, A.S. Khomyakov, I.S. Aksakov, Yu.F. Samarin

Проблема войны и мира всегда была предметом размышлений философов от Античности до наших дней. Гераклит Эфесский объявляет вой-

ну «отцом всех вещей». Платон онтологизирует войну и создает классификацию войн, которую будут использовать последующие поколения

* КОРОБОВ-ЛАТЫНЦЕВ Андрей Юрьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Донецкого высшего общевойскового командного училища, г. Донецк, Россия, a.k-l@mail.ru

ДЕМИДОВА Серафима Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальных наук и технологий Национального исследовательского технологического университета «МИСИС», г. Москва, Россия, amifares@mail.ru

© Коробов-Латынцев А.Ю., Демидова С.А., 2024

греческих философов. Как отмечает современный исследователь А.И. Бродский, «Платон заложил идею элитарного союза философов и воинов, вдохновлявшую европейских мыслителей на протяжении тысячелетий» [8, с. 552].

Эволюция философских представлений о войне в немецкой философии конца XVIII в. – первой половины XIX в. исходит из характерного для эпохи Просвещения идеала «вечного мира», но приходит в итоге к выводу о его неосуществимости. Разрешение проблемы войны и мира видится в необходимости правового оформления межгосударственных отношений, которое, не являясь абсолютным гарантом мира, способствует выходу из потенциального или же актуального состояния войны.

Г.В.Ф. Гегель обозначает диалектическое соотношение между вечным стремлением человечества к миру и нравственной необходимостью войны для его же блага. Полемизуя с И. Кантом, с его тезисом о «неосуществимости идеи вечного мира», Гегель пишет о преходящем характере не только состояния мира, но и состояния войны: «В войне сама война определена как нечто долженствующее быть преходящим. Поэтому война содержит в себе определение международного права, устанавливающее, что в войне содержится возможность мира...» [10, с. 368].

К. Шмитт, один из наиболее влиятельных немецких мыслителей XX в., правовед и политолог, разработал концепцию тотального государства, тотального врага и тотальной войны – без всяких ограничений и правил. Война продолжает политику, но тем не менее обладает собственной сущностью. Враг – это не просто противник, с которым можно заключить мир, это тотальное зло, которое необходимо уничтожить [32].

Таким образом, в истории мировой философии проблема войны и мира является едва ли не центральной, когда речь заходит о практическом применении философских систем или об этике как практической философии.

Русская же философия войны шла своими путями. Известный русский военный теоретик А.А. Керсновский писал в своем труде «Философия войны», что «со смерти Суворова русская военная мысль вдохновлялась исключительно иностранными образцами» [12, с. 27]. Однако подробный анализ показывает, что в русской философии существует самобытная традиция осмысления войны (философия войны, полемо-

логия), к которой относится и сам Керсновский. К ней принадлежат такие фигуры, как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.Е. Снесарев, Е.Э. Месснер и др. В плеяде русских мыслителей, которые выстраивали философию войны, следует особо отметить представителей славянофильского направления: А.С. Хомякова, И.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина и др.

Русское славянофильство представляет собой одно из самых масштабных и известных направлений отечественной философии XIX в. Последователи данного учения ассоциируются в научном мире с интеллектуалами-патриотами и традиционно противопоставляются «западникам». От славянофильства идут и Н.Я. Данилевский, и К.Н. Леонтьев, оказавшие значительное влияние на евразийскую идею. Поздний П.Я. Чаадаев в «Апологии сумасшедшего» также высказывает «славянофильские мысли»¹.

Славянофильство – это не только направление в русской философии, но и целая эпоха социальной мысли. Когда В.Ф. Эрн выбирал название для своей знаменитой лекции военных лет «Время славянофильствует» (1915), он руководствовался тем, что в анализируемый им период русской истории у общества был запрос именно на славянофильские парадигму и философский язык как наиболее адекватные интерпретируемому событию – Первой мировой войне².

Славянофилы едва ли не самые воинственные из всех русских философов. Многие из них сами участвовали в войнах, которые вела Россия в XIX в.³ Мировоззренческие установ-

¹ Имеется в виду высказывание Чаадаева о предназначении России в «Апологии сумасшедшего»: «...У меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество. Я часто говорил и охотно повторяю: мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества» [31, с. 534].

² Подробнее об этом см.: [33].

³ А.С. Хомяков – участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг.; И.С. Аксаков и Ю.Ф. Самарин принимали участие в народном ополчении во время Крымской войны (Аксаков – в московском ополчении, Самарин – в самарском); К.Н. Леонтьев добровольцем отправился в Крым во время Крымской войны.

ки и боевой опыт отразились и в их общем настроении, и в интересе к полемике, сформировали своеобразную полемологию, славянофильскую философию войны, которую в дисциплинарной матрице философии стоит выделить особо. Например, А.С. Хомяков, как писал А.И. Герцен, даже «спал вооруженный»⁴, то есть в любую минуту был готов вступить в философский спор. Издателю «Колокола» и «Полярной звезды» принадлежит и выражение «бретер диалектики», употребленное применительно к вождю славянофилов.

Как замечает исследователь философии славянофильства В.В. Носков, Константин и Иван Аксаковы закладывают традицию философского осмысления войны, которую продолжает В.С. Соловьев и его последователи, мыслители русского духовного Ренессанса [18, с. 111]. В 1857 г. в передовой статье газеты «Молва» Константин Сергеевич Аксаков, виднейший представитель славянофильства, осмысляя закончившуюся Крымскую войну, попутно истолковывает феномен войны вообще. Так, философ пишет: «Война часто является необходимостью и даже долгом для государства. Вместе с тем, требуя от народа разнообразных и необычных усилий, она будит в нем и *нравственные, и физические силы и часто обновляет его существо*» [6, с. 388]. Далее К. Аксаков определяет и оценивает данное явление: «Война, взаимное истребление людей, есть явление, противное существу духа человеческого, показывающее несовершенство его нравственного состояния. Но человечество еще далеко от степени такого совершенства, и потому война еще нужна» [6, с. 388]. Война нужна, по мнению Аксакова, и потому, что она позволяет, «вырывая народы из обыденной колеи и становя их в необыкновенное состояние и отношение друг к другу, ... короче узнать и самих себя, и друг друга» [6, с. 389].

⁴ Так, в своих мемуарах «Былое и думы» отозвался о Хомякове А.И. Герцен: «Хомяков был действительно опасный противник; закалившийся старый бретер диалектики, он пользовался малейшим рассеянием, малейшей уступкой. Необыкновенно даровитый человек, обладавший страшной эрудицией, он, как средневековые рыцари, караулившие Богородицу, спал вооруженный. Во всякое время дня и ночи он был готов на запутаннейший спор и употреблял для торжества своего славянского воззрения все на свете – от казуистики византийских богословов до тонкостей изворотливого легиста» [11, с. 456].

Славянофильскую философию войны можно рассмотреть как ответы на три вопроса, предложенные В.С. Соловьевым: «По-настоящему, относительно войны следует ставить не один, а три различных вопроса: кроме общенравственной оценки войны, есть другой вопрос – о ее значении в истории человечества, еще не кончившейся, и, наконец, третий вопрос, личный – о том, как я, то есть всякий человек, признающий обязательность нравственных требований по совести и разуму, должен относиться теперь и здесь к факту войны и к тем условиям, которые из него практически вытекают? Смешение или же неправильное разделение этих трех вопросов – *общенравственного*, или теоретического, затем *исторического* и, наконец, *лично нравственного*, или практического – составляет главную причину всех недоразумений и криво толкований по поводу войны, особенно обильных в последнее время» (курсив наш. – *прим. авт.*) [25, с. 541].

Жизненные, философские и военные пути мыслителей славянофильского направления являются собой последовательные и честные ответы на эти три вопроса. Рассмотрим коротко эти пути.

Алексей Степанович Хомяков участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Причем Хомяков был причастен к военной службе с самой юности: в 1822 г. Хомяков принимается на службу юнкером в Астраханский кирасирский полк, в том же году он переводится на службу в Петербург, в лейб-гвардии Конный полк. В 1823 г. его производят в эстандарт-юнкеры, а в 1824 г. – в корнеты. В 1825 г. Хомяков в чине поручика «по домашним обстоятельствам» увольняется со службы, уезжает в заграничное путешествие (полк его будет принимать участие в восстании на Сенатской площади) и возвращается на службу в 1828 г., как раз к войне. В чине поручика Белорусского гусарского Принца Оранского полка, в должности адъютанта генерала В.Г. Мадатова отправляется на Дунай для того, чтобы принять участие в очередной русско-турецкой войне. Там он будет дважды ранен при крепости Шумла, за проявленную в боях храбрость получит два ордена: Владимирский и Св. Анны. Н.А. Бердяев, написавший интеллектуальную биографию Хомякова, приводит слова современников, что он был офицером с «холодной блестящею храбростью» [7, с. 260].

В письме к матери, написанном во время военных действий, А.С. Хомяков пишет: «Я был

в атаке, но, хотя раза два замахнулся, но не решился рубить бегущих, чему теперь очень рад; после того подъехал к реду, чтобы осмотреть его поближе. Тут подо мной была ранена моя белая лошадь, о которой очень жалею. Пуля пролетела насквозь через обе ноги; однако же есть надежда, что она выздоровеет. Прежде того она получила рану в переднюю лопатку саблею, но эта рана совсем пустая. За это я был представлен к Владимиру, но по разным обстоятельствам, не зависящим от князя Мадатова, получил только Св. Анну с бантом, впрочем, и этим очень можно быть довольным. Ловко я сюда приехал: как раз к делам, из которых одно жестоко наказало гордость турок, а другое утешило нашу дивизию за все горе и труды прошлого года...» (Цит. по: [7, с. 260]). Эти строки вполне подтверждают приведенную Бердяевым характеристику Хомякова, данную его современниками.

О войнах А.С. Хомяков рассуждает так: «Война и завоевание, этот итог бесконечных убийств, бесстрастных и бесконечных, это исполинское преступление всех законов человечества, эта мерзость, сопряженная с очаровательным величием и соблазном себялюбивой славы, война еще не получила имени у людей» [28, т. 6, с. 21]. Однако, как считает исследователь творчества Хомякова В.Н. Ксенофонтов, философ «в своих воззрениях на войну не предстает в качестве ярко выраженного пацифиста» [11, с. 677]. Хомяков, рассуждая о войнах, в которых участвовала Россия, указывает на ее миротворческую миссию: «На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоеваний. Кровь и вражда не служили основанию государства Российского, и деды не завещали внукам предания ненависти и мщениия» [28, т. 3, с. 28].

Н.А. Бердяев также пишет, что когда А.С. Хомяков находился у себя в деревне, «в обстановке спокойной, его периодически тянуло на войну, в бой, и он изливал свои переживания в боевых стихотворениях» [7, с. 260]. Бердяев характеризует философа как натуру воинственную, причем эта воинственность проявилась очень рано: в семнадцать лет он пытался бежать из дому, чтобы принять участие в войне за освобождение Греции. «Он купил засапожный нож, прихватил с собой небольшую сумму денег и тайком ушел из дому» [7, с. 257]. В Греции в это время началось общепалланское антитурецкое восстание, подготовленное обществом «Филики Этерия». В России это восстание – «грече-

ская революция», как его называли – встретило широкое сочувствие. Это чувство охватило и юного Хомякова. Вот характерное юношеское стихотворение будущего философа о «греческой революции»:

О, если б глас царя призвал нас в грозный бой!
О, если б он велел, чтоб русский меч стальной,
Спасатель слабых царств, надежда, страх вселенной,
Отмстил за горести Эллады угнетенной! [26, с. 4]

Исследователи отмечают, что эти юношеские романтические порывы А.С. Хомякова участвовать в славянских антитурецких восстаниях «до определенной степени удалось воплотить Хомякову в жизнь во время очередной русско-турецкой войны 1828–1829 гг., в которой он принимал участие как раз на Дунайском театре войны. По итогам именно этой войны победившая Россия при заключении мирного договора в Адрианополе добилась от Турции предоставления полной независимости Греции и создания автономного княжества Сербии, которое стало первым государственным образованием у зарубежных славян, возродившимся после долгих столетий утраты» [15, с. 104]. Можно сказать, что Хомяков лично был причастен к освобождению сербов от Турции.

Пример А.С. Хомякова доказывает, что славянофильская философия войны – это прежде всего практическая (военная) философия, т.е. само событие войны для славянофилов – не абстрактная тема для отстраненного научного исследования, а экзистенциал, который они осмысливают вблизи, в непосредственном столкновении с ним.

Платоновский взгляд на войну как на процесс, разворачивающийся не только на поле боя, но в самом бытии, органично вписывается в славянофильскую военную философию. Так, в А.С. Хомякове Н.А. Бердяев фиксирует следующую особенность: «У него была неискоренимая потребность всегда органически утверждать и бороться во имя органического утверждения. В нем нет и следов мягкости и неопределенности натур сомневающихся, мятущихся. Он ни в чем не сомневается и идет в бой. В бой нельзя идти с сомнением, с внутренней борьбой. Плохой воин тот, кто борется с самим собою, а не с врагом. Хомяков всегда боролся с врагом, а не с самим собой, и этим он очень отличается от людей нашей эпохи, слишком часто ведущих борьбу с собой, а не с врагами» [7, с. 260].

Хомяков, исходя из славянофильской практической философии войны и относясь к войне как экзистенциалу, а не абстрактной теоретической теме, одним из первых указал на четвертое измерение войны, о котором в эпоху Хомякова едва ли кто-либо мыслил. Можно предположить, что лидер славянофилов предвидел появление будущих информационных или ментальных (когнитивных) войн. Философ писал: «Прошли века, государство русское окрепло, но новое нашествие с Запада требует нового сопротивления. Это нашествие не меча и силы, но учения и мысли. И против этих нашествий бессильна всякая вещественная оборона, и сильно только одно – глубокое душевное убеждение» [28, т. 3, с. 99].

Накануне вступления западных держав в Крымскую войну 1853–1856 гг. Хомяков написал: «Силы всех наций выдвигаются вперед и меряют взорами друг друга. Борьба ужасная готовится вспыхнуть» [28, т. 3, с. 178]. Эти строки, на наш взгляд, предсказывают мировые конфликты XX в. Истоки этого противостояния между Россией и Западом Хомяков видит в схизме, религиозном расколе, поскольку «на одной из воюющих сторон стоят исключительно народы, принадлежащие православию, а на другой римляне и протестанты, обступившие исламизм» [27, с. 85].

Отметим, что в славянофильской полемологии, как и в славянофильской социальной философии, особо значимо именно религиозное измерение. Так, войну России против Турции Хомяков назвал справедливой войной [28, т. 1, с. 382] именно в том значении, в котором это выражение употребляли классики теории справедливой войны (Августин Блаженный и Фома Аквинский), а не современные западные теоретики. Последние увели саму теорию справедливой войны в юридическую плоскость. Войну философ понимает как Суд Божий: у Хомякова есть и одноименное стихотворение. Оно написано в 1854 г. и посвящено Крымской войне. В этом произведении философ обозначает важный для его религиозной метафизики концепт призванности на войну:

Глас божий: «Сбирайтесь из дальних сторон!
Великое время пришло
Для тризны кровавой, больших похорон:
Мой суд совершится, мой час положен,
В сраженье бросайтесь смело...» [26, с. 159]

Русский народ и сама Россия, по Хомякову, призваны на Суд Божий в качестве орудия Господа. Поэтому философ пророчески предостерегает свое Отечество в стихотворении «России»:

Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданиям тяжело.
Своих рабов он судит строго,
А на тебя, увя! как много
Грехов ужасных налегло!..
...О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказания
Не грянет над твоей головой!..
И встань потом, верна призванью,
И бросься в пыл кровавых сеч!
Борись за братьев крепкой бранью,
Держи стяг Божий крепкой дланью,
Рази мечом – то божий меч! [26, с. 164]

У Хомякова из личной его вовлеченности (как боевого офицера) рождается глубинное понимание события войны в русской истории. Эти войны для вождя славянофилов, во-первых, являются войнами оборонительными, вынужденными; во-вторых, они носят характер принципиальный, т.е. в их основании лежат конфликт разных принципов, разных подходов к миру, человеку, к его истории. Хомяков, словно отвечая на те вопросы, которые спустя почти четыре десятилетия после его смерти задаст В.С. Соловьев, утверждает, что с нравственной точки зрения война, конечно же, является злом; с исторической точки зрения войны, впрочем, могут служить благим целям, например, освобождению народов от несправедливого гнета или защите веры. С точки же зрения гражданской философии, как сын своего Отечества, не имеет права уклоняться от участия в войне, ссылаясь на то, что в общенравственном смысле война есть зло (что наглядно демонстрируется всей биографией Хомякова).

Аналогичное понимание основного концепта практической философии мыслителей исследуемого направления мы обнаруживаем в военной философии другого славянофильского лидера, «последнего из отцов» славянофильства – Ивана Сергеевича Аксакова.

И.С. Аксаков, как и А.С. Хомяков, служил в армии. С началом Крымской войны Аксаков просит графиню А.Д. Блудову посодействовать

его переводу в армию на Дунай: «Я хочу вступить на какую-нибудь гражданскую должность при Дунайской армии. ... Я хочу быть ближе к театру войны» [19, с. 339]. На гражданскую должность, впрочем, И.С. Аксакову попасть не удалось, и в 1855 г. философ записался в Московское ополчение, в Серпуховскую дружину, потому что ему «совестно» было находиться дома, когда «люди дерутся и жертвуют» (цит. по: [16, с. 21]).

Несмотря на то, что в армии Аксаков до этого никогда не служил, он стал штабс-капитаном III Серпуховской дружины. Правда, философ не участвовал в боевых действиях: со своей дружиной он совершил поход в Одессу, а далее – в Бессарабию, но к тому времени война уже закончилась.

На третий вопрос, который предлагает поставить о войне В.С. Соловьев, – об отношении человека к факту войны и ее последствиям – Аксаков отвечает конкретно: «Призыв к ополчению значит возвешение опасности, угрожающей России, – вот главное и существенное: может быть, тебе опасность и не кажется еще столь близкою, может быть, ты винишь в этом опасности само правительство, может быть, ты не сочувствуешь политике правительства... Покуда ты так рассуждаешь, враг нагрянул на Россию и разорил ее пограничные области. Нечего обращать внимание на все те глупости и вздоры, которыми сопровождается по милости людей всякое серьезное дело. Ты только относись к серьезному делу серьезно и честно, и все получит иной характер» [3, с. 343–344].

В апреле 1854 г., еще до вступления в ополчение, Аксаков написал стихотворение «На Дунай!», в котором выразил первые впечатления о начавшейся войне:

На Дунай! Туда, где новой славы,
Славы чистой светит нам звезда,
Где на пир мы позваны кровавый,
Где, на спор взирая величавый,
Целый мир ждет Божьего суда! [5, с. 7]

В этом аксаковском пятистишии следует обратить внимание на концепт призванности, а именно его инвариант – позванности. Как и Хомяков, Аксаков выстраивает посредством поэзии ту же самую славянофильскую религиозную метафизику войны: Россия призывается / зовется на справедливую войну со злом, суть которой – Божий суд, а Россия – его ору-

дие. В событии войны славянофилы видят нечто провиденциальное. И.В. Киреевский после объявления Россией войны западным державам 7 марта 1854 г. писал И.С. Аксакову, что наступило такое необыкновенное время, «какое бывает только в тысячелетние переломы эпох: все времена слились: в настоящем и прошедшем не уходит, и будущее прежде прихода ошутительно. А между тем неожиданно и удивительно. Тайна веков слышна и Провидение видимо» [13, с. 327]. В этом контексте решение Аксакова пойти добровольцем на войну является решением столь же гражданским, сколько философским. После окончания войны Аксаков вернулся в Москву, но оттуда почти сразу же отправился в Крым. А.С. Курилов, исследователь творчества мыслителя, пишет, что философ «некоторое время работает в комиссии по расследованию интендантских злоупотреблений во время войны» [16, с. 21].

Б.Н. Чичерин в своих мемуарах отмечает, что «Крымская кампания открыла глаза тем из славянофилов, которые в состоянии были что-нибудь видеть» [22, с. 172]. На самом деле, едва ли можно упрекнуть славянофилов в слепой любви к своей Родине; напротив, представители славянофильского направления ясно представляли себе положение дел, недостатки, слабые стороны и российской армии, и политической системы в целом, однако для них это не было причиной для того, чтобы перестать в меру своих сил отстаивать интересы своего Отечества, опираясь на свою собственную онтологию и практическую философию войны. Так, Аксаков писал во время польского восстания в своей газете «День», что «после урока, заданного нам Восточной войной, мы должны наконец сознать лежащую на нас историческую повинность и нести ее с полной гражданской добросовестностью» [2, с. 137].

Отношения Ивана Аксакова с войной не окончились в 1855 г. Как отмечает В.В. Носков, «Аксаков продолжал обращаться к урокам пережитой им в молодости войны» [18, с. 114]. Это касалось его издательской, публицистической и общественной деятельности, в т.ч. в связи с новой войной России с Турцией. Он, в частности, активно участвует в оказании помощи братской Сербии в освободительной войне, начавшейся в 1876 г. Философ помогает русским добровольцам переправляться через границу, организует сербскому правительству заем, собирает средства на нужды русской армии.

В русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Аксаков вновь занимается сбором средств, покупкой оружия и его переправкой болгарским дружинам. Историк Н.И. Цимбаев, что эта деятельность стала «его весомым вкладом в борьбу за освобождение балканских славян» [30, с. 238].

Аксакова называли «Мининым» движения за освобождение на Балканах, а болгары именовали своих ополченцев «детьми Аксакова» и даже направили к Ивану Сергеевичу делегацию с приглашением занять болгарский престол [9]. «Не занимавшего никакого государственного поста Аксакова считали на Западе славянским Бисмарком, способным объединить разделенное славянство в одну державу под скипетром русского царя. Это было сильное преувеличение – петербургская бюрократия по-прежнему считала Аксакова своим врагом, но признавать его влияние на общественное мнение приходилось даже ей» (цит. по: [24, с. 20]).

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в России случился настоящий патристический подъем из-за желания поддержать братьев-славян, в Московский славянский комитет, возглавляемый Аксаковым, начали стекаться тысячи крестьян и «лихих людей» – с Волги, Дона, из Сибири. Они просили помочь им добраться до Сербии, чтобы там вступить в ряды добровольцев и бороться за независимость славян. Аксаков скажет, что эта (очередная) русско-турецкая война стала подвигом правды и веры. «Нужен подвиг русскому человеку, – писал последний из отцов славянофильства, – как вообще всем сильным душам потребно порою развернуть во всю ширь свои крылья и, взмахнув распростертыми крыльями, вознестись хоть на миг в высоту, над мелочью и пошлостью земной жизни» [4, с. 457].

И.С. Аксаков, как и А.С. Хомяков, предстает перед нами человеком с боевой натурой. Сам Аксаков говорит о себе в 1860 г. (в возрасте 37 лет) так: «Я в жизнь свою был и судьей, и администратором, и поэтом, и публицистом, и журналистом, и воином...» [1, с. 390]. Таковым он остался и в истории. Как пишет А.Г. Гачева, «скончался он, как солдат духа, на боевом посту, когда писал очередной материал для “Руси”» [9].

Из описанных выше отношений Аксакова с войной становится еще более понятным, что война для философов-славянофилов была не просто абстрактной темой, которую можно те-

оретически разрабатывать, писать о ней статьи и книги, но была экзистенциалом, который активно ими переживался и осмыслился и который определял, по сути, все существование для мыслителей этого направления.

Другим показательным примером практической славянофильской военной философии был Юрий Федорович Самарин. Он вел войну политическими средствами, хотя возможность буквальной войны преследовала его всю жизнь.

Ю.Ф. Самарин – политический философ и одновременно политический деятель. Его биограф Б. Нольде говорит о том, что «в самом Самарине были кости и мускулы» [17, с. 160], боевой характер и воля к активному и независимому действию. Исследователь жизни и творчества философа С.И. Скороходова пишет, что своей родословной Самарин «восходит к роду литовского князя Гедиминаса, который в XIV в. вел ожесточенную борьбу с немецкими рыцарями. Эту борьбу продолжил его дальний русский потомок, Юрий Самарин, с остзейскими баронами» [23, с. 168].

Отец Ю.Ф. Самарина – участник Отечественной войны 1812 г. В его доме часто бывал Денис Давыдов, друг семейства, рассказы о войне которого любил слушать будущий философ. Исследователи отмечают, что рассказы известного на всю Россию поэта и партизана сильно повлияли на формирование мировоззрения Юрия Самарина [21].

Самарин – политический философ, один из разработчиков реформы освобождения крестьян в России. В то время, когда Самарин приступил к работе над будущей реформой, началась Крымская война. Философа крайне опечалили неудачи и поражения русской армии. Тогда и началась политическая деятельность Самарина, вместе с ней – и его отношения с войной.

В июле 1855 г. дворянство Поволжья, где находилось имение Юрия Самарина, избрало его в капитаны местной ополченской дружины. Братья философа уже были в это время на военной службе, и сам Самарин, как и Аксаков, не считал себя вправе отказаться от назначения. Как и И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин не поучаствовал в боевых действиях: война закончилась к тому моменту, когда дружина Самарина выступила на Кавказ.

Самарина в начале его военного пути будут преследовать мрачные настроения. Он скажет в письме к одному из своих друзей: «Какое

странное время, кого берут, кто сам идет, с кого дерут; везде пожертвования, признаки всеобщего напряжения и при всем этом какое-то холодное безучастие к общественному делу» [17, с. 191]. Однако по мере возрастания дворянской (сызранской) дружины Самарина рассеивается его мрачное настроение. Рота, которой он будет командовать, очень радушно встретит его, и Самарин охотно возьмется за свои обязанности. Он станет разбирать бумаги в военной канцелярии, объяснять писарям правила орфографии, а свободное время станет отдавать работе над запиской о будущей освободительной крестьянской реформе. Философ будет хлопотать о своей дружине, стараться для улучшения ее снабжения, вступаться за честь ополченцев, которых включают в регулярные части. Одним словом, подойдет к военному делу со свойственной всем славянофилам основательностью. Показательно, Самарина будет огорчать тот факт, что после окончания войны он со своей ротой будет продолжать стоять в Сызрани: заниматься строевой подготовкой и «делать репетиции, зная наперед, что представление не состоится» [17, с. 160]. Отсюда можно заключить, что поучаствовать в «представлении» молодому славянофилу все-таки хотелось.

Самарину, впрочем, достаточно быстро придет освобождение от службы, и он отправится в Москву, на свой профессиональный, политический театр военных действий. Но когда в 1863 г. случится польское восстание, Самарин напишет во всеподданнейшем адресе от лица Самарского дворянства по поводу восстания так: «...Русское сердце давно почувало, что новая туча надвигается на нас с Запада» [17, с. 160]. А в письме к одному из своих корреспондентов он прямо выскажет свое отношение к происходящему, будто отвечая на поставленный В.С. Соловьевым вопрос о личном нравственном решении участвовать в войне: «Положение таково, что приходится желать войны, как бы мы ни были не подготовлены к ней. Последствия самой несчастной войны, при неравных силах, не могут быть хуже тех условий, с которыми связано соблюдение мира во что бы то ни стало. Тут поднят вопрос не только государственный, но земский и, если уж непременно нужно произносить это слово – вопрос династический. В моих понятиях война есть дело решенное, а при предстоящей такой войне роль каждого, способного поднять ружье, ясна. Все ждут ополчения или чего-нибудь в этом роде.

Собственно, по этому поводу я к Вам и пишу» [17, с. 161]. Далее в письме Самарин будет прямо рассуждать об ожидаемой войне и предлагать конкретные действия: «Маленькая артель охотников может раздвинуться и принять в свой состав целое губернское ополчение. Капля может окрасить всю бесцветную массу. Образовать хорошие кадры – это, мне кажется, единственное средство предупредить повторение тех пошлостей, гадостей и гнусностей, которыми запятнали себя все ополчения в прошлую войну. По моему мнению, следовало бы, когда дойдет до того: во-первых, вызвать охотников из всех сословий без различий для образования из них вольных стрелковых рот. Принимать их всех совершенно на одинаковых правах (это необходимо) и не так, чтобы коллежских переименовывать в ротных командиров. Во-вторых, в каждой из них дать по возможности самостоятельное устройство, и в хозяйственном и дисциплинарном отношении, между прочим – право исключать из среды своей недостойных, право вербовать новых охотников и т.д. Обучить охотников стрельбе и необходимым маневрам, можно, кажется, довольно скоро, если взяться за дело с толком. Повторяю опять – все это мелочь; но когда против нас пущены в ход все средства передней пропаганды, мне кажется, ничем пренебрегать не должно» [17, с. 160]. В конце письма Самарин объявляет, что ему не хотелось бы сидеть на месте сложа руки [17, с. 161–162]. И философ не сидит сложа руки. Он убеждает самарского батальонного командира, чтобы тот допустил его и тех восемь-десять волонтеров «участвовать вместе с солдатами в учении цельной стрельбе» [17, с. 163].

На излете польского восстания в августе 1863 г. Самарин отправится в Царство польское. Дело в том, что император считал, что первоочередной мерой в Польше должна быть крестьянская реформа, и Самарина привлекли к этой работе как специалиста, который проявил себя во время реформы 1861 г. Самарин с готовностью отправляется в Польшу. В Высочайшем повелении о миссии Самарина было сказано, что цель миссии – ознакомиться с делами царства польского, изучить их на месте и составить ближайшие соображения о мерах к успокоению края. По сути же дела эта командировка носила почти что военный характер. Сам Самарин пишет об этом рейде: «Обстановка нашего путешествия: конвой линейцев в бараньих шапках, с закинутыми на спину винтовками, плавно

несущихся на кавказских иноходцах, веселый и бодрый вид пехоты – этой неутомимой пехоты, почти не отстающей от кавалерии, солдатские песни и солдатский заразительный смех; кое-где, в рядах, заломленные набекрень красные конфедератки, отбитые у повстанцев, – все это и многое другое, как движущаяся панорама, пронеслось мимо нас во время этой достопамятной для нас поездки» [17, с. 173].

О самом польском восстании Самарин скажет, что оно было лишено всякой организации и держалось одной лишь ненавистью к русским, само по себе было раздираемо внутренними распрями. Оно могло родить только террор, который отравлял всю страну и парализовал ее нормальную жизнь.

Самарин не только точно охарактеризовал восстание, свидетелем которого он сам был, но и со свойственной ему политической чуткостью предвидел будущую войну, причина которой – новый зарождающийся деспотизм в Германии. В письме к своей подруге, баронессе фон Раден, в 1870 г. философ писал о франко-прусской войне: «...Нельзя не распознать в упоении прусским триумфом фальшивые ноты, режущие слух. Преклонение перед силой начинает преобладать над культом свободы – этот симптом нам известен, новый деспотизм в зародыше... Концентрация сил, подобная той, что произошла в Пруссии, порождает войну, а не ждет ее. Расовые столкновения, как в V веке при наличии железных дорог, телеграфов и пулеметов, – вот что, видимо, приготовило для нас будущее...» [34, с. 192–193]. Время показало, что Самарин не ошибался.

Таким образом, анализ идей и мировоззренческих установок видных представителей славянофильства – И.С. Аксакова, А.С. Хомякова, Ю.Ф. Самарина – показал, что философы создали особую военную философию, исключающую дистанцию от рассматриваемого предмета (то есть войны, конфликта, полемоса) и превращающую предмет рассмотрения в экзистенциал, который определяет не только представления философа о войне, но и конкретные этические стратегии мыслителя в определенной военной ситуации. Пример таких этических стратегий как раз дали славянофилы, определившие таким образом всю последующую русскую традицию осмысления войны от В.С. Соловьева до Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова, а также традицию личного отношения философа к войне. Традицию эту можно обозначить как платоническую.

К примеру, в диалоге «Тимей» Платон пишет так: «Род же софистов полагаю я хотя и очень опытным в красноречии и других прекрасных искусствах, но боюсь, как бы эти люди, бродящие по городам и нигде не основывающие себе собственного жительства, не ошибались в своих догадках, как и что, на войне и в битвах, должны делать и говорить философы и вместе политики при деятельных и словесных сношениях с другими» [20, с. 375].

Традиционное для Платона противопоставление софистов и философов очень важно применительно к нашей теме. Софисты – не просто платные учителя мудрости, они для Платона прежде всего те, кто не имеет своего собственного полиса, из-за чего они и не способны (по Сократу) на те самые особые слова и дела, на которые в обстоятельствах войны решаются философы. Славянофилы явили пример как раз таких платоновских философов, которые в обстоятельствах войны способны на особые слова и дела.

В самый разгар Крымской войны Константин Аксаков писал: «В настоящее время всеобщего испытания народов внимание всякого русского устремлено более, чем когда-нибудь, на внутренний смысл, на основы бытия России. Меня это внимание, постоянное и прежде, привело к убеждениям, выяснившимся в настоящую минуту более, чем когда-нибудь. Строгое время, в которое мы живем, требует откровенного слова» (цит. по: [29, с. 53]). Осмысление войны представителями славянофильской школы сегодня крайне актуально, их наработки подлежат внимательному исследованию со стороны профессионального философского сообщества. Этот философский опыт может быть использован в наше время при интерпретации политической ситуации как внутри России, так и в мире, а также для осмысления отношений России как с входящими в ее состав народами, так и с геополитическими противниками и союзниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков И.С. в его письмах. Ч. 1. Т. 3. Письма 1851–1860 гг. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1892.
2. Аксаков И.С. Как России готовиться к войне // Сочинения И.С. Аксакова 1860–1886. Т. 2. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1886. С. 135–147.
3. Аксаков И.С. Письма к родным. 1849–1856. М.: Наука, 1994.

4. Аксаков И.С. Собрание сочинений: в 12-ти т. Т. 1. Славянский вопрос. Кн. 1. СПб.: Росток, 2015.
5. Аксаков И.С. Сборник стихотворений с портретом автора. М.: Типография Т.И. Гаген, 1886.
6. Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995.
7. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев: очерк истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М.: АСТ; Хранитель, 2007.
8. Бродский А.И. Неизвестный солдат: философская апология войны и ее истоки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 4. С. 551–562.
9. Гачева А.Г. Последний славянофил. URL: <https://portal-kultura.ru/svoy/articles/filosof-o-filosofe/136771-posledniy-slavyanofil>
10. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977.
11. Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 1–5. М.: Художественная литература, 1969.
12. Керсновский А.А. Философия войны. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2010.
13. И.В. Киреевский – И.С. Аксакову. 8 апреля 1855 г. // Киреевский И.В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. С. 327.
14. Ксенофонов В.Н. Философско-нравственные идеи А.С. Хомякова о войне и мире: содержание и преемственность // Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: сборник статей по материалам международной научной конференции (г. Москва, 14–17 апреля 2004 г.). Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 675–683.
15. Кузьмичева Л.В. А.С. Хомяков и сербский вопрос // Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: сборник статей по материалам международной научной конференции (г. Москва, 14–17 апреля 2004 г.). Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 89–105.
16. Курилов А.С. Константин и Иван Аксаковы // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. С. 3–29.
17. Нольде Б. Юрий Самарин и его время. М.: Алгоритм, 2003.
18. Носков В.В. Крымская война и развитие славянофильской философии истории // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2002. № 2. С. 103–119.
19. Письма И.С. Аксакова к А.Д. Блудовой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. 11. М.: Студия ТРИТЭ, 2001. С. 337–349.
20. Платон. Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные профессором Карповым. Ч. 6. М.: Синодальная типография, 1879.
21. Поддубная Р.П. Самарины. Самара: Офорт, 2008.
22. Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. 2. Воспоминания Б.Н. Чичерина. М.: Изд-во МГУ, 1991.
23. Скороходова С.И. Воспитание Ю.Ф. Самарина как исток мировоззрения // Наука и школа. 2012. № 2. С. 168–172.
24. Славянофилы. Историческая энциклопедия. М.: Институт русской цивилизации, 2009.
25. Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации; Алгоритм, 2012.
26. Хомяков А.С. Стихотворения. М.: Директ-Медиа, 2010.
27. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений: в 4-х т. Т. 2. Прага: Тип. д-ра Ф. Скрейшовского, 1867.
28. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Университетская типография, 1886–1906.
29. Цимбаев Н.И. Записка К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» и ее место в идеологии славянофильства // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. История. 1972. № 2. С. 47–60.
30. Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во МГУ, 1978.
31. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 1991.
32. Шмитт К. Политическая теология: сборник. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
33. Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915.
34. «Я любил Вас любовью брата...»: переписка Ю.Ф. Самарина и баронессы Э.Ф. Раден (1861–1876). СПб.: Владимир Даль, 2015.

REFERENCES

1. Aksakov I.S v ego pis'makh. Ch. 1. T. 3. Pisma 1851–1860 gg. [I.S. Aksakov in his letters.

- Part 1. Vol. 3. Letters of 1851–1860]. Moskva: Tipografiya M.G. Volchaninova, 1892. (in Russ.)
2. Aksakov, I.S., 1886. Kak Rossii gotovit'sya k voine [How should Russia get ready for the war?]. In: Sochineniya I.S. Aksakova 1860–1866. T. 2. Moskva: Tipografiya M.G. Volchaninova, 1886, pp. 135–147. (in Russ.)
 3. Aksakov, I.S., 1994. Pis'ma k rodnym. 1849–1856 [Letters to relatives. 1849–1856]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
 4. Aksakov, I.S., 2015. Sobranie sochinenii: v 12-ti t. T. 1. Slavyanskii vopros [Collection of works: in 12 volumes. Vol. 1. The slavonic question]. Sankt-Peterburg: Rostok. (in Russ.)
 5. Aksakov, I.S., 1886. Sbornik stikhotvorenii s portretom avtora [Collection of poems with author's portrait]. Moskva: Tipografiya T.I. Gagen. (in Russ.)
 6. Aksakov, K.S., 1995. Estetika i literaturnaya kritika [Aesthetics and literary criticism]. Moskva: Iskusstvo. (in Russ.)
 7. Berdyayev, N.A., 2007. Konstantin Leontiev: ocherk istorii russkoi religioznoi mysli. Aleksei Stepanovich Khomyakov [Konstantin Leontiev: essay from the history of Russian religious thought. Aleksey Stepanovich Khomyakov]. Moskva: AST; Khranitel'. (in Russ.)
 8. Brodskii, A.I., 2019. Neizvestnyi soldat: filosofskaya apologiya voiny i ee istoki [The unknown soldier: philosophical apology of war and its origins], Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya, Vol. 35, no. 4, pp. 551–562. (in Russ.)
 9. Gacheva, A.G., Poslednii slavyanofil [The last slavophil]. URL: <https://portal-kultura.ru/svoy/articles/filosof-o-filosofe/136771-posledniy-slavyanofil> (in Russ.)
 10. Hegel, G.V.F., 1977. Entsiklopediya filosofskikh nauk. Filosofiya dukha [Encyclopedia of the philosophical sciences. Vol. 3. Philosophy of spirit]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
 11. Herzen, A.I., 1969. Byloe i dumy. Ch. 1–5 [My past and thoughts. Parts 1–5]. Moskva: Khudozhestvenaya literatura. (in Russ.)
 12. Kersnovskii, A.A., 2010. Filosofiya voiny [The philosophy of war]. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii. (in Russ.)
 13. I.V. Kireevskii – I.S. Aksakovu. 8 aprelya 1855 g. [I.V. Kireyevsky to I.S. Aksakov. April 8, 1855]. In: Kireevskii, I.V., 1984. Izbrannye stat'i. Moskva: Sovremennik, p. 327. (in Russ.)
 14. Ksenofontov, V.N., 2007. Filosofskoonravstvennye idei A.S. Khomyakova o voine i mire: sodержanie i preemstvenost' [A.S. Khomyakov's philosophical and moral ideas on war and peace: essence and roots]. In: In: Khomyakov – myslitel', poet i publitsist: sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Moskva, 14–17 aprelya 2004 g.). T. 1. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur, 2007, pp. 675–683. (in Russ.)
 15. Kuz'micheva, L.V., 2007. Khomyakov i serbskii vopros [Khomyakov and the Serbian question]. In: Khomyakov – myslitel', poet i publitsist: sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Moskva, 14–17 aprelya 2004 g.). T. 1. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur, 2007, pp. 89–105. (in Russ.)
 16. Kurilov, A.S., 1981. Konstantin i Ivan Aksakovy [Konstantin Aksakov and Ivan Aksakov]. In: Aksakov K.S. and Aksakov I.S., 1981. Literaturnaya kritika. Moskva: Sovremennik, pp. 3–29. (in Russ.)
 17. Nolde, B., 2003. Yurii Samarin i ego vremya [Yury Samarin and his time]. Moskva: Algoritm. (in Russ.)
 18. Noskov, V.V., 2002. Krymskaya voina i razvitie slavyanofil'skoi filosofii istorii [The Crimean war and the development of slavophilic philosophy of history], Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena, no. 2, pp. 103–119. (in Russ.)
 19. Pis'ma I.S. Aksakova k A.D. Bludovoi [Letters of I.S. Aksakov to A.D. Bludova]. In: Rossiiskii arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. T. XI. Moskva: Studiya TRITE, 2001. (in Russ.)
 20. Plato. 1879. Sochineniya Platona, perevedennye s grecheskogo i ob'yasnennye professorom Karpovym. Ch. 6 [Plato's works, translated from greek and explained by professor Karpov. Part 6]. Moskva: Sinodal'naya tipografiya. (in Russ.)
 21. Poddubnaya, R.P., 2008. Samariny [The Samarins]. Samara: Ofort. (in Russ.)
 22. Russkoe obshchestvo 40–50-kh godov XIX v. Ch. 2. Vospominaniya B.N. Chicherina [Russian society of the 1840s and 1850s. Part 2. Memories of B.N. Chicherin]. Moskva: Izdatel'stvo MGU, 1991. (in Russ.)
 23. Skorokhodova, S.I., 2012. Vospitanie Yu.F. Samarina kak istok mirovozzreniya [Yu.F. Samarin's education as a source of his philosophy], Nauka i shkola, no. 2, pp. 168–172. (in Russ.)
 24. Platonov, O.A. ed., 2009. Slavyanofily. Istoricheskaya entsiklopediya [Slavophiles: an

historical encyclopedia]. Moskva: Institut russkoi tsivilizatsii. (in Russ.)

25. Solovyov, V.S., 2012. Opravdanie dobra [The justification of the good]. Moskva: Institut russkoi tsivilizatsii. (in Russ.)

26. Khomyakov, A.S., 2010. Stikhotvoreniya [Poems]. Moskva: Direkt-Media. (in Russ.)

27. Khomyakov, A.S. 1867. Polnoe sobranie sochinenii: v 4-kh t. T. 2 [Complete collection of works: in 4 volumes. Vol. 2]. Prague: Tipografiya doktora Skreishovskogo. (in Russ.)

28. Khomyakov, A.S., 1886–1906. Polnoe sobranie sochinenii: v 8-mi t. [Complete collection of works: in 8 volumes]. Moskva: Universitetskaya tipografiya. (in Russ.)

29. Tsimbaev, N.I., 1972. Zapiska K.S. Aksakova «O vnutrennem sostoyanii Rossii» i eyo mesto v ideologii slavyanofilstva [K.S. Aksakov's note «On internal situation in Russia» and its place in the ideology of Slavophilism], Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9. Istoriya, no. 2, pp. 47–60. (in Russ.)

30. Tsimbaev, N.I., 1978. I.S. Aksakov v obshchestvennoi zhizni poreformennoi Rossii

[I.S. Aksakov in social life of Russia after the reforms of Alexander II]. Moskva: Izdatel'stvo MGU. (in Russ.)

31. Chaadaev, P.Ya., 1991. Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma: v 2-kh t. T. 1 [Complete collection of works and selected letters: in 2 volumes. Vol. 1]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

32. Shmitt, K., 2000. Politicheskaya teologiya [Political theology]. Moskva: Kanon-Press-Ts. (in Russ.)

33. Ern, V.F., 1915. Vremya slavianofil'stvet. Voyna, Germaniya, Evropa i Rossiya [The time becomes slavophile. War, Germany, Europe and Russia]. Moskva: Tip. t-va I.D. Sytina. (in Russ.)

34. «Ya lyubil Vas lyubov'yu brata...»: perepiska Yu.F. Samarina i baronessy E.F. Raden (1861–1876) [«I loved you like a brother...»: correspondence of Yu.F. Samarin and baroness E.F. Raden (1861–1876)]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', 2015. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 30.07.2024;
рекомендована к печати 21.08.2024*

А.В. Переплеткин*

СУБЪЕКТ В «СИСТЕМЕ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО ИДЕАЛИЗМА»

Ф.В.Й. ШЕЛЛИНГА

В статье рассматриваются особенности подхода раннего Ф.В.Й. Шеллинга к пониманию субъекта на основе его работы «Система трансцендентального идеализма». Автор акцентирует внимание на конститутивной роли кантовского трансцендентального идеала в формировании шеллинговской концепции, а также на его связи с идеальной и реальной деятельностями. Далее рассматривается, каким образом кантовское же трансцендентальное единство апперцепции соотносится Ф.В.Й. Шеллингом с этими двумя деятельностями, тем самым обнаруживается тесная связь субъективности с бессознательностью.

Ключевые слова: Ф.В.Й. Шеллинг, И. Кант, Р. Декарт, субъект, трансцендентальный идеал, бессознательность

Subject in F.W.J. Schelling's «System of transcendental idealism». ALEXANDR V. PEREPLETKIN (HSE University, Moscow, Russia)

The article examines the features of the early F.W.J. Schelling's approach to understanding subject basing on his work «System of transcendental idealism». The author focuses on the constitutive role of I. Kant's transcendental ideal in the making of Schelling's concept, as well as its connection with ideal and real activities. Further, he examines how Schelling correlates Kant's transcendental unity of apperception with these two activities, thereby revealing a close connection between subjectivity and unconsciousness.

Keywords: F.W.J. Schelling, I. Kant, R. Descartes, subject, transcendental ideal, unconsciousness

Введение

Название данной статьи вместо слова «субъект» могло бы иметь «cogito» в своем начале, но было решено остановиться на таком варианте по причине того, что все смыслы слова «субъект» у Ф.В.Й. Шеллинга, одного из представителей немецкого идеализма, коррелируют друг с другом. Дело в том, что этого философа волновала, помимо проблемы соотношения субъекта и объекта познания, еще и проблема предикации в ее возможности (условия возмож-

ности смысла [10, с. 94–128]). Одно не изложить без другого, поэтому придется начать не с cogito, а с кантовского трансцендентального идеала как той инстанции, на основании которой возможно полное определение предикатами всякой единичной вещи. Именно через него, как мы увидим, задается специфика онтологизации трансцендентального единства апперцепции, имеющего огромную роль в кантовской философии. Субъект же в смысле cogito, cogito me cogitare, получает наибольшую эксплика-

* ПЕРЕПЛЕТКИН Александр Владимирович, магистрант Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, avperepletkin@edu.hse.ru

© Переплеткин А.В., 2024

цию в раннем творчестве Шеллинга, а именно в его трансцендентальном идеализме (в противоположность натурфилософии). Тексты этого периода – «О возможности формы философии вообще» (1794), «О Я как принципе философии» (1795), «Философские письма о догматизме и критицизме» (1795), «Исследования в пояснение идеализма наукоучения» (1796/1797), «Система трансцендентального идеализма» (1800) – представляют своего рода динамику осмысления наукоучения Фихте. Если первая его небольшая работа на первый взгляд кажется всего лишь разъяснительной в отношении понятия наукоучения¹, то «Система трансцендентального идеализма» (далее – «СТИ») имеет в себе краткие, но явные указания на абсолютное тождество как на основу не только трансцендентального идеализма, но и натурфилософии, и представляет собой «вступление на порог философии тождества» [26, р. 21]. Именно «СТИ» представляет собой наиболее подробно проработанную теорию *cogito*, которой мы и уделим здесь наибольшее внимание. При этом мы оставим в стороне внутренний динамизм остальных его работ, равно как и сдвиг, снятие их в философии тождества. Его «СТИ», как станет ясно из дальнейшего изложения, можно понимать как трансцендентальный идеал(изм), т.к. в основе его лежит переосмысление кантовского трансцендентального идеала.

Божественные истоки

Глава об идеале чистого разума более известна тем, что Кант в ней предложил собственную критику трех различных типов доказательств бытия Бога (которые, в целом, принимаются Шеллингом [9, с. 45]), нежели самим учением о трансцендентальном идеале, которое мы находим в ее начале. Однако экспликация трансцендентального идеала не менее значима для Шеллинга.

Вкратце трансцендентальный идеал можно понимать следующим образом:

А) *omnitudo realitatis*, всеполнота реальности как материя для любого предикативного определения;

В) бесосновное основание всего этого определения;

С) третья трансцендентальная идея разума, имеющая на самом деле лишь регулятивное применение и не дающая, согласно Канту, познания трансцендентного Бога.

¹ На самом деле это не так (см.: [12, с. 250–278]).

У самого Канта А выступает раньше В, т.к. к В разум восходит, поднимается к нему в себе самом. У Шеллинга, отвергающего ограничивающий аспект момента С, это соотношение меняется. Тот факт, что Шеллинг начинает в этом отношении не с обусловленного, служит доказательством того, что он пытается развернуть систематически то, что у Канта было изложено лишь критически.

Стоит отметить, что различие критического и систематического типов изложения проводилось уже самим Кантом: «В систематическом изложении этих идей приведенный порядок их – как *синтетический* – был бы самым удобным; но в исследовании, которое необходимо должно предшествовать изложению, *аналитический* порядок, обратный предыдущему, более соответствует цели, так как в таком случае мы осуществляем свой великий план, переходя от того, что непосредственно дается нам в опыте, а именно от *психологии*, к *космологии* и от нее к *познанию Бога*» [6, с. 507]. Шеллинг поэтому, можно сказать, осуществляет то, что не было сделано самим Кантом, ведь он действительно объясняет все остальное через трансцендентальный идеал. В его моментах поэтому определение безусловности (В) также встает на первое место, Канту же нужно, двигаясь от обусловленного к его условию, сначала обращать свое внимание на момент А, чтобы от него перейти к В.

Шеллинг, помимо этого, расширяет вышеприведенное замечание Канта, поэтому его «СТИ» представляет собой пересборку 3 критик в полноценную систему, имеющую свое начало и конец.

Первый аспект А проясняется Шеллингом по аналогии с пространством и временем – той же аналогии, которую вскользь использовал сам Кант [6, с. 749]. Только посредством ограничения в пространстве получается определенная фигура в ее очертаниях, но это ограничение не делает пространство как таковое делимым на самостоятельные части. Целое здесь первичнее частей, оно делает их возможными. Пространство положительно, а фигуры образуются через ограничение, которое имеет характер отрицательности. Все конечное же также является таковым только через ограничение трансцендентального идеала как бесконечного. Трансцендентальный идеал как *Inbegriff aller Realität* имеет одну особенность: быть не простой суммой всех реальностей (и... и... и...), а

их воплощением, интенсивным единством. Рассмотренный с этой своей стороны, он является основанием всего конечного, безусловным.

Однако у Канта все слишком статично, Шеллинг же, как и Фихте, использует генетический метод. Я, которое по названию у Шеллинга совпадает с фихтеанским, рассмотренное как интеллектуальное созерцание, тесно сопряжено также и с трансцендентальным идеалом. Интеллектуальное созерцание не есть только особый метод постижения, но он, можно сказать, и есть сам динамизированный трансцендентальный идеал. Само это определение имеет свое основание в философии Канта. Вспомним хотя бы кантовское представление о созерцающем Боге из трансцендентальной эстетики, об *intuitus originarius* в противоположность *intuitus derivativus* [6, с. 135], впрочем, являющееся у самого Канта лишь одним из понимаемых интеллектуального созерцания, которых кантоведы выделяют вплоть до 5 [22, р. 168]. Самопотенцирование, возведение себя в высшую степень, как все вновь осуществляющаяся тенденция к самосозерцанию Я (Шеллинг здесь использует термин Фихте), предстает тем способом, которым «СТИ» и ее главный предмет разворачиваются в многосложности своих определений. Этот путь порождения содержания впервые формируется в работе Шеллинга «Исследования в пояснение идеализма наукоучения» [11, с. 380]. В «СТИ» же имеется его подробная реализация, причем в куда более масштабном варианте, чем у Фихте в соответствующей работе об этом [14].

Как же у Шеллинга связываются интеллектуальное созерцание и трансцендентальный идеал? Путем переосмысления кантовских трансцендентального утверждения и трансцендентального отрицания. Первое у Канта было высшим утверждением, у которого уже не было отрицания, а второе – отрицанием, устраняющим представление о всякой вещи [6, с. 743–745], то есть «не-S» в противовес «S не есть P». В «Критике чистого разума», стоит отметить, трансцендентальное отрицание не было моментом трансцендентального идеала, т.к. отрицало вообще субъект определения целиком.

Само же отрицание трактуется Шеллингом в духе Спинозы, которого он, как и Делез, хорошо знал: *determinatio est negatio*, определение есть отрицание [13, с. 482] (это уже не по-дезиански [3, с. 74]). Определение же, как можно себе представить, требует чего-то изначально

неопределенного. Если нечто не определено, то ему ничто не противоположно. Не кантовское ли это трансцендентальное утверждение, *Inbegriff aller Realität?* Шеллинг это осознает, и именно поэтому одна из изначальных и основополагающих противоположных деятельностей в интеллектуальном созерцании Я в «СТИ» (их динамическое соотношение и есть порождение содержания в этой работе) – реальная. Реальная же деятельность как раз в начале совершенно неопределенна. Тогда идеальная деятельность – это трансцендентальное отрицание. Однако кантовского его определения как того, через что мыслится лишь отсутствие всякой вещи, совершенно недостаточно: «Отрицание позитивного невозможно посредством простого отсутствия (0), но лишь посредством реального противоположения (-1) (например, $1+0=1$, $1-1=0$)» [17, с. 268; 27, р. 72]. Такая отрицательность и есть идеальная деятельность. В интеллектуальном созерцании она проявляется как тенденция созерцать себя в направленной в бесконечность реальной деятельности. Эта тенденция проявляет себя в диалектике предела и беспредельного (идеального и реального), в которой «благодаря ограничению материя определения преобразуется в архитектурно организованную систему всех возможных предикатов, т.е. в идеал всесторонне определенной конкретной предметности» [11, с. 398]. Именно из-за того, что интеллектуальное созерцание Я есть лишь тенденция к действительному самосозерцанию, в котором бы созерцающий и созерцаемое полностью совпадали, в результате этих неудачных попыток может определяться все конечное содержание, а *omnitudo realitatis* – архитектурно эксплицироваться. Определенные таким образом реальная и идеальная деятельности служат для экспликации всего основного содержания трех кантовских критик, его пересборки. Она в ее осуществленности называется Шеллингом абсолютным синтезом. Однако этот финальный синтез, как и любой частный синтез, в отличие от кантовской синтетической позиции уже должен предполагать изначальное единство, абсолютное тождество [19, с. 31]. Слово «синтез» здесь не случайно, ведь речь может идти и о синтезе в синтетическом суждении, субъекта с предикатом. Недаром в «СТИ» Шеллинг дает приоритет «Я существую» (*Ich bin*) перед «Я мыслю»: «Если же освободиться от всякой способности представления, чтобы осознать себя *изначально*, то

возникнет не положение *я мыслю*, а положение: *я существую*, которое, без сомнения, является положением более высоким. В положении “*я мыслю*” уже заключено известное определение, или аффекция, *Я*; в отличие от этого положение *я существую* бесконечно, ибо в нем нет *действительного* предиката и именно поэтому заключена *возможность* бесконечных предикатов» [17, с. 256; 27, р. 57].

«*Я существую*» представляет собой еще не определенное, возможность всякого определения вообще, первый субъект в логико-грамматическом смысле, который, как единство трансцендентального идеала и интеллектуального созерцания, есть в то же время фундамент предикации как таковой, условие смысла. Такой подход отчасти сделал возможным эксплицитный разрыв с Фихте, который последовал уже после публикации «СТИ», а также предвосхитил учение позднего Шеллинга о субъекте, предшествующем всякому предикату.

В принципе, уже то, что Шеллинг мог противопоставить трансцендентальному идеализму натурфилософию, было тем действием, которое было недопустимо для Фихте [21, р. 140]. Скорее, *Я* в «*Я есть*» не являлось для Шеллинга существенным. *Cogito* как таковое вторично для него даже в отношении определения свободы, с которой сам этот акт совершается. «*Есть*» здесь действительно ближе к трансцендентальному идеалу как Богу. Шеллинг «онтологичнее» своих ближайших предшественников, Канта и Фихте [5, с. 25]. Если бы речь была в «*есть*» тесно связана со мной самим как особенным, то тут мы бы подошли близко к проекту раннего Хайдеггера, к его «*Бытию и времени*».

Бессознательное в *cogito*

Мы изложили соотношение *Я*, интеллектуального созерцания и трансцендентального идеала, но каково здесь значение *cogito*, трансцендентального единства апперцепции? Три вышеназванные инстанции находятся примерно в одном и том же отношении: трансцендентальный идеал как *omnitudo realitatis* есть *Я*, которое, рассмотренное динамически, есть также и интеллектуальное созерцание. Однако трансцендентальное единство апперцепции здесь выступает скорее как момент и сопрягается с идеальной, или субъективной, деятельностью, но не совпадает с ней, как мы в дальнейшем увидим. Бог же как абсолютное тождество, стоит отметить, не есть сумма двух деятельностей, но

тотальное безразличие их [18, с. 35], ребро монеты [8, с. 33]. Абсолют выше противоположностей и есть подлинная предпосылка системы.

Поздний Шеллинг сравнивает *Я* Фихте с трансцендентальным единством апперцепции, которое было возведено в статус абсолютного принципа [16, с. 464–466]. Свою же собственную роль он определял как снятие значения *Я* лишь как человеческого, моделируемого на основе последнего. Это в большей степени уже божественное, а не человеческое *Я*, чем у Фихте, т.к. оно является инобытием самого абсолютного тождества как подлинно безусловного, экспликацией его как всеполноты. Шеллингом вводится т.н. «трансцендентальная история», возникающая в трех вневременных эпохах «СТИ». Она завершается тогда, когда начинается практическая часть данной работы, теоретическая же часть есть сфера необходимого, т.е. бессознательного определения всего природного (природа получает определение организации, т.е. становится более «живой», чем у Фихте). Только в практической части, можно сказать, философ вроде Декарта получает возможность определить себя к своим разысканиям. В теоретической части дела обстоят иначе. Это территория необходимости в Спинозистском смысле.

Апперцепция в качестве представления у Канта была бессодержательна, не содержала никакого многообразия [6, с. 207], однако у Шеллинга сама сфера стремления к самосознанию имеет характер двойственности субъективной и объективной деятельностей. Можно сказать, что для Шеллинга «*Я мыслю*» имеет определенность, содержание именно в силу того, что оно есть не только оно само, но и есть для чего-то иного, то есть имеет место отношение, опосредование, которое и является определением своих членов. Это иное есть вообще реальное, объективность, к которой необходимо имеется отношение. Тогда трансцендентальное единство апперцепции в контексте «СТИ» следует понимать как субъективную, или идеальную, деятельность, однако лишь постольку, поскольку она есть вообще деятельность, имеющая некое объективное, или реальное, перед собой, она есть «*Я мыслю*», чистая апперцепция. Это определение указывает на нераздельность кантовских субъективного и объективного единств апперцепции [6, с. 211].

Идеальная деятельность у Шеллинга определяется как то, что ограничивает, определяет реальную. Для Канта трансцендентальное един-

ство апперцепции есть всегда определяющее, но никогда не определяемое (например, как субстанция). Иначе говоря, оно не есть у него предстоящий нам предмет, но – вообще условие такого предстояния. Шеллинг это отчасти принимает, но его все же интересует возможность как-то уловить трансцендентальное единство апперцепции. Точнее говоря, именно то, почему оно постоянно ускользает и не определяется. «Видеть – значит терять» (Глаз со своим видением не может на себя обратиться). Таков, пожалуй, девиз «СТИ», вплоть до эстетического созерцания, где это теряние наконец-то прекращается, где обе деятельности вновь объединяются, в отличие от модели Фихте, где качественное различие между Я и не-Я никогда не может быть снято, где возможны лишь количественные вариации [7, с. 57]. Но что терять? Кто теряет? Абсолютное Я как бы теряет (но лишь для себя самого) момент своей собственной активности. Оно создает свое собственное ощущение, определяя изначально неограниченное реальное (созерцать = определять). Рецептивность теперь имеет скрытый спонтанный исток. Реальное является обнаружением себя в ощущении (*Emp-findung*), есть бытие-страдательным (*Leidend-sein*) [24, с. 59]. Точнее говоря, оно и есть это созерцание в аспекте созерцаемого, а не созерцающего. Понятие созерцания здесь является ключевым. Оно отсылает нас, как уже было отмечено, к созерцающему-производящему Богу из трансцендентальной эстетики Канта и его интеллектуальному созерцанию, производящему свое созерцаемое. Новым в сравнении с Кантом здесь является объяснение того, что это продуцирование реальных определенностей должно быть на деле бессознательным. В отношении философии Декарта имеется отсылка к связи *cogito* и *percipere*. Причем картезианское *cogito* как *cogito me cogitare*, самосознание, дестабилизируется. Оно не есть простое, всегда уже свершившееся обращение на себя, но процесс, и актуальное совпадение реальной и идеальной деятельностей достижимо впервые лишь в эстетическом созерцании, которое мы встречаем в конце «СТИ». Это своего рода эстетическое *cogito*, хотя еще Шеллинг признает и философское *cogito* в виде интеллектуального созерцания философа, который свободно проходит весь содержательный ряд «СТИ», т.е. то, что Я совершало, необходимым образом, в духе Спинозистской свободы, повторяется, но теперь свободным образом как то, что философ сам

выбирает. Стоит отметить, что между эстетическим и философским созерцаниями имелось определенное напряжение, которое получило свое разрешение в «Философии искусства»: философия теперь все же выше искусства в его относительной непосредственности, в то время как в «СТИ» само искусство было наивысшим [20, с. 51].

До эстетического преодоления двойственности в самом Я есть только становление-самосознанием. *Cogito me cogitare* – цель этого становления. Я пытается осознать свою идеальную деятельность, пытается ухватить себя, но сам акт схватывания, куда теперь перешла идеальная деятельность, не схватывается. Можно даже сказать, что перед нами Я как становление-субъекта-объектом. Такова суть трансцендентального идеализма как одной из частей философии. В натурфилософии мы имеем обратное движение, природу как становление-объекта-субъектом.

Шеллинг позже отмечал, что *cogito* на самом деле можно поставить под сомнение, т.к. оно есть первое лишь для меня, да и к тому же здесь имеется скрытая предпосылка: то, что мыслит во мне, и то, что подвергает рефлексии (определяет) это мышление, совпадают. Точнее говоря, у Шеллинга второе лишь опосредованно смыкает себя с первым, и только тогда произносится: *cogito* [16, с. 395].

У Канта трансцендентальное единство апперцепции всегда стабильно позади сознаваемого. Для Шеллинга же субъективная деятельность есть для себя самой ускользание, продуктивное ускользание. Недаром Шеллинг в натурфилософии отдает предпочтение продуктивности перед продуктом. Именно субъективная деятельность, или трансцендентальное единство апперцепции, есть источник дальнейшего движения в этой системе. Попытка увидеть неуловимое. Это осознание того, каким образом неопределяемая чистая апперцепция все-таки пытается стать для себя апперцепцированной. Объективное и субъективное задаются в связи с этим динамически: «объективное есть лишь ставшее объектом субъективное» [17, с. 432; 27, р. 264]. Итак, можно сказать, что «Я мыслю» (или «Я созерцаю») всегда есть «как бы неразложимый остаток интеллектуального созерцания (которое есть само Я), не вмещающегося ни в какую конечную форму» [11, с. 385].

Трансцендентальное единство апперцепции становится моментом, субъективной деятель-

ностью интеллектуального созерцания, которое едино с генетизированным трансцендентальным идеалом. Это приводит к тому, что удается объяснить сами определения, эксплицирующие трансцендентальный идеал в его бытии как *Inbegriff aller Realität*, однако ценой того, что само трансцендентальное единство апперцепции как субъективная деятельность как бы подчиняется трансцендентальному идеалу, служит для экспликации его реальности не как абстрактной, а как определенной. Можно сказать, что если трансцендентальный идеал понимать как совокупность всех возможных предикатов, то средством их дифференциации будет служить именно определяющая субъективная деятельность \approx трансцендентальному единству апперцепции. Таким образом, сам идеал выступает как целое, а субъективная деятельность – как момент этого целого. Необходимый, но все же подчиненный момент. Кантовское трансцендентальное утверждение, равное у Шеллинга объективной деятельности, дополняется трансцендентальным отрицанием \approx субъективной деятельности, ставшим трансцендентальным единством апперцепции. В отличие от Канта, апперцепция уже не только сопровождает, но и конституирует, определяет, творит в движении к самой себе, к тому, чтобы субъективная и объективная деятельности совпали.

Дизъюнкции кантовского трансцендентального идеала в отношении к такому становлению-самосознанием – внешние рефлексии, не касающиеся сути дела. Бог Канта как идеал – лишь неподвижный хозяин дизъюнкций [4, с. 124]. Тут же, предвосхищая гегелевский ход, Шеллинг заставляет Бога пуститься в их активное продуцирование. Развивая параллели с Гегелем, можно сказать, что трансцендентальный идеализм Шеллинга как косвенный способ тематизации абсолютного тождества представляет собой его инобытие, которое должно быть через фигуру повторения (тождество есть начало и конец всего движения) восстановлением его непосредственности путем снятия опосредования в эстетическом созерцании. Действительно, абсолютное тождество есть условие ряда попыток самосозерцания Я. Оно есть начало и конец этого процесса, а сами эти попытки как неудачные являются по своей сути выражением отчуждения этого тождества от себя самого. Не стоит понимать это так, что тождество это полностью гибнет, а потом возрождается в конце, т.к. если бы оно вообще перестало быть, то по-

стоянное взаимное опосредование идеального и реального не было бы возможно. В себе оно всегда есть абсолютное тождество, но в начале оно таково совершенно бессознательно, и его цель состоит в том, чтобы при этом также быть таковым и для себя. Достижение этого в эстетическом созерцании и является завершением всей «СТИ».

Заключение

Итак, субъект, или *cogito*, в «СТИ»:

А) как *cogito me cogitare* есть изначально цель процесса, а не нечто, данное сразу;

Б) тесно связано с *percipere* как созерцанием, что в логике трансцендентального идеала означает его определение. *Percipere* всего иного, кроме себя самого, есть путь к *cogito me cogitare*. Это *percipere* является также продуктивным, порождающим многообразное содержание на пути к *cogito me cogitare* как цели;

В) *Cogito*, понимаемое как трансцендентальное единство апперцепции, есть созерцание как акт (субъективная / идеальная деятельность), а не то, что в нем созерцается (объективная / реальная деятельность). В отличие от Канта, этот акт может объективироваться, определиться, но только таким образом, что неопределимость в нем как бы перебегает в сам объективирующий акт. «Перебежки» кончаются в эстетическом созерцании, подлинном *cogito me cogitare*. Таковым является и интеллектуальное созерцание философа, но в самой системе оно никогда, к сожалению, не достигается [25, р. 52]. Я не доходит с необходимостью до этой философской точки зрения, поэтому уже Гегель в «Феноменологии духа» ставит себе задачей довести сознание чувственной достоверности до абсолютного знания, подлинно философской позиции, которая у Шеллинга является, согласно Гегелю, лишь выстрелом из пистолета [1, с. 20].

Cogito было для Шеллинга вторичным в отношении к *ego sum*, а в нем *ego* было в лучшем случае божественным *ego*. На первый план для Шеллинга выходит именно субъект как то, что ускользает от самого себя. Трансцендентальный идеал более важен для Шеллинга, чем трансцендентальное единство апперцепции, которое в своих попытках объективировать себя, совпасть с собой, на деле лишь было средством трансцендентального идеала эксплицировать себя. В философии тождества динамика субъективной деятельности \approx трансцендентальному единству апперцепции уже заменяется иным

учением, связанным с представлением о количественном (но не качественном) различии идеального и реального. Я, конечно, появляется, например, в диалоге «Бруно», но уже таким образом, что является чем-то вторичным и не столь значительным [15, с. 581–582]. Затем, наконец, в трактате о свободе («Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах») учением о темной основе в Боге окончательно перекрывается возможность начинания с *ogito*.

В заключение стоит отметить, что отход Шеллинга от Фихте, помимо указанных выше оснований, также легко связать с постоянными размышлениями его о трансцендентальном идеале как Боге. Если трансцендентальное единство апперцепции надлежит осмыслять как постоянную, принципиально незавершаемую деятельность, то трансцендентальный идеал, наоборот, скорее этому противоположен. Сам Кант сравнивал последний с пространством, по отношению к которому всякие единичности лишь берут материю своего определения, не разделяя сам идеал на части. Если мы рисуем фигуру в пространстве и заставим ее передвигаться или, например, получим линию путем движения точки, то само пространство останется недвижимым. Абсолютное тождество, заключает Шеллинг, в себе не может быть деятельностью. Это – один из основных его аргументов против позиции Фихте [23, р. 60]. Пространство \approx трансцендентальный идеал \approx абсолютное тождество можно сравнить с планом имманентности у Ж. Делеза, который, являясь фиксированным, неподвижным планом как таковым, вовсе не есть план неподвижности, который бы отрицал в себе любые становления [2, с. 48]. Этот момент Гегель, пожалуй, затушевал в своей критике как Шеллинга, так и Спинозы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000.
2. Делез Ж. Лекции о Спинозе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021.
3. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2008.
5. Золотухин В.В. Субъект без предиката, или теология бессознательного у Фихте и Шел-

линга // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2015. № 4. С. 22–37.

6. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках: в 4-х т. Т. 2. Критика чистого разума: в 2-х ч. Ч. 1. М.: Наука, 2006.

7. Лазарев В.В. Философия раннего и позднего Шеллинга. М.: Наука, 1990.

8. Линьков Е.С. Диалектика субъекта и объекта в философии Шеллинга. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973.

9. Паткуль А.Б. Критика онтологического аргумента и интерпретация кантовского учения об идеале разума у Ф.В.Й. Шеллинга // Кантовский сборник. 2021. Т. 40. № 3. С. 28–62.

10. Резвых П.В. Абсолютное утверждение и условия смысла: логико-онтологические парадоксы «философии тождества» Ф.В.Й. Шеллинга // Культура и форма: к 60-летию А.Л. Доброхотова. М.: Издательский дом ВШЭ, 2010. С. 94–128.

11. Резвых П.В. Генетизация трансцендентального идеала в «Системе трансцендентального идеализма» Ф.В.Й. Шеллинга // Сущность и слово: сборник научных статей к юбилею профессора Н.В. Мотрошиловой. М.: Феноменология – Герменевтика, 2009. С. 377–401.

12. Резвых П.В. Ранний Шеллинг и Кант: поиски безусловного // Историко-философский ежегодник. 2004. М.: Наука, 2005. С. 250–278.

13. Спиноза Б. Сочинения: в 2-х т. Т. 2. СПб.: Наука, 1999.

14. Фихте И.Г. Очерк особенностей наукоучения по отношению к теоретической способности // Фихте И.Г. Сочинения: в 2-х т. Т. 1. СПб.: Мифрил, 1993. С. 339–433.

15. Шеллинг Ф.В.Й. Бруно // Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения: в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. С. 490–588.

16. Шеллинг Ф.В.Й. К истории новой философии // Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения: в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1989. С. 387–553.

17. Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма // Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения: в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. С. 227–489.

18. Шеллинг Ф.В.Й. Изложение моей системы философии. СПб.: Наука, 2014.

19. Шеллинг Ф.В.Й. Ранние философские сочинения. СПб.: Алетейя, 2000.

20. Шеллинг Ф.В.Й. Философия искусства. М.: Мысль, 1966.

21. Baumgartner, H.M., 1993. Der spekulative Ansatz in Schellings System des transzendentalen Idealismus. In: Jaeschke, W. ed., 1993. Transzen-

dentalphilosophie und Spekulation. Der Streit um die Gestalt einer Ersten Philosophie (1799–1807). Hamburg: Meiner, pp. 127–143.

22. Estes, Y., 2010. Intellectual intuition: re-considering continuity in Kant, Fichte, and Schelling. In: Breazeale, D. and Rockmore, T., 2010. Fichte, German idealism, and early Romanticism. Amsterdam: Rodopi, pp. 165–178.

23. Vater, M.G. and Wood, D.W. eds., 2012. The philosophical rupture between Fichte and Schelling: selected texts and correspondence (1800–1802). Albany: State University of New York Press.

24. Jähnig, D., 1966. Schelling. Die Kunst in der Philosophie. Band 1. Schellings Begründung von Natur und Geschichte. Pfullingen: Neske.

25. Marx, W., 1984. The philosophy of F.W.J. Schelling: history, system, and freedom. Bloomington: Indiana University Press.

26. Munk, F., 1910. Einheit und Duplizität im Aufbau von Schellings System des transzendentalen Idealismus: Dissertation. Gießen.

27. Schelling, F.W.J., 2005. Historisch-kritische Ausgabe. Reihe I: Werke. Bd. 9, 1: System des Transzendentalen Idealismus. Stuttgart: Frommann-Holzboog.

REFERENCES

1. Hegel, G.W.F., 2000. Fenomenologiya dukha [Phenomenology of spirit]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

2. Deleuze, G., 2021. Lektsii o Spinoze [Lectures on Spinoza]. Moskva: Ad Marginem Press. (in Russ.)

3. Deleuze, G., 1998. Razlichie i povtorenie [Difference and repetition]. Sankt-Peterburg: Petropolis. (in Russ.)

4. Deleuze, G. and Guattari, F., 2008. Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya [Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Faktoriya. (in Russ.)

5. Zolotukhin, V.V., 2015. Sub'ekt bez predikata, ili teologiya besoznatel'nogo u Fikhte i Shellinga [Subject without a predicate, or the theology of the unconscious in Fichte and Schelling], Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya, no. 4, pp. 22–37. (in Russ.)

6. Kant, I., 2006. Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh: v 4-kh t. T. 2. Kritika chistogo razuma: v 2-kh ch. Ch. 1 [Works in German and Russian: in 4 volumes. Vol. 2. Critique of pure reason: in 2 parts. Part 1]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

7. Lazarev, V.V., 1990. Filosofiya rannego i pozdnego Shellinga [The philosophy of early and late Schelling]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

8. Lin'kov, E.S., 1973. Dialektika sub'ekta i ob'ekta v filosofii Shellinga [Dialectics of subject and object in Schelling's philosophy]. Leningrad: Izd-vo LGU. (in Russ.)

9. Patkul', A.B., 2021. Kritika ontologicheskogo argumenta i interpretatsiya kantovskogo ucheniya ob ideale razuma u F.W.J. Shellinga [F.W.J. Schelling's criticism of the ontological argument and interpretation of Kant's doctrine of the ideal of reason], Kantovskii sbornik, Vol. 40, no. 3, pp. 28–62. (in Russ.)

10. Rezykh, P.V., 2010. Absolyutnoe utverzhdenie i usloviya smysla: logiko-ontologicheskie paradoksy «filosofii tozhdestva» F.V.I. Shellinga [Absolute affirmation and conditions of meaning: logical-ontological paradoxes of F.W.J. Schelling's «Identity philosophy»]. In: Kul'tura i forma: k 60-letiyu A.L. Dobrokhotova. Moskva: Izdatel'skii dom VShE, 2010, pp. 94–128. (in Russ.)

11. Rezykh, P.V., 2009. Genetizatsiya transtsendental'nogo ideala v «Sisteme transtsendental'nogo idealizma» F.W.I. Shellinga [Genetization of the transcendental ideal in F.W.J. Schelling's «System of transcendental idealism»]. In: Sushchnost' i slovo: sbornik nauchnykh statei k yubileyu professora N.V. Motroshilovoi. Moskva: Fenomenologiya – Germenevtika, 2009, pp. 377–401. (in Russ.)

12. Rezykh, P.V., 2005. Rannii Shelling i Kant: poiski bezuslovnogo [Early Schelling and Kant: a search for the unconditioned]. In: Istoriiko-filosofskii ezhegodnik. 2004. Moskva: Nauka, 2005, pp. 250–278. (in Russ.)

13. Spinoza, B., 1999. Sochineniya: v 2-kh t. T. 2 [Works: in 2 volumes. Vol. 2]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)

14. Fichte, I.G., 1993. Ocherk osobennostei naukoucheniya po otnosheniyu k teoreticheskoi sposobnosti [Outline of the distinctive character of the Wissenschaftslehre with respect to the theoretical faculty]. In: Fichte, I.G., 1993. Sochineniya: v 2-kh t. T. 1. Sankt-Peterburg: Mifril, pp. 339–433. (in Russ.)

15. Schelling, F.W.J., 1987. Bruno [Bruno]. In: Schelling, F.W.J., 1987. Sochineniya: v 2-kh t. T. 1. Moskva: Mysl', pp. 490–588. (in Russ.)

16. Schelling, F.W.J., 1989. K istorii novoi filosofii [On the history of modern philosophy]. In: Schelling, F.W.J., 1989. Sochineniya: v 2-kh t. T. 2. Moskva: Mysl', pp. 387–553. (in Russ.)

17. Schelling, F.W.J., 1987. Sistema transtsendental'nogo idealizma [System of transcendental idealism]. In: Schelling, F.W.J., 1987. Sochineniya: v 2-kh t. T. 1. Moskva: Mysl', pp. 227–489. (in Russ.)
18. Schelling, F.W.J., 2014. Izlozhenie moei sistemy filosofii [Presentation of my system of philosophy]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)
19. Schelling, F.W.J., 2000. Rannie filosofskie sochineniya [Early philosophical works]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)
20. Schelling, F.W.J., 1966. Filosofiya iskusstva [Philosophy of art]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
21. Baumgartner, H.M., 1993. Der spekulative Ansatz in Schellings System des transzendentalen Idealismus. In: Jaeschke, W. ed., 1993. Transzendentalphilosophie und Spekulation. Der Streit um die Gestalt einer Ersten Philosophie (1799–1807). Hamburg: Meiner, pp. 127–143.
22. Estes, Y., 2010. Intellectual intuition: reconsidering continuity in Kant, Fichte, and Schelling. In: Breazeale, D. and Rockmore, T., 2010. Fichte, German idealism, and early Romanticism. Amsterdam: Rodopi, pp. 165–178.
23. Vater, M.G. and Wood, D.W. eds., 2012. The philosophical rupture between Fichte and Schelling: selected texts and correspondence (1800–1802). Albany: State University of New York Press.
24. Jähnig, D., 1966. Schelling. Die Kunst in der Philosophie. Band 1. Schellings Begründung von Natur und Geschichte. Pfullingen: Neske.
25. Marx, W., 1984. The philosophy of F.W.J. Schelling: history, system, and freedom. Bloomington: Indiana University Press.
26. Munk, F., 1910. Einheit und Duplizität im Aufbau von Schellings System des transzendentalen Idealismus: Dissertation. Gießen.
27. Schelling, F.W.J., 2005. Historisch-kritische Ausgabe. Reihe I: Werke. Bd. 9, 1: System des Transzendentalen Idealismus. Stuttgart: Frommann-Holzboog.

*Статья поступила в редакцию 15.04.2024;
рекомендована к печати 20.05.2024*

ЧЕЛОВЕК ЭЛЕКТРОННОЙ ЭПОХИ В РАБОТАХ М. МАКЛЮЭНА

Статья посвящена образу нового человека будущего электронного общества, каким он предстает в трудах канадского философа М. Маклюэна. Этот новый тип человек в ряде своих характеристик напоминает аудиотактильного человека устной культуры, но с включением опыта книжной культуры. Во многих случаях оказывается, что М. Маклюэн предугадал главные особенности общества «глобальной деревни» и ее обитателей.

Ключевые слова: М. Маклюэн, электронная эпоха, глобальная деревня, аудиотактильный человек

Man of the electronic age in the works of Marshall McLuhan. EVGENIY A. YUSIPOV (Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia)

The article reconstructs the image of a new man of the future electronic society, as he appears in the works of the Canadian philosopher Marshall McLuhan. This new type of man in a number of its characteristics resembles the audile-tactile man of oral culture, but nevertheless draws on the experience of book culture. In many cases, it turns out that McLuhan predicted the main features of the global village society and its population.

Keywords: Marshall McLuhan, electronic era, global village, audile-tactile man

Тема коммуникаций и их влияния на сферы общественной жизни и человека уже много лет является предметом изучения философов во всем мире. Из наиболее интересных и актуальных концепций можно назвать теорию общества Ю. Хабермаса, философию символических форм Э. Кассирера, а также учения о языковых играх Л. Витгенштейна, идеи К. Леви Строса, Р. Барта, М. Бубера, Э. Левинаса, М. Бахтина, Ю. Лотмана, Ж. Бодрийера, П. Бурдьё, Э. Гидденса и др.

Идеи «икон» 1960-х гг., канадского философа Маршалла Маклюэна (1911–1980), до 1990-х гг. считались на Западе «устаревшими», однако в 1990-е гг. обрели новое звучание, поскольку его пророчества о будущем обществе как «глобальной деревне» и о новом «электрон-

ном» человеке оказались на редкость интересными по многим позициям. Русскоязычная аудитория поздно познакомилась с его трудами: переводы работ Маклюэна на русский язык начали выходить только в 2000-е гг.

Область интересов М. Маклюэна, связанная с медиа, затрагивала социальные, культурологические и философские аспекты данного феномена. При этом, изучая труды Маклюэна, необходимо не упускать из виду его литературные увлечения. Будучи профессором литературы Университета Торонто, Маклюэн написал большую часть своих статей по литературоведению. Биограф У. Гордон в своей монографии характеризует Маклюэна как лингвиста [11], хотя Маклюэн никогда не специализировался в данной сфере. Д. Теолл, один из учеников Ма-

* ЮСИПОВ Евгений Ансорович, ассистент Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, yusipov.ea@dvfu.ru

© Юсипов Е.А., 2024

клюдна, в своих работах акцентирует внимание на тяге своего учителя к остроумным трудам Дж. Джойса, что, по мнению многих критиков, делает Маклюэна неоднозначной и противоречивой фигурой. И.Б. Архангельская изучила влияние Дж. Джойса с его шокировавшими тогдашнюю публику темами тела, еврейства, печатных СМИ на творчество канадского философа, который полагал, что без знания текстов Джойса и символистов его теория не может быть до конца понята [1, с. 54–67]. В.П. Чумакова обращает внимание на методологические основания теории М. Маклюэна и ее претензии на тотальность и универсальность, а также на фигуры, творчество которых оказало влияние на концепцию канадского философа [10, с. 215]. Таким образом, даже из беглого перечисления вопросов, возникающих в связи с теорией Маклюэна, очевидно, что труды канадского философа имеют междисциплинарный характер.

В настоящее время существует значительное количество русскоязычных работ о социальной философии Маклюэна, однако многие темы его творчества остаются малоизученными. К таковым относится и тема нового типа человека. Задача настоящей статьи – из «мозаичных» текстов Маклюэна реконструировать его представления о человеке будущего и рассмотреть их в контексте современного знания.

Историю человечества философ делит на три основные этапа: аудиотактильное (устное) общество, книгопечатная цивилизация (книжная, печатная, «галактика Гутенберга») и «электрическое» общество. Продолжением «электрического» общества, по Маклюэну, является электронный социум. Человек электронной эры как бы возвращается в новом качестве (поскольку имеет опыт книжного человека) к типу племенного аудиотактильного человека, полагал философ. Маклюэн не застал возникновения Всемирной паутины, однако во многом предвидел и описал черты нового типа человека – «электрического» и «электронного», «экологического»¹ (сетевое). Естественно, что наиболее подробный анализ, проведенный философом, касается воздействия на человека современных ему «электрических» медиа – телеграфа, радио, телевидения, кино, однако в поздних работах напрямую речь идет и о компьютерах.

Феномен глобальной деревни, согласно Маклюэну, подразумевает упразднение линейных пространственно-временных связей, в резуль-

тате чего связи в мире становятся практически одновременными и сетевыми. Жизнь оказывается предельно инклюзивной: вследствие тесноты взаимодействий люди вовлечены во все процессы, происходящие вокруг них, и в жизнь других людей, а сама новая ситуация крайне повышает их ответственность, к чему они, по всей видимости, не очень готовы. Отметим, что последнее обстоятельство способствовало тому, что сегодня проблема кибербезопасности встала в ряд первоочередных для международного сообщества.

Мы живем в постписьменную – электрическую – эпоху, пишет Маклюэн. «В век электроники, пришедший вслед за длившейся около пяти столетий эпохой книгопечатания и механики, мы сталкиваемся с новыми формами и структурами человеческой взаимозависимости и человеческого самовыражения, которые являются “устными” по своему характеру даже там, где отсутствует словесный компонент» [7, с. 6]. Сегодня мы стремительно возвращаемся в аудиальный мир общего сознания и одновременности событий при сохранении визуальных навыков письменной культуры, при этом культуры с долгим письменным прошлым больше сопротивляются новым электрическим медиа, в то время как те, что оставались в устной культуре или недавно вступили в эру печатной цивилизации, легче и успешнее входят в новый мир. «Мы больше не испытываем трудностей с пониманием сознания туземцев, или бесписьменных народов просто потому, что мы воссоздали его посредством электроники в нашей собственной культуре. (Однако постписьменное состояние есть совершенно иная форма взаимозависимости, чем дописьменное)» [7, с. 69]. О том, что складывается новая аудиальная цивилизация, свидетельствует, в частности, и тот факт, что акцент в культуре смещается с видимого на слышимое: заметим, что словари все чаще легитимизируют именно бытовое произношение и словоупотребление вместо прежней литературной нормы. Если в старых церковных школах, пишет философ, целью изучения грамматики было воспитание грамотной речи, то теперь идет обратный процесс: массовая устная речь диктует свои правила грамматике. Древние греки, утверждает Маклюэн, утратили интерес к примитивному искусству вследствие увеличения роли визуального, а в век электроники он опять возрождается по причине «интерпретации электрического единого поля, где

¹ В кавычках – термины М. Маклюэна.

все происходит одновременно» [7, с. 94]. Абстрактное искусство философ называет «аудио-тактильным» и в этом видит то, что роднит его с первобытным пещерным искусством.

История оказывается теперь нелинейной, и в целом в головах людей крепнет убеждение, что надо исследовать не линейную последовательность, а динамику сил. В пример Маклюэн приводит де Токвиля, сочетавшего в себе черты человека устной и письменной культур и сказавшего, что американцы меньше всего читают Декарта, но в своем индивидуализме больше всего ему следуют. В методологическом отношении, пишет философ, следует видеть мир как целое, а не как множество линейных отдельных фрагментов. Так его и будет видеть электронный человек.

Специализация, как и всякая фрагментация, в особенности при расчете на то, что она будет долговременной, и человек, получив профессию, с ней одной и проживет всю жизнь, уходит в прошлое. Сегодня в развитых странах в сфере занятости и в области образования, начиная со школьного, мы видим именно те тенденции, которые были предсказаны канадским философом. Так, какие-то прежде раздельные предметы школьного обучения сливаются воедино, как и специализации в университетах. Это обосновывается развитием междисциплинарных исследований и необходимостью воспитывать холистическое мышление, хотя данные процессы сопровождаются, как всегда при радикальных метаморфозах, огромным риском утратить старое, накопленное веками знание и не обрести нового.

Маклюэн сетует на затянутый процесс взросления в США и Великобритании – слишком долго, по его мнению, дети там не становятся взрослыми. Для понимания этого замечания философа обратимся к истории вопроса. Когда-то – а именно в эпоху Нового времени, в XVIII в. – Европа открыла детство и юность, т.е. особенности этих возрастов, в то время как раньше дети и подростки считались просто «недовзрослыми». В соответствии с этими представлениями строились системы воспитания и образования. Важнейшую роль играла регламентация жизнедеятельности ребенка, подчинение его дисциплине, что со времени выхода знаменитой книги американского педиатра Б. Спока, под влиянием теории которого выросло несколько поколений в США и Европе, менялось на более мягкие отношения

с ребенком, отказ от жесткого режима дня, поскольку, как считал доктор Спок, нет и не может быть общей теории воспитания, слишком многое зависит от индивидуальности ребенка, которую следует уважать. В новейшее время – по классификации Маклюэна, это период перехода к электронному обществу – большая часть европейских стран заявила об отказе от «индоктринации» в школе и университете как от недопустимого насилия, от «некритического» внушения воспитуемым понятий о норме и девиации – в сущности, об отказе от воспитания, оставив образовательным учреждениям только функцию трансляции знаний. Родился культ ювенильности: юность и молодость стали считаться особым достоинством и как бы заслугой, дарующей привилегии в сравнении с более старшими возрастами. В результате взрослые теперь постоянно жалуются на нигилизм молодежи, носители которого ныне именуется «критически мыслящими личностями», на ее пренебрежение к национальным культурным ценностям, на ее безответственность. Это контекст времени, в рамках которого в своей работе «Понимание медиа» Маклюэн утверждает, что в самых «печатных» странах – в США и Великобритании – процесс взросления затянут, а вот в Европе и в племенных культурах (где главная ценность – тактильность) нет подростков – там совершают прыжок из детства прямо во взрослое состояние. Понятно, что реальная картина оказывается сложнее, чем ее представлял философ.

Интернет открыл перед людьми небывалые возможности, однако принес с собой и новые риски для детей и взрослых. В нем возможны и образовательные блоки, формы взаимодействия, обогащающие человека, и склонение к суициду, реклама наркотиков, порнографии, всякого рода агрессия. Массовый человек XXI в., обретя качества человека сетевого, все так же считает себя компетентным во всех вопросах. Властители дум вообще исчезли из общественной жизни, зато появились «лидеры виртуала» с миллионами подписчиков, чья популярность зачастую вовсе не связана с их компетентностью. Следуя за их мнением, их поклонники склонны отвергать даже научные экспертные точки зрения. Исчезает доверие к истине, само ее существование ставится под сомнение. На место истины ставится мнение как ее равноценный заместитель. Этот процесс стал заметен уже в период постмодерна [5]. А

сегодня на мнение массового человека активно влияет новое явление – постправда. Этот феномен возникает, когда посредством медиа широко распространяется недостоверная или заведомо ложная информация, апеллирующая не к фактам, а к массовым настроениям, поддельные тексты, визуальные образы и аудиозаписи, представляемые как оригинальные. Ныне обычному читателю, зрителю, пользователю стало трудно различить, где сообщения о фактах, а где фейки. Очевидно, так происходит не только потому, что количество фейков, которые раньше распространялись достаточно медленно посредством личного общения через слухи и сплетни, в публичном пространстве значительно возросло. Дело в том, что фейки распространяются через высокоучастные, как сказал бы Маклюэн, средства массовой коммуникации, прежде всего через телевидение и социальные сети.

Как отмечает психолог А.Г. Асмолов, «Интернет дал много позитивных возможностей, расширил видение мира, дал основу для того, чтобы у нас было сравнивающее независимое критическое мышление ... Вместе с тем любая новая технология открывает не только возможности, но и риски» [2]. Многие операции, которые раньше люди производили в уме, теперь передоверяют компьютерам, в результате чего полезные навыки утрачиваются. В качестве примера ученый приводит неумение официанта подсчитать без гаджета, сколько должны заплатить за ужин гости. Другой его пример касается профессии таксиста: если раньше профессионализм водителя определялся, в частности, знанием города, то в эпоху навигаторов они зачастую оказываются беспомощными без них. А.Г. Асмолов полагает, что новая технология – в данном случае электроника – приводит к тому, что «некоторые высшие психические функции начинают трансформироваться» [9].

Новый человек, пишет Маклюэн, синтезируя в себе в снятом виде аудиотактильную и визуальную, устную и печатную культуру, обретает возможность жить плюралистично, т.е. одновременно в разных мирах и культурах, не будучи связан ни одной из них. «По всей вероятности, распределение человеческого потенциала по отдельным культурам станет вскоре таким же абсурдным, каким уже стала специализация в отдельном предмете или дисциплине» [7, с. 46–47]. В определенном смысле это предсказание сбылось: трудовая миграция в мире при-

обрела небывалые масштабы. Однако философ не учитывает здесь коренную человеческую потребность в самоидентификации, в принадлежности к более широкому кругу людей, которая воспринимается как ценность. Если человек не идентифицирует себя ни с одной культурой, он оказывается везде чужим, а не своим. Недаром постмодернисты пытались изгнать само понятие «чужой» из лексикона культуры, что им, разумеется, не удалось, поскольку понятия «свой» и «чужой» являются соотносительными, как правое и левое, плюс и минус и др. [6, с. 39].

Маклюэн также ссылается на П. Тейяра де Шардена, который, указывая на происходящие с миром превращения, на будущую ноосферу, которую сам Маклюэн понимал, как экстернизацию человеческих чувств, как вынесенную вовне центральную нервную систему, как технологический мозг мира, подчеркивал возрастающую ответственность человека за все происходящее. Мир стал компьютером, а не библиотекой. При этом, как указывает Маклюэн, возможности Большого Брата неизмеримо расширяются – так, что утаить что-либо практически невозможно: любая приватность может быть нарушена, любые связи в объективной реальности могут быть сформированы или, напротив, разрушены, любые тайны могут стать доступны чужому глазу и уху. Если человечество не осознает эту динамику «тесного мира племенных барабанов» и не научится управлять такими процессами, его ждут страшные времена, полагает философ, – времена высокой тревоги и беспрецедентный рост насилия.

Если грамматика теперь копирует «улицу», а специалисты спешат узаконить часто встречающиеся на письме ошибки, то нечто схожее происходит и с числом. Маклюэн считает, что «число само по себе есть аудиотактильный код, и оно приобретает смысл лишь в высокоразвитой культуре фонетического письма как его дополнение. Буквы и числа вместе образуют, так сказать, мощную систолодиастолическую машину для перевода и обратного перевода форм человеческого сознания в системе «двойного перевода», подобную той, что так привлекала гуманистов эпохи Возрождения. Однако сегодня число как форма организации и применения опыта и знания устарело так же, как и фонетический алфавит. Век электроники – это постписьменная и постчисловая эпоха. «...Даже счет на пальцах – это уже вид абстракции или отделения тактильного от других чувств, тог-

да как предшествующая ему система “да-нет” представляет собой более “целостную” форму мышления. Именно такими являются современные компьютеры, которые пользуются двоичным числовым кодом и благодаря которым стала возможной структурная физика Гейзенберга» [7, с. 263–264]. На смену людям буквы и числа пришли люди «да-нет».

Маклюэн выдвигает идею об управлении чувствами человека, расширением которых являются технологии, посредством компьютерного программирования [7, с. 128]. Он убежден, что можно вычислить наиболее благоприятное соотношение чувств, которое будет релевантно каждой новой технологии в науке и в искусстве.

Характеризуя привязанность людей к прессе, Маклюэн говорит о том, что она дарит славу кому попало, так что читатель превращается в автора: он видит в прессе свой собственный собирательный образ, а потому требует от нее все более низких жанров, все большего соответствия самым непритязательным вкусам. Эта характеристика с полным основанием может быть отнесена к сетевому человеку, который и в самом деле превратился в автора в соцсетях, даже прежде вполне пристойные сегменты которых все чаще деградируют. С другой стороны, нельзя не отметить, что интернет предоставил широчайшие возможности для творчества и распространения его плодов среди пользователей. В условиях кибернетизации – состояния мгновенной информации – каждый становится производителем новостей или сам становится собственной новостью. В его жизни сосуществуют и смешиваются прежде совсем разные сферы: производство, информация и обучение.

Электрические медиа – телеграф, телефон, радио, телевидение, кино – возвращают человека к симультанности. В еще большей степени это относится к электронной эпохе. Этим, в частности, философ обосновывает особую ответственность электронного (сетевого) человека: «Если современный человек чувствует себя обязанным соблюдать пунктуальность и беречь время, то племенной человек нес на себе ответственность за постоянное снабжение энергией космических часов. От электрического, или экологического, человека (человека тотального поля) можно ожидать, что он превзойдет староплеменную космическую заботу о заключенной внутри него Африке» [8, с. 176].

Для сетевого человека практически перестают существовать пространство и время. «Се-

годня, – пишет Маклюэн в 1964 г., начиная свой текст «Понимание медиа», – когда истекло более столетия с тех пор, как появилась электрическая технология, мы расширили до вселенских масштабов свою центральную нервную систему и упразднили пространство и время, по крайней мере в пределах нашей планеты. Мы быстро приближаемся к финальной стадии расширения человека вовне – стадии технологической симуляции сознания, когда творческий процесс познания будет коллективно и корпоративно расширен до масштабов всего человеческого общества примерно так же, как ранее благодаря различным средствам коммуникации были расширены вовне наши чувства и наши нервы» [8, с. 5]. Таким образом, глобальная деревня с ее обитателями, электронными людьми, – это искусственный интеллект в масштабах планеты, это вынесенный вовне мозг человечества как коллективного существа. «Гомогенизированный социальный человек», порожденный книжной культурой, исчезает. Происходит как бы взрыв вовнутрь – мир сжимается, и люди вынуждены нести ответственность за свои действия и их последствия. Сетевые люди глубоко вовлечены в жизнь друг друга, и теперь уже нельзя не замечать движений за равенство женщин, мигрантов, национальных и сексуальных меньшинств, за права молодежи, а также маргинальных слоев населения. Приметой времени Маклюэн называет отвращение к внушаемой норме, к «насаждаемым образцам» [8, с. 7–8].

Электрическая технология интегральна и децентралистична, а потому формирует человека с такими же ментальными установками: он стремится к холистическому видению мира, который вместе с пребывающими в нем людьми выглядит как сеть с относительно независимыми «узлами». «То, что одна вещь следует за другой, ровным счетом ничего не объясняет, – полагает Маклюэн. – Из следования не следует ничего, кроме изменения. А потому величайшее из всех обращений произошло с пришествием электричества, которое положило конец последовательности, сделав вещи мгновенно-одновременными. С мгновенной скоростью причины вещей вновь стали доходить до осознания, чего не было, когда вещи расставлялись в последовательный ряд и, соответственно, составляли цепочку. Вместо вопрошания том, что появилось раньше, курица или яйцо, внезапно пришло на ум, что курица – это план яйца по приумножению яиц» [8, с. 14–15].

Как и любая иная технология, технология электрическая – и, скажем мы, в особенности электронная – как бы гипнотизирует человека, вынуждая не замечать себя, поэтому это эпоха бессознательного и апатии, но, что совсем поразительно, еще и осознания бессознательного. Электрический человек служит электрическим средствам массовой коммуникации (и уж тем более – компьютерным устройствам) столь же усердно, как ранее он служил своей рыбацкой лодке или типографии, но существует одно радикальное отличие: электрическая (и электронная) технология – не частична и фрагментарна, а тотальна и инклюзивна [8, с. 68]. Все виды занятости оказываются оплачиваемым обучением, а владеет миром тот, кто владеет информацией, которая становится главным товаром.

В справедливости последних двух предсказаний мы сегодня можем убедиться наглядно. Изменилась производственная сфера и рынок труда, вслед за ними меняются программы вузов. «Не нужны стали специалисты, ориентированные лишь на устойчивую, постоянно востребованную специальность, а нужны стали люди, с одной стороны, по-прежнему владеющие такой специальностью, но с другой – и в большей степени – готовые ориентироваться на постоянно меняющийся рынок труда на основе способности быстро и точно реагировать на социокультурную и общественную атмосферу. Изменение рынка труда в большой степени происходит за счет роста непроизводственных видов деятельности, их растущей востребованности и, соответственно, растущей зарплаты – торговли, услуг и обслуживания, бюрократии и т.д. В сущности, реформа вузов в этом направлении уже произошла. Об этом говорит нежелание подавляющего большинства выпускников работать по специальности, ибо состояние рынка труда дает им возможность прежде всего стремиться к более высоким денежным вознаграждениям» [4, с. 81]. Эти процессы несколько по-разному протекают в западных странах и в России, однако имеют сходный характер.

Какая же область подвержена наибольшим изменениям при появлении нового медиа? Можно было бы думать, что это слух при аудиальной цивилизации, зрение – при культуре визуальной, но это не так. Это системное преобразование соотношения органов чувств: «наибольшему воздействию при оперировании общества новой технологией подвергается отнюдь не надрезанная область. Область надреза

и прямого воздействия нечувствительна. Изменению подвергается вся система. Воздействие радио является визуальным, воздействие фотографии – слуховым. Каждое новое давление вызывает сдвиги в пропорциях между всеми чувствами. Что мы ищем сегодня, так это средство контроля над этими сдвигами в чувственных пропорциях психического социального мировосприятия либо средство избежания этих сдвигов вообще. Болеть без симптомов значит обладать иммунитетом. Еще ни одно общество не обладало достаточными знаниями о своих действиях, чтобы развить иммунитет к своим новым расширениям, или технологиям» [8, с. 76]. Электронная эпоха, по мнению философа, – как раз самое время для такого познания и программирования. При этом бессмысленно из одного медиа критиковать другое: книжный человек не умеет спорить с иллюстрациями, а симфонию не пересказать словами. Чтобы овладеть умением управлять, необходимо войти в новые средства массовой коммуникации, подобно тому, как научиться плавать можно, только войдя в воду.

Маклюэн подчеркивает вынужденность зависимости человека от электрических медиа, причем безотносительно к их «содержанию»: кому-то кажется, что люди свободно избирают сидение в соцсетях, или жизнь в мобильном телефоне, или подстраивание своего домашнего режима под телепрограмму. Но следует понимать, что как только люди отдали свои чувства и нервную систему в эксплуатацию тем, кто желает извлечь из этого приобретения прибыль, они лишились всех своих прав [8, с. 81]. Это, по существу, предвидение новых аддикций – телезависимости, интернет-зависимости, существование которых долго отрицалось западными специалистами.

Грядущее радикально повлияет и на язык. Электронная эпоха предполагает расширение человеческого сознания в глобальном масштабе в невербальной форме, поскольку появится возможность – и сегодня она уже наличествует – мгновенного перевода с одного языка на другой, перевода из одного кода в другой. Следствием этого станет всеобщее понимание и объединение. Следующим шагом, полагает Маклюэн, станет отказ от необходимости и такого перевода: общее космическое сознание в языке нуждаться вовсе не будет [8, с. 90–91]. Пока же электрическая технология «отдает предпочтение инклюзивному и участному устному слову

в противовес специалистскому письменному» [8, с. 92]. Буквы и язык в целом, уверен философ, враждебны единению людей – любопытно, что эта идея явно перекликается с высказанной в 1977 г. Р. Бартом идеей о «языке-фашисте»: «...Язык, как перформация всякой языковой деятельности, не реакционен и не прогрессивен; это обыкновенный фашист, ибо сущность фашизма не в том, чтобы запрещать, а в том, чтобы понуждать говорить нечто» [3, с. 549]. Иначе говоря, письмо и «общепринятая арифметика», с точки зрения Маклюэна, еще сохраняют свое прикладное значение, но их функции будут им исчерпываться, число и буква уже не окажутся способными образовывать универсальные ментальные принципы соотношения и последовательности, как это было в эпоху книгопечатания. И в самом деле, уже сегодня мы видим, например, что люди отвыкли читать более или менее длинные тексты. Это утрата за счет скорости и перехода к клиповому чтению: тексты быстро просматриваются «по диагонали», «кусками», чем обусловлено достаточно поверхностное их восприятие.

Человек эпохи телекоммуникаций, полагает Маклюэн, будет использовать автомобиль только для развлечений, что означает финал эпохи шоппинга, поскольку все покупки будут совершаться посредством новых средств массовой коммуникации, и конец необходимости поездок на работу и с работы, поскольку работа будет вестись из дома (или любого другого места). Электричество обеспечивает возможность дистантной работы. «В электрической структуре ... нет периферий. А следовательно, в ней может быть лишь диалог между центрами и между равными. Пирамиды командных цепочек не могут найти опору в электрической технологии. С приходом электрических средств вместо делегированной власти вновь появляется роль. Теперь человек опять может быть наделен всеми типами невизуальности. Король и император имели законные полномочия действовать как коллективное эго всех частных эго своих подданных. Пока западный человек столкнулся с восстановлением роли лишь предварительно. Он еще ухитряется удерживать индивидов в порученных им *рабочих местах*» [8, с. 311]. Однако все чаще используется именно дистантная форма занятости, что оказывается выгодным и работнику, и работодателю, которому не нужно теперь содержать физические рабочие места. Таким образом, работать в электронном обще-

стве – значит обучаться жизни в условиях новых технологий и исчезающих различий между работой и досугом, рабочим местом, кафе и домом. Сегодня мы видим, насколько верно Маклюэн уловил эти тенденции полвека назад, когда они казались совершенно фантастическими.

Каким еще образом человек книжный превращается в человека электронного? Под влиянием фотографии и телевидения человек уходит «от *письменной* и частной “точки зрения” в сложный и инклюзивный мир групповой иконы. Именно это и делает реклама. Вместо представления частного аргумента, или частной перспективы, она предлагает образ жизни для каждого или ни для кого. Она предлагает этот ориентир, апеллируя к вещам иррелевантным и тривиальным» [8, с. 262]. Электронные средства массовой коммуникации также представляют собой своеобразное зеркало, в котором пользователь видит себя, любит себя и производит некие действия, иногда фиктивные, а иногда – более эффективные, чем действия при помощи традиционных медиа. Появление телевидения взрывает линейность: устаревают конвейер в промышленности и линейные иерархии в организационных структурах, теряет популярность бейсбол, индивидуалистическая игра, в которой происходит «одна-вещь-в-один-момент», уступая место футболу, баскетболу, хоккею на льду, где в действие вовлечена одновременно вся команда и происходит много событий в одно время [8, с. 272–273]. Телевидение сформировало «тактильные» образцы, щетинистые и скульптурные, в одежде, прическах, жестике, музыке. Оно создает прерывную мозаичную культуру, которая асимметрична и нелинейна. Телевидение не выносит высокоопределенных образов людей, о которых однозначно можно сказать, какое место в обществе они занимают, и в этом смысле оно диктует более демократические установки, чем письменная культура. Пишущая машинка, телефон, автомобиль сыграли демократизаторскую роль в США. В этом смысле телефон агрессивен: он впускает в высокие кабинеты или личное пространство очень разных людей (в результате сегодня абоненты стремятся ограничить количество тех, кому доступны их номера). Телефон к тому же требует полного участия, и люди сердятся, когда абоненту уделяют рассеянное внимание; в конце концов, в электронную эпоху большинство телефонных абонентов разгова-

ривают по мобильным устройствам с погружением в разговор, из-за чего во многих странах введены запреты на такие разговоры, например, за рулем. Разговаривая по телефону, многие испытывают потребность что-то рисовать – в этом философ видит свидетельство того, что это медиа требует участия многих чувств. Выход в невизуальное слуховое пространство обеспечивается всеми электрическими средствами массовой коммуникации. Так, этот выход осуществляется телеграфом, который перевел письмо в звук; телефоном, представляющим собой «речь без стен»; звукозаписывающими устройствами – концертными залами без стен; фотографией – «музеем без стен»; электрическим светом – «пространством без стен»; кино, радио и телевидением, которые могут быть «классными комнатами без стен».

Говоря о глобальной деревне, философ указывает на то, что электрическая технология приводит людей к сплоченности деревенской жизни [8, с. 126], однако из дальнейших пояснений автора можно сделать вывод, что имеется в виду скорее не солидарность сетевых людей, а близость дистанций их взаимного существования. В других местах анализируемых нами трудов, а также в более поздних своих работах и интервью он подчеркивает, что обитателей мировой деревни вследствие большого разнообразия личностей и групп (единообразия, как полагал Маклюэн, формируется уходящей в Лету книжной культурой) ожидает «максимально возможное несогласие по всем пунктам» [12]. Гармонии он не обещает. Напротив, он говорит, что в глобальной деревне будет больше злобы и зависти, вражды и борьбы, поскольку она порождает гораздо больше распрей, чем любой когда-либо существовавший национализм. Деревня сама по себе – это постоянное и глубинное разделение, а вовсе не слияние и солидарность, полагает философ. Если судить по современным нам событиям в мире, то уже не раз констатировалась ситуация радикального слома прежнего мирового устройства, что очевидным образом происходит с начала 1990-х гг.: практически игнорируются все международные договоренности, достигнутые после Второй мировой войны, – как о нерушимости послевоенных границ, так и о самих принципах международных отношений. Количество и острота «горячих» конфликтов таковы, что мир оказался на грани новой мировой войны. Внутренняя жизнь многих стран часто похожа на

гражданскую войну, которая лишь обостряется, но никак не идет к миру. Победит ли такая «глобальная деревня», в которой отдельные «дворы» воюют со всеми другими, чем «деревня» наносит вред себе, или все-таки восторжествует объединяющее мир «космическое сознание», покажет будущее. Пока очевидно, что с ответственностью в этом тесном мире дело обстоит из рук вон плохо, как и с заменой индивидуализма групповой солидарностью, которую обещает Маклюэн.

Перед электронным человеком остро стоит проблема идентичности. Кто-то намеренно меняет маски и устраивает сетевой театр, а кто-то ищет и иногда находит единомышленников или даже супругов или сексуальных партнеров – но в ситуациях, требующих настоящей поддержки, «френды» и «фолловеры» чаще всего куда-то исчезают, придуманные образы никак не совпадают с реальными, и нередко выясняется, что в погоне за виртуальными привязанностями с их «лайками» люди лишают себя реальной дружбы и человеческой близости. Было бы трудно отрицать временную терапевтическую роль соцсетей, если бы дело ограничивалось только ею и не перерастало в аддикции. Электронная эра потребует от человека отказа от индивидуализма, полагал философ. Но при этом, как это видно уже сейчас, в первой четверти XXI в., людям станет необходима особая идентичность; так, на основе прежних вкусов пользователя с помощью программного обеспечения ему предлагаются собственные телепрограммы и стримы, музыкальные альбомы и кинофильмы; такой пользователь попадает в некие воображаемые сообщества, где кроме него есть и другие пользователи со сходными предпочтениями. Данное сочетание уникального и тиражируемого возможно, поскольку уже во времена Маклюэна автоматизация была «близка к тому, чтобы производить со скоростью и дешевизной конвейерной линии уникальное и скроенное по индивидуальному заказу. Автоматизация способна изготовить на заказ автомобиль или пальто с меньшей суетой, нежели, когда мы производили их стандартизированные аналоги. Но уникальный продукт не может циркулировать на нашем рынке и в нашей системе распределения. А потому мы вступаем в самый революционный период как в области маркетинга, так и в любой другой области» [8, с. 253]. Сетевые люди потребуют обеспечения уникальности и разнородности,

и прежде всего это касается различных меньшинств.

Электронный человек является кочевником, только собирает он теперь не пищу, а информацию. Идея нового человека-номада оказалась очень популярна среди современников Маклюэна и более поздних мыслителей – о нем писали, например, Ж. Аттали, а также Ж. Делёз и Ф. Гваттари, предложившие свое мировидение под названием «номадология» с отказом от принципа бинарности и линейного детерминизма. Номады, согласно Делёзу и Гваттари, образуют особые культуры, противостоят государству и вообще всякой центрирующей силе. Очевидно, что корни самой номадологии можно увидеть в идеях Маклюэна об электронном обществе и электронном человеке.

В более поздней работе Маклюэна «Война и мир в глобальной деревне» (1968 г.) человек, окруженный компьютерами и использующий их, сравнивается с субъектом, производящим самоампутацию и испытывающим от этого боль, которую медики называют отраженной, опосредованной, поскольку компьютер – более сложное продолжение центральной нервной системы, чем обычные электрические медиа. При этом, если в эпоху Гутенберга мечта и сон представлялись лучшим времяпрепровождением, в то время как реальность – фрагментарная и специализированная, разорванная и частичная – виделась отвратительной, то в электрическую эпоху люди, вовлеченные в существование друг друга, могут объединяться на многих уровнях и наслаждаться прежде неслыханной полнотой жизни. Безусловно, это так, однако люди здесь объединяются также и на агрессивных, антисоциальных, девиантных основаниях, и в этом состоят высокие риски новой технологии.

Коротко соотношение человека и технологии философ резюмирует в следующем пассаже: «С физиологической точки зрения, человек в ходе обычного применения технологии (то есть своего всевозможными способами расширенного тела) постоянно модифицируется ею и, в свою очередь, находит все новые и новые способы ее дальнейшего совершенствования. Человек превращается, так сказать, в органы размножения машинного мира – подобно пчеле, выполняющей подобную роль в растительном мире, – позволяющие ему размножаться и постоянно развивать все новые и новые формы» [8, с. 56].

Электронный (сетевой, экологический) человек, с точки зрения М. Маклюэна, – это тип человека, как бы возвращающийся к типу племенного аудиотактильного человека, но прошедший опыт книгопечатной цивилизации. Этот глубоко вовлеченный в жизни других людей и в течение окружающей жизни человек обитает в инклюзивной реальности глобальной деревни, что невероятно повышает его ответственность, а если он окажется не готов к этой ответственности, его ждут трагические времена, полагает философ. История теперь видится сетевому человеку нелинейно, каузальность выглядит как динамика сил, а не однолинейные причинно-следственные связи. В будущем обществе отменяется всякая специализация и складывается культ ювенильности. Место экспертов с подтвержденной их трудами репутацией занимают «звезды виртуала». Новый человек чрезвычайно самонадеян, ориентируясь на славу тех, кто уже стал известен и зачастую достиг своего положения без профессиональных умений и тяжелого труда. Мнение занимает место истины, которая отменяется в эпоху постправды через наиболее «холодные», высокоучастные средства массовой коммуникации – телевидение и интернет. Электронные люди обладают способностью решать одновременно несколько задач, но нередко отличаются поверхностностью, поспешностью, утрачивая навыки, которыми прежде люди обладали сами и которые теперь передоверили компьютеру.

По мнению Маклюэна, человек будущего живет одновременно во множестве культур, плюралистично. Практически теряют значимость традиционные пространство и время, сменяясь дискретностью и одновременностью. Сетевой человек не признает приватности и любых тайн. Сетевые связи способны как эффективно интегрировать людей, так и эффективно разделять их на враждебные лагеря. Сетевому сообществу легче восстановить свои связи, нежели сообществу, организованному по принципу «центр – периферия», поскольку утраченные «узлы» регенерируются проще и быстрее, из чего вытекает потребность научиться управлять этими процессами, иначе, предупреждает философ, настанут тяжелые времена.

Радикально меняется буквенная и числовая культура, возникает человек «да-нет». Стирается грань между автором и читателем, режиссером или оператором и зрителем, между профессиональными исполнителями и дилетантами,

т.е. между автором и аудиторией в целом. Такая ситуация чрезвычайно расширяет творческие возможности людей, но во многих случаях под давлением низких массовых вкусов ясно видна деградация критериев оценки.

Сетевой человек испытывает отвращение к норме как таковой, поскольку она «устарела», ибо выработана книжной культурой, и стремится к холистическому мировосприятию. Субкультуры меньшинств и маргинальных слоев становятся важным аспектом развития социума. Занятость населения оказывается непрерывным обучением, прежде всего – грамотному обращению с информацией.

У сетевого человека происходит системное преобразование органов чувств, уверен философ. Это может иметь очень разные последствия, в т.ч. и формирование зависимости от электрических и электронных медиа, которые, независимо от контента, сами по себе вырабатывают устойчивую потребность аудитории все продолжать и продолжать смотреть и слушать то, что они предлагают.

В электронном обществе происходит расширение человеческого сознания в глобальном масштабе в невербальной форме, пророчит Маклюэн. Закончится эра физического посещения магазинов и хождения на работу, ибо покупать будут через заказы, а работать можно будет откуда угодно, и все это с помощью электронных медиа. Принципы новых средств массовой коммуникации – асимметричность, нелинейность, демократичность и др. – моделируют соответствующие качества ментальности и психологии человека и обеспечивают выход в невизуальное аудиальное пространство.

Вопрос о том, будет ли новый человек солидарен с себе подобными или разразится всеобщая война, остается нерешенным: потенциально возможны оба варианта, и исход дела зависит от того, научится ли человек управлять медиа или же будет по-прежнему пребывать под их гипнозом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельская И.Б. Влияние творчества Джеймса Джойса на теорию масс-медиа Маклюэна // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 9. С. 54–67.
2. Асмолов А. Наши дети находят-ся в ситуации информационной социализации (интервью). URL: <https://asmolovpsy.ru>

[ru/2022/10/10/nashi-deti-nahodyatsya-v-situaczii-informacionnoj-soczializaczii/](https://asmolovpsy.ru/2022/10/10/nashi-deti-nahodyatsya-v-situaczii-informacionnoj-soczializaczii/)

3. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
4. Кнабе Г.С. Об опыте преподавания семиотики культуры на отделении магистратуры // Памяти Г.С. Кнабе. Кн. 2. Харьков, 2014. С. 81–86.
5. Кнабе Г.С. Знак. Истина. Круг. (Ю.М. Лотман и проблема постмодерна) // Лотмановский сборник. М.: ИЦ-Гарант, 1995. С. 266–277.
6. Кнабе Г.С. Жажда тождества. Культурно-антропологическая идентификация. Вчера. Сегодня. Завтра. М.: РГГУ, 2003.
7. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2004.
8. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003.
9. Фрумкин К., Асмолов А. Отсутствие смысла стало страшнее смерти. URL: <https://asmolovpsy.ru/2022/10/10/otsutstvie-smysla-stalo-strashnee-smerti/>
10. Чумакова В.П. Концепция Герберта Маршалла Маклюэна: медиа в социокультурной динамике: дисс. ... канд. культурологии. М., 2015.
11. Gordon, W.T., 1997. Marshall McLuhan: escape into understanding. Toronto: Stoddart.
12. Stearn, G. ed., 1967. McLuhan: hot and cool. New York: The New American Library, Inc.

REFERENCES

1. Arkhangel'skaya, I.B., 2007. Vliyanie tvorchestva Dzheimsa Dzhoisa na teoriyu mass-media Maklyuena [The influence of James Joyce's work on McLuhan's mass media theory], Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena, no. 9, pp. 54–67. (in Russ.)
2. Asmolov, A. Nashi deti nakhodyatsya v situatsii informatsionnoi sotsializatsii (interv'yu) [Our children are in the situation of information socialization (an interview)]. URL: <https://asmolovpsy.ru/2022/10/10/nashi-deti-nahodyatsya-v-situaczii-informacionnoj-soczializaczii/> (in Russ.)
3. Barth, R., 1989. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moskva: Progress. (in Russ.)
4. Knabe, G.S., 2014. Ob opyte prepodavaniya semiotiki kul'tury na otdelenii magistratury [On

- the experience of teaching semiotics of culture at a master's degree program]. In: Pamyati G.S. Knabe. Kn. 2. Kharkov, 2014, pp. 81–86. (in Russ.)
5. Knabe, G.S., 1995. Znak. Istina. Krug. (Yu.M. Lotman i problema postmoderna) [Sign. Truth. Circle. (Juri Lotman and the problem of postmodern)]. In: Lotmanovskii sbornik. Moskva: ITs-Garant, 1995, pp. 266–277. (in Russ.)
6. Knabe, G.S., 2003. Zhazhda tozhdestva. Kul'turno-antropologicheskaya identifikatsiya. Vchera. Segodnya. Zavtra [Thirst for identity. Cultural and anthropological identification. Yesterday. Today. Tomorrow]. Moskva: RGGU. (in Russ.)
7. McLuhan, M., 2005. Galaktika Gutenberga. Sotvorenje cheloveka pechatnoi kul'tury [The Gutenberg galaxy: the making of typographic man]. Kiev: Nika-Tsentr. (in Russ.)
8. McLuhan, M., 2003. Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding media: the extensions of man]. Moskva; Zhukovskii: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole. (in Russ.)
9. Frumkin, K. and Asmolov, A. Otsutstvie smysla stalo strashnee smerti [The absence of meaning became scarier than death]. URL: <https://asmolovpsy.ru/2022/10/10/otsutstvie-smysla-stalo-strashnee-smerti/> (in Russ.)
10. Chumakova, V.P., 2015. Kontseptsiya Gerberta Marshalla Maklyuena: media v sotsiokul'turnoi dinamike. Konceptsiya Gerberta Marshalla Maklyuena: media v sociokul'turnoj dinamike [Herbert Marshall McLuhan's concept: media in sociocultural dynamics], dissertatsiya kandidata kul'turologii. Moskva. (in Russ.)
11. Gordon, W.T., 1997. Marshall McLuhan: escape into understanding. Toronto: Stoddart.
12. Stearn, G. ed., 1967. McLuhan: hot and cool. New York: The New American Library, Inc.

*Статья поступила в редакцию 02.08.2024;
рекомендована к печати 20.08.2024*

В.А. Анисимов*

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕРМИНА «МОНОКУЛЬТУРА»
ДО И ПОСЛЕ ЦИФРОВОГО СОСТОЯНИЯ**

Статья посвящена анализу феномена монокультуры, хронологически разделяемой на доцифровую и цифровую. Доцифровая монокультура представлена через критический анализ культурного потребления. На примере таких текстов культуры, как «Игра престолов», «Гарри Поттер» и «Звездные войны», показано, что доцифровая монокультура является частью популярной культуры. Именно потребление различных символов сообщало доминантность культурного текста в доцифровую эпоху. В попытке охарактеризовать цифровую монокультуру автор обращается к теории диджимодернизма А. Кирби и технофеодализма Дж. Дин и Я. Варуфакиса, а также предлагает собственное определение термина.

Ключевые слова: монокультура, медиакультура, потребление, цифровизация, диджимодернизм, техно-феодализм, стриминг

Interpretations of the term «monoculture» before and after digital technologies. VLADIMIR A. ANISIMOV (HSE University, Moscow, Russia)

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of monoculture, chronologically divided into pre-digital and digital. Pre-digital monoculture is presented through the critical analysis of cultural consumption. Using the case of such cultural texts as Game of Thrones, Harry Potter and Star Wars, the author shows that pre-digital monoculture is a part of popular culture. It was the consumption of various symbols that marked the dominance of a cultural text in the pre-digital era. In an attempt to characterize the digital monoculture, the author refers to Alan Kirby's theory of digimodernism and the theory of technofeudalism by J. Dean and Y. Varoufakis, also offering his own definition of the term.

Keywords: monoculture, media culture, consumption, digitalization, digimodernism, technofeudalism, streaming

Введение

Термин «монокультура» не так часто употребляется по отношению к продуктам культурной индустрии, но несет в себе определенную важность для обозначения текстов и символов

культуры, а также возможности для их дальнейшего изучения в цифровом пространстве.

Любая культура является одновременно инструментом и следствием формирования человека, его привычек, поведения и мышления,

* АНИСИМОВ Владимир Алексеевич, аспирант, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, vladmir.anisimov@gmail.com

** Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

© Анисимов В.А., 2024

которые определяются средой. Человек XXI в. проводит бóльшую часть своего времени в цифровом пространстве, что привлекает внимание исследователей к выявлению и определению процессов современного цифрового потребления. Несмотря на то, что классические теории потребления обладают возможностью описать в т.ч. и цифровое потребление, цифровизация с каждым годом усложняет процессы анализа потребления в цифровом пространстве, что актуализирует задачу дальнейшего развития научного инструментария.

Термин «цифровая монокультура» следует рассматривать в нескольких аспектах. Во-первых, монокультура – это общее состояние цифрового пространства медиа. Имеется в виду, что современное цифровое пространство можно охарактеризовать как бесконечный поток информации, в котором потребителю отводится простая функция – возможность входа и выхода. Находясь в этом цифровом потоке, потребитель может общаться с друзьями в социальных сетях, слушать музыку, читать новости, смотреть фильмы и т.д. Для цифрового пространства как такового не имеет значения, чем конкретно занимается потребитель, оно беспристрастно по отношению к конкретному потребляемому продукту, для него более важно, чтобы потребитель постоянно находился в нем, имея возможность, но не имея желания из него выйти. Во-вторых, монокультура – это инструмент формирования цифрового пространства для потребителя. В классическом понимании потребление связано с выбором товара, однако цифровое пространство подчиняется другим законам рынка. Современные системы подбора информации «освобождают» потребителя от возможности выбора, аргументируя это тем, что алгоритмы сделают этот выбор за него, основываясь на его предпочтениях и на предпочтениях его друзей и близких.

Прежде всего обозначим, на основании чего монокультура является частью медиакультуры: «Наша культура – это медиакультура, в которой люди проводят огромное количество времени, слушая радио, смотря телевизор, посещая кино, магазины, слушая музыку, читая журналы и газеты, или делая все это и многое другое на своих цифровых устройствах» [17, р. 4]. В соответствии с точкой зрения Д. Келлнера, вся культура есть медиакультура, где культура и медиа являются равноценными терминами. Монокультура является частью культурного пространства

и входит в само понятие культуры. Далее мы попробуем определить, каким образом можно трактовать понятие «монокультура» и предложим свое определение.

Согласно определению из энциклопедии, монокультура – это единственная культура, возделываемая в хозяйстве [7]. Цифровая же монокультура «может относиться к множеству популярных и узнаваемых ориентиров, которые возникают и доступны через интернет по запросу» [11]. Можно также определить это явление как культурный продукт, чья популярность достигла уровня, при котором он становится столь широко узнаваемым, что нет необходимости в знании источника происхождения связанных с ним символов.

Рассуждая о монокультуре, К. Чайка выделяет две важные проблемы [11]. Во-первых, с появлением стриминговых сервисов люди, кажется, утратили способность общаться через общепризнанные медиа продукты. По мнению Чайки, существует общее ощущение отчужденности людей друг от друга, в том числе и культурной: они живут в раздробленном мире ниш и субкультур, формируемом цифровыми медиа. Во-вторых, существует опасение, что под воздействием социальных медиа и алгоритмов стриминга культура становится все более гомогенной. То есть само воспроизводство ниш приводит к определенной степени однородности культуры, что можно обозначить термином «монокультура». В итоге можно отметить противоречивое положение дел: люди хотят иметь общие темы и культуру для дальнейшей коммуникации и повседневного общения, но при этом существует проблема тотальной гомогенности культуры как негативной черты современной цифровой медиакультуры. Вступая во взаимодействие с цифровой реальностью, человек, это изначально аналоговое существо, сталкивается с абсолютно новым состоянием. Как пишут Р. Хассан и Т. Сазерлэнд, одно из изменений современных медиа «подчеркивает новую и исторически беспрецедентную проблему для онтологии человека, исходящую от растущей вездесущности цифровых процессов – не только в сфере медиа, но и во всех аспектах жизни, которые колонизирует компьютер» [13].

Центральным тезисом данной статьи является утверждение о том, что монокультура – это качество, присущее цифровой медиакультуре. То есть любая партисипаторная и/или производительная творческая активность в цифровом

пространстве определяется самим цифровым пространством. Любой цифровой продукт никогда не перестает быть таковым и всегда будет частью цифровой последовательности. Цель данной статьи – систематизировать интерпретации термина «монокультура» до и после появления цифровых технологий, а также предложить собственное определение этого феномена.

Методологически мы опираемся на исследование медиакультуры Д. Келлнера. Это значит, что, теоретизируя о медиа и культуре, мы в первую очередь обращаемся к анализу конкретных феноменов современной цифровой медиакультуры [17, р. 5]. Мы также исходим из тезиса, предложенного Н.Б. Афанасовым: «Для современного мира базовыми способностями адаптации становятся готовность к изменениям, открытость к интерпретациям и устойчивость к неопределенности, способность жить вне традиции, которую не успевает ретрадиционализировать “ускоренная философия”» [2, с. 20], и поэтому предлагаем собственное понимание монокультуры и того, как с ней взаимодействует человек.

Что такое доцифровая монокультура?

Существует мнение, что последним текстом монокультуры был телесериал «Игра престолов» [15]. Почему «Игра престолов» – это часть монокультуры? Следуя за вышеупомянутым определением монокультуры, можно увидеть, что этот телесериал не только являлся частью телеиндустрии, но был ее локомотивом на протяжении 9 лет и 8 сезонов этого шоу. Так как этот телесериал был произведен американской телесетью НВО, то его можно назвать продуктом Голливуда, но при этом данный продукт вызвал ажиотаж по всему миру. Выход эпизодов этого телесериала становился новостью дня, а сами эпизоды обсуждались повсеместно на различных форумах, в комментариях к обзорам и в повседневных разговорах. Каждый эпизод становился событием, которое привлекало внимание множества людей. «Игра престолов» долгое время доминировала в популярной культуре и поэтому была монокультурой. Продукция с символикой телесериала стала продаваться в различных сувенирных магазинах, а драконы стали главной визитной карточкой шоу.

Необходимо признать, что подобное ощущение единения, создаваемое монокультурой, не появляется само по себе. В эру позднего капитализма и прогрессирующего консюмеризма

подобный успех является результатом усилий не только творческой группы, стоящей за сериалом или любым другим продуктом, но и группы маркетологов, которые смогли правильно выстроить кампанию по продвижению продукта. Еще одной значимой составляющей успеха проекта являются сами потребители. Важнейшая часть преобразования продукта культурной индустрии в культурный феномен – это успешная маркетинговая кампания и последующая повторная коммодификация. Это закрепление успеха первоначального продукта медиакультуры было ранее описано как «двойная коммодификация» [1, с. 40], которая включает в себя также и «добрую волю» и желания потребителя.

Для доцифровой монокультуры характерно испытываемое индивидом чувство причастности к множеству людей посредством потребления продукта культурной индустрии. Оно возникало, когда человек, включая телевизор, чтобы посмотреть свое любимое шоу, осознавал, что множество людей в это же время делают то же самое. Конечно, речь может идти не только о телевидении, но и о кинопоказах в кинотеатрах, разнообразных игрушках, плакатах и прочих событиях и вещах, содержащих отсылку к определенному продукту. Таким образом, монокультура – это еще и популярная культура, которая создана для потребления. Доцифровая монокультура довольно однообразна и лишена свободы выбора из-за строгой последовательности различных шоу в программе передач.

В классическом марксистском труде «Одномерный человек» [8] Г. Маркузе описывает опасность гомогенного общества пассивного потребления. Утрата критического мышления в нем порождает однородность мышления, что приводит к ограничению свободы и отчуждению индивида. Маркузе предполагал, что капитализм после Второй мировой войны становится возможным пережить лишь при использовании критической логики мышления, где свобода проявляется через активное восприятие различных феноменов. Тем не менее в развитых капиталистических обществах явление отчуждения приводит к формированию «одномерного» общества, лишённого разнообразия, закрытого для разносторонней мысли. В результате люди в условиях монотонной культуры постепенно теряют способность к сопротивлению и критическому мышлению. В подобной репрессивной социальной и культурной среде становится проблематичным само суще-

ствование свободы. При внешней способности общества удовлетворять потребности индивидов критические функции независимого мышления и свободной воли утрачиваются. Вопреки мнимому образу комфортного и разумного общества люди оказываются погружены в рутину. Однородность процесса потребления приводит к однородности людей, вытесняя из них все, что может сопротивляться этой системе. Люди в обществе потребления находят удовлетворение в текущем состоянии и наслаждаются ложным духовным благополучием, предоставляемым товарами.

Рассматривая историю развития культуры, можно заметить, что монокультура в ее историческом контексте часто концептуализируется как популярная культура. Эта форма культуры основывается на широко распространенных символах и идеях, которые проникают в массовое сознание и становятся общепризнанными. Однако с развитием технологий и появлением цифровой культуры понятие монокультуры приобретает новые нюансы. В цифровую эпоху монокультура предстает в своем «идеальном» состоянии. Это время, когда все аспекты медиакультуры, начиная с развлечений и заканчивая любой информацией, сливаются в единый цифровой поток. Цифровые платформы, такие как социальные сети, видеохостинги, стриминговые сервисы и интернет-магазины, предстают как обобщенная логика этой цифровой монокультуры. Одной из ключевых особенностей цифровой монокультуры является ее способность создавать единое цифровое пространство, в котором отдельные культурные выражения и контент объединяются под общим знаменателем и ассимилируются. Это может вести к потере культурного многообразия и индивидуальности, когда широкий спектр различных культурных проявлений уступает место единому стандарту или образцу. В эпоху цифровой культуры монокультура выступает в качестве доминирующего феномена, олицетворяющего объединение различных аспектов жизни в единую цифровую реальность.

В доцифровой монокультуре, как в популярной культуре, направленное на индивида потребление выходит на первый план. Обращая внимание на предыдущую монокультуру, мы замечаем определенный символизм самого потребления как процесса. Этот процесс предстает своеобразной добродетелью и избавлением от невзгод. Прекрасным примером является

медиафраншиза «Гарри Поттера». Потребление в мире «Гарри Поттера» олицетворяет важный аспект культурной динамики и пронизывает различные сферы жизни персонажей и читателей. В произведениях о Гарри Поттере потребление представлено как неотъемлемая часть магического мира, способствующая не только выживанию и комфорту, но и созданию идентичности. Однако, помимо магических товаров, в мире «Гарри Поттера» существует и потребление в более широком смысле. Например, любовь к сладостям, таким как тыквенное печенье или шоколадная конфета в виде живой лягушки, является частью культуры потребления и создает атмосферу аутентичности в мире «Гарри Поттера». Потребление в текстах о приключениях Гарри Поттера – это также часть социальной иерархии. Различные магические артефакты и предметы статуса, такие как галстуки с кольчужой и длинные плащи, выступают не только как символы принадлежности к определенной группе, но и как средства самовыражения и утверждения своего положения в обществе. Будущим студентам школы волшебства необходимо покупать даже волшебную палочку. При этом исследователи заметили и противоречия между тем, как описывается магический мир и какие ценности он пытается культивировать в читателях и зрителях. Несмотря на то, что автор книг о подростке-волшебнике продолжает критику классового неравенства, перенося Гарри из его жизни с семьей Дурсль в волшебный мир, она в значительной степени отказывается от критики материализма и потребления. В мире магии, в отличие от мира маглов, потребление кажется успешным и доставляющим удовольствие. Реклама магических товаров представлена аналогичными приемами, что и в мире маглов, и магические предметы часто оказываются полезными и эффективными. Это приводит к вопросу о том, является ли магическое потребление иллюзией или действительно эффективным средством улучшения жизни. Магические предметы являются частью демонстративного потребления в работах Дж. Роулинг. От невидимого плаща, позволяющего Гарри, Рону и Гермионе проникать в тайные места, до метлы, улучшающей навыки в квиддиче, магические предметы играют ключевую роль в развитии сюжета и характеров персонажей [23, р. 13–15].

Весь набор предметов, представленный в «Гарри Поттере» и находящийся в вымышленном мире, успешно переносится в мир насто-

ящий. После производства кинофильмов начались и продажи реплик предметов, которые видели зрители внутри Косого переулка. Всевозможные метлы, волшебные палочки и даже сладости стали товаром для потребления уже не только в волшебном мире, но и среди зрителей и читателей работ Дж. Роулинг. Даже шрам Гарри Поттера и его очки являются торговой маркой и символом, который легко распознать и впоследствии продать как товар, обозначающий принадлежность к этой медиафраншизе.

Схожим образом обстоят дела и с другой медиафраншизой доцифровой монокультуры – «Звездными войнами». Ярчайшим примером является самый главный ее символ – световой меч, важнейший артефакт в этой вселенной. Этот мифологический предмет представляет собой не только оружие, но и объект вождения, статуса и могущества. В мире «Звездных войн» световой меч является неотъемлемым атрибутом противоборствующих джедаев и ситхов, символизируя их силу, мастерство и борьбу за свои идеалы. С точки зрения потребления световой меч представляет собой идеальный продукт. Он является объектом желания не только для персонажей вселенной «Звездных войн», но и для фанатов за ее пределами. Масштабы продаж различных игрушечных и реплицированных версий светового меча, а также других сопутствующих товаров, демонстрируют его популярность как коммерческого продукта.

Используя вышеописанные примеры, можно предположить, что доцифровая монокультура – это скорее феномен популярной культуры, а не нечто отдельное от нее. То есть стратегии потребления доцифровой монокультуры уже были описаны ранее и попадают в теоретические рамки, предложенные такими исследователями, как Ж. Бодрийяр [3] и Ф. Джеймисон [5]. В связи с этим представляется удачным определение монокультуры, данное в эссе М. Эдмундсона: то, что приносит денежную прибыль, т.е. «монетарная культура». «Медиа в монокультуре никогда не должны оскорблять своих потребителей. Они отражают и усиливают общепринятые пристрастия; они не прилагают никаких усилий к тому, чтобы формировать их» [12, р. 35]. Доцифровая монокультура в этом смысле – это приглашение к потреблению.

Цифровая монокультура отличается от массовой и популярной культуры своей специфической привязкой к цифровому пространству. В то время как массовая культура характеризу-

ется широким распространением культурных продуктов среди большого числа людей посредством традиционных медиа, а популярная культура включает в себя элементы, которые становятся популярными и узнаваемыми в обществе, цифровая монокультура объединяет эти элементы в едином цифровом потоке. Это объединение осуществляется посредством алгоритмов и цифровых платформ, которые унифицируют опыт потребления. В условиях монокультуры выбор потребителя оказывается иллюзорным, т.к. он определяется предложениями алгоритмов, основанными на предыдущих предпочтениях и активности в сети.

Что такое цифровая монокультура?

Рассмотрим возможные теоретические курсы, которые могут быть применимы к современной цифровой монокультуре. На наш взгляд, двумя наиболее подходящими теориями являются диджимодернизм А. Кирби [18] и техно-феодализм Дж. Дин [6] и Я. Варуфакиса [22].

В случае диджимодернизма А.В. Павлов показывает, что важнейшим описательным аспектом современной культуры для А. Кирби является «псевдоаутизм» [9, с. 419–444]. Диджимодернизм и консюмеризм влияют на формирование «личных вселенных» современного человека при использовании новых цифровых технологий. Такого рода «личные вселенные» могут стать местом, в котором люди скрываются от социальных контактов и общения, что может вести к псевдоаутистическим чертам поведения. Такой социальный разрыв и отделение индивида от общества представляются опасностью, которую таит в себе цифровая монокультура.

Экономическая трактовка цифровой монокультуры содержится в упомянутой теории техно-феодализма, которая также связана с идеей о «капитализме платформ», предложенной Н. Срничеком [10]. Техно-феодализм предполагает, что современные финансовые институты и цифровые платформы используют механизмы контроля, подобные тем, что в свое время применяли феодалы, для перераспределения богатства в обществе от бедных к богатым. Подобные процессы создают новые формы экономической и политической власти, при которых установленные правила и законы выгодны преимущественно для тех, кто обладает этой властью. С точки зрения теоретических построений о

техно-феодализме можно сказать, что цифровая монокультура – это, скорее, набор данных, собранный, переработанный и использованный с целью получения ренты, что по иронии возвращает нас к аграрному определению термина. При этом можно пойти дальше и утверждать, что современным платформам важно именно «владеть» потребителем, как это было озвучено одним из генеральных директоров Netflix [21]. «Владеть» потребителем с точки зрения производителя всегда значило, что его продукт был лучшим на рынке и, таким образом, потребителю не оставалось ничего иного, кроме как обратиться к данному производителю. Мы же утверждаем, что в связи с цифровизацией цифровая идентичность является неотделимой от цифрового пространства настолько же, насколько аналоговый человек привязан к аналоговому миру, т.е. взаимодействуя в цифровом пространстве, мы находимся в нераздельной связи с цифровыми платформами.

Одновременно сложно не согласиться и с критикой техно-феодализма Е. Морозовым, который подчеркивает, что современные капиталисты и владельцы платформ не похожи на ленивых феодалов: напротив, они – люди, которые хотят получить максимальную прибыль и, следовательно, вкладывают силы и средства в развитие своих технологий получения данных [19]. Однако это не отменяет справедливости утверждения, что мы не можем отказаться от определенных цифровых технологий, если хотим участвовать в современной социальной жизни, и тем самым арендуем «общее достояние».

Опасения по поводу цифровой монокультуры исходят из идеи превращения медиакультуры в еще более гомогенную систему человеческой жизни. Например, социальные медиа способствуют формированию единой культурной линии, зачастую путем продвижения определенных трендов и идей через алгоритмические рекомендации. Это способствует формированию нишевых сообществ и сближению людей со схожими мыслями и интересами вопреки ограничениям физического пространства. И хотя преодоление разрыва с помощью современных средств коммуникации может быть оценено как положительный аспект, однако общей тенденцией является критика отсутствия какого-либо разнообразия. С культурной и социальной точки зрения цифровая монокультура скорее ограничивает связи между людьми, при

том что доцифровая монокультура имеет свою основу именно в социальности потребления.

Аргумент К. Чайки [11] следует довести до более радикального состояния: монокультура – это не алгоритмический рецепт или формула, которой следует цифровая медиакультура. Монокультура в цифровом пространстве – это процесс потребления цифровой медиакультуры, в котором цифровое пространство поглощает человеческое потребление, чтобы произвести другой идентичный продукт. Этот процесс кажется естественным для цифрового пространства, потому что мы оцифровываем себя. «Речь идет не о том, как цифровые технологии меняют нас, а о том, как мы меняемся сами и меняем друг друга теперь, когда живем в цифровом мире» [20]. Человек имеет почти бесконечную свободу выбора в цифровом пространстве, будь то выбор определенных платформ или отдельных продуктов медиакультуры, но, находясь в цифровой последовательности, этот выбор все равно замкнут сам на себе. Онтологически нет разницы между шоу от Netflix или НВО, т.к. оба они уже находятся в цифровом пространстве.

Нам кажется уместным использовать здесь для объяснения аналогию из фильма «Чужие среди нас» («They live», 1988) режиссера Дж. Карпендера¹. Цифровая монокультура – это те самые очки, которые главный герой, Джон Нада, надевает, чтобы увидеть скрытые в окружающей городской среде сообщения о «подчинении» и «потреблении». Только очки цифровой монокультуры – это способ входа в цифровое пространство: надев их, человек начинает формирование цифровой личности, что, конечно, не отменяет наличия скрытых сообщений общества потребления, доступных благодаря этим очкам. Интерпретируя фигуру главного героя, С. Жижек обращает внимание, что его фамилия в переводе с испанского означает «ничего», т.е. чистый субъект, так и в цифровом пространстве

¹ Этот фильм широко любим левыми теоретиками и критиками идеологии уже долгое время и кажется уже слегка «затертым» в рамках поиска различных смыслов. В нашем тексте мы не будем обращать внимание на его идеологическую составляющую, за этим читатель может обратиться к трудам С. Жижека, например, его документальному фильму «Киногид извращенца: Идеология» («The pervert's guide to ideology», 2013), и работе Е.О. Дегтярева [4], в которой автор скрупулезно пытается разобраться во всех теоретических тонкостях работ Карпендера с помощью метода Ф. Джеймисона [16].

каждый субъект формирует себя заново, отлично от аналогового мира.

Переходя от мира кино к реальности, следует вспомнить, что 2 февраля 2024 г. компания Apple выпустила свои очки смешанной реальности Apple Vision Pro. В скором времени появились видео, в которых люди используют довольно громоздкое устройство, передвигаясь по улицам и управляя им движениями рук в воздухе. На данный момент это выглядит довольно абсурдно, но, возможно, в скором времени такое поведение будет нормой. В таком случае, нам надо пойти дальше и сказать, что дословный перевод названия вышеупомянутого фильма – «Они живут» – более уместен. Цифровая жизнь равна аналоговой жизни, они не будут отличаться и, возможно, цифровая в скором времени будет доминировать.

На первый взгляд цифровое пространство кажется достаточно эгалитарным, но оно все-таки пока еще зависит от аналоговых технологий. После выхода Apple Vision Pro глава корпорации Meta Марк Цукерберг выпустил обзор на новый продукт его прямых конкурентов [14]. В обзоре он смог показать плюсы и минусы нового продукта Apple в сравнении с очками смешанной реальности своей компании – Quest 3. В итоге Цукерберг пришел к выводу, что его продукт не хуже по характеристикам, но при этом гораздо дешевле, чем у конкурентов, и в этом может убедиться любой человек. Соответственно, каждый потребитель все равно стоит перед выбором между схожими продуктами, при этом один из них принадлежит к более известному и популярному бренду. Из этого можно сделать вывод, что даже вход в достаточно эгалитарное цифровое пространство подчиняется логике демонстративного потребления.

Заключение

При взаимодействии с интернетом и участии в цифровой среде человек формирует свою цифровую идентичность и оставляет свой отпечаток в онлайн-пространстве. При этом аутентичной цифровой идентичности может и не существовать, т.к. цифровое пространство дает возможность создавать бесконечное множество идентичностей, которые в итоге являются в лучшем случае частичной репрезентацией человека, а в худшем – мнимой. В этом контексте он делает выбор относительно того, какую информацию потреблять, при этом различие заключается лишь в форме, в которой ему предо-

ставляется эта информация. Системы стриминга являются примером идеального воплощения цифровой информации, где алгоритмы эффективно создают непрерывный поток данных для последующего персонализированного потребления. В контексте цифровой монокультуры преобладающее влияние оказывают именно алгоритмы, которые формируют общий контекст и направление информационного потока. Цифровые платформы Google, Meta, Apple и др. – это цифровые «фермы» по выращиванию данных для последующего использования. Таким образом, цифровая монокультура не просто представляет собой поиск общего знаменателя через алгоритмы: сам алгоритм становится этим общим знаменателем, вокруг которого формируются предпочтения и интересы пользователей, их личные потоки информации, влияющие на общий цифровой ландшафт.

Опасения относительно гомогенности медиакультуры имеют под собой основания. Учитываемые постоянные обновления GPT-моделей и их новые возможности по замене человеческого труда, они могут привести к непредсказуемым последствиям. Цифровая монокультура – это не только общность предпочтений отдельных групп людей, а онтологическое условие цифрового пространства. То есть участие в создании или потреблении цифровой медиакультуры в любом виде монотонно, оно равно само себе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов В.А. Цифровой капитализм: к проблеме потребления медиакультуры в XXI в. // Вопросы философии. 2024. № 1. С. 37–46.
2. Афанасов Н.Б. Ускоренная рефлексивность – депрессивная социальность // Логос. 2023. Т. 33. № 6. С. 1–27.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика; Культурная революция, 2006.
4. Дегтярев Е.О. Темные фигуры. Социально-философский анализ фильмов Джона Карпентера. М.: Издательский дом ВШЭ, 2023.
5. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.
6. Дин Д. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. Т. 29. № 6. С. 85–116.
7. Егоров В.Е. Монокультура // Большая советская энциклопедия. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/077/869.htm>
8. Маркузе Г. Одномерный человек // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный

человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2002. С. 251–515.

9. Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Дело, 2019.

10. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский дом ВШЭ, 2019.

11. Chayka, K. Can monoculture survive the algorithm? URL: <https://www.vox.com/the-goods/2019/12/17/21024439/monoculture-algorithm-netflix-spotify>

12. Edmundson, M., 2009. Notes on the monoculture. *The Massachusetts Review*, Vol. 50, no. 1/2, pp. 34–44.

13. Hassan, R. and Sutherland, T., 2017. *Philosophy of media*. New York: Routledge.

14. Heath, A. After trying the vision pro, Mark Zuckerberg says Quest 3 «is the better product, period». URL: <https://www.theverge.com/2024/2/13/24072413/mark-zuckerberg-apple-vision-pro-review-quest-3>

15. Herman, A. The very last piece of the TV monoculture. URL: <https://www.theringer.com/2017/7/12/16078066/game-of-thrones-hbo-tv-monoculture-535f73ad5014>

16. Jameson, F., 2002. *The political unconscious: narrative as a socially symbolic act*. London; New York: Routledge.

17. Kellner, D., 2020. *Media culture: cultural studies, identity, and politics in the contemporary moment*. London; New York: Routledge.

18. Kirby, A., 2009. *Digimodernism: how new technologies dismantle the postmodern and reconfigure our culture*. New York: Continuum.

19. Morozov, E., 2022. Critique of techno-feudal reason. URL: <https://newleftreview.org/issues/ii133/articles/evgeny-morozov-critique-of-techno-feudal-reason>

20. Rushkoff, D., 2013. *Present shock: when everything happens now*. New York: Current.

21. Thompson, B., 2024. An interview with Netflix co-CEO Greg Peters about strategy and execution. URL: <https://stratechery.com/2024/an-interview-with-netflix-co-ceo-greg-peters-about-strategy>

22. Varoufakis, Y., 2024. *Technofeudalism: what killed capitalism*. Brooklyn: Melville House.

23. Waetjen, J. and Gibson, T.A., 2007. *Harry Potter and the commodity fetish: activating corporate readings in the journey from text to commercial intertext*. *Communication and Critical/Cultural Studies*, Vol. 4, no. 1, pp. 3–26.

REFERENCES

1. Anisimov, V.A., 2024. Tsifrovoy kapitalizm: k probleme potrebleniya mediakul'tury v XXI v. [Digital capitalism: to the problem of media culture consumption in the XXIst century], *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 37–46. (in Russ.)

2. Afanasov, N.B., 2023. Uskorennaya reflektivnost' – depressivnaya sotsial'nost' [Accelerated reflexivity – depressive sociality], *Logos*, Vol. 33, no. 6, pp. 1–27. (in Russ.)

3. Baudrillard, J., 2006. *Obschestvo potrebleniya* [The consumer society]. Moskva: Respublika; Kul'turnaya revolyutsiya. (in Russ.)

4. Degtyarev, E.O., 2023. *Temnye figury. Sotsial'no-filosofskii analiz fil'mov Dzhona Karpentera* [Dark figures. Socio-philosophical analysis of John Carpenter's films]. Moskva: Izdatel'skii dom VShE. (in Russ.)

5. Jameson, F., 2019. *Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or the Cultural logic of late capitalism]. Moskva: Izd-vo Instituta Gaidara. (in Russ.)

6. Dean, J., 2019. Kommunizm ili neofeodalizm? [Communism or neo-feudalism?], *Logos*, Vol. 29, no. 6, pp. 85–116. (in Russ.)

7. Egorov, V.E. *Monokul'tura* [Monoculture]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/077/869.htm> (in Russ.)

8. Marcuze, H., 2002. *Odnomernyi chelovek* [One-dimensional man]. In: Marcuze, H., 2002. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek: issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva*. Moskva: AST, pp. 251–515. (in Russ.)

9. Pavlov, A.V., 2019. *Postpostmodernizm: kak sotsial'naya i kul'turnaya teorii ob'yasnyayut nashe vremya* [Postpostmodernism: how social and cultural theories explain our time]. Moskva: Delo. (in Russ.)

10. Srnicek, N., 2019. *Kapitalizm platform* [Platform capitalism]. Moskva: Izdatel'skii dom VShE. (in Russ.)

11. Chayka, K. Can monoculture survive the algorithm? URL: <https://www.vox.com/the-goods/2019/12/17/21024439/monoculture-algorithm-netflix-spotify>

12. Edmundson, M., 2009. Notes on the monoculture. *The Massachusetts Review*, Vol. 50, no. 1/2, pp. 34–44.

13. Hassan, R. and Sutherland, T., 2017. *Philosophy of media*. New York: Routledge.

14. Heath, A. After trying the vision pro, Mark Zuckerberg says Quest 3 «is the better

product, period». URL: <https://www.theverge.com/2024/2/13/24072413/mark-zuckerberg-apple-vision-pro-review-quest-3>

15. Herman, A. The very last piece of the TV monoculture. URL: <https://www.theringer.com/2017/7/12/16078066/game-of-thrones-hbo-tv-monoculture-535f73ad5014>

16. Jameson, F., 2002. The political unconscious: narrative as a socially symbolic act. London; New York: Routledge.

17. Kellner, D., 2020. Media culture: cultural studies, identity, and politics in the contemporary moment. London; New York: Routledge.

18. Kirby, A., 2009. Digimodernism: how new technologies dismantle the postmodern and reconfigure our culture. New York: Continuum.

19. Morozov, E., 2022. Critique of techno-feudal reason. URL: <https://newleftreview.org/>

issues/ii133/articles/evgeny-morozov-critique-of-techno-feudal-reason

20. Rushkoff, D., 2013. Present shock: when everything happens now. New York: Current.

21. Thompson, B., 2024. An interview with Netflix co-CEO Greg Peters about strategy and execution. URL: <https://stratechery.com/2024/an-interview-with-netflix-co-ceo-greg-peters-about-strategy>

22. Varoufakis, Y., 2024. Technofeudalism: what killed capitalism. Brooklyn: Melville House.

23. Waetjen, J. and Gibson, T.A., 2007. Harry Potter and the commodity fetish: activating corporate readings in the journey from text to commercial intertext. *Communication and Critical/Cultural Studies*, Vol. 4, no. 1, pp. 3–26.

*Статья поступила в редакцию 06.05.2024;
рекомендована к печати 21.05.2024*

В.С. Коробейников*

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОИЧЕСКОЙ ЭТИКИ:
ТРИ НАПРАВЛЕНИЯ

В статье анализируется состояние современных исследований, фокусирующихся на этике стоицизма, среди которых выделяются исследования по истории стоической философии, современный стоицизм и популяризация стоических идей. Автор приходит к выводу, что единство указанных направлений исследования стоицизма просматривается прежде всего в возрождении интереса к стоической рефлексии, в попытках реконструкции образа счастья, соответствующего стоическим установкам, и адаптации этих установок к современной научной картине мира.

Ключевые слова: история философии, Античность, этика, стоицизм, современный стоицизм

Three trends in modern studies of Stoic ethics. VADIM S. KOROBEGINIKOV (Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia)

The article analyzes the state of modern research focusing on the ethics of Stoicism, among which are studies in the history of Stoic philosophy, modern Stoicism and the popularization of Stoic ideas. The author concludes that the unity of these areas of Stoic studies can be seen primarily in the revival of the interest in Stoic reflection, in the attempts to reconstruct the image of happiness corresponding to Stoic attitudes, and the adaptation of these attitudes to the modern scientific picture of the world.

Keywords: history of philosophy, Antiquity, ethics, Stoicism, modern Stoicism

Современный интерес к античной философии, наблюдаемый от Ф. Ницше до современных философов, обусловлен поиском ответов на вызовы, стоящие перед цивилизацией сегодня. Особое внимание уделяется рефлексивным установкам и симптомам цивилизационного кризиса, что связано с ощущением «умаления» человека в экзистенциальном и культурном плане. Современный кризис схож с ситуацией, возникшей в период становления эллинистической философии, когда человек впервые осознал себя как часть Космоса, Универсума. Переход от полиса к империи, а также доми-

нирование культуры над природой привели к потере человеком ощущения смысла и своего места в мире. В условиях глобализации данная проблема снова актуальна, и человек в поиске ответов обращается к философским традициям древности. Один из каналов возвращения интереса к стоической этике в современный дискурс – психология, а точнее – психотерапия.

В данной статье мы рассмотрим направления современных исследований стоической этики и попытаемся ответить на ряд вопросов. Во-первых, что служит предметом исследований со-

* КОРОБЕЙНИКОВ Вадим Сергеевич, магистрант Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, korobeinikov.vs@dvfu.ru

© Коробейников В.С., 2024

временных историков философии стоицизма? Во-вторых, кто он – современный стоик?

На сегодняшний день зарубежная антиковедческая традиция развита преимущественно в Великобритании и США, в меньшей степени – во Франции, Германии, Италии. Иными словами, зарубежные авторы главным образом представлены аналитической историко-философской традицией. Среди тех, кто специализируется на эпохе эллинизма, стоит особо выделить три имени – Э. Лонг, Дж. Селларс и Г. Сэдлер.

Э. Лонг, почетный профессор классической филологии и философии Калифорнийского университета в Беркли, известен многочисленными публикациями по истории стоической философии. В одной из поздних работ [15] исследователь анализирует не просто видение Диогеном Лаэртским идей Зенона Китийского, но и то, какие этические концепции философа он выдвигает на первый план, а о каких умалчивает. Как отмечает Э. Лонг, Зенон написал «Политею» под влиянием своего первого учителя, киника Кратета: многие его предложения несут на себе печать кинического презрения к общепринятым ценностям, отстаивая «природу» как надлежащий этический стандарт [15, р. 250]. Исследователь стремится показать трансформацию рефлексии Зенона, движение его образа мыслей от кинического к стоическому, а также выявить причины, обусловившие эту трансформацию.

Другой видный исследователь стоицизма – Дж. Селларс, преподаватель философии Королевского колледжа Холлоуэй Лондонского университета. Одна из недавних публикаций Дж. Селларса посвящена Марку Аврелию и традиции духовных упражнений [19]. Стремясь показать, как в «Размышлениях» складывается практика постоянного внимания к принципам, автор вводит понятие «духовные упражнения» и рассматривает его использование Гаем Музонием Руфом и Сенекой. В конце он приходит к выводу, что «Размышления» – это идиосинкразическая и неполная книга, состоящая из серии духовных упражнений на темы, которые были особенно важны для Марка Аврелия в тот или иной момент. Не стоит искать в ней полный отчет обо всех возможных духовных упражнениях стоического философа, а тем более о теоретических принципах, на которых эти упражнения основаны.

Другой исследователь, Г. Сэдлер, адъюнкт-профессор Института искусства и дизай-

на Милуоки, выступил редактором третьего и четвертого тома [18] четырехтомного издания «Стоицизм сегодня», представляющего собой сборник эссе, которые изначально публиковались в популярном блоге Stoicism Today. В частности, в четвертом томе были опубликованы эссе, посвященные размышлениям о стоицизме в повседневной жизни, дискуссиям о древнем и современном стоицизме, а также материалы онлайн-симпозиума «Стоицизм и женщины». Работы Г. Сэдлера создаются в жанре, как выразился бы Р. Рорти, рациональной реконструкции, который в свою очередь комбинируется с реконструкцией исторической.

Среди современных российских историков философии стоит выделить трех специалистов, чьи научные интересы связаны со стоицизмом: А.А. Столяров, П.А. Гаджикурбанова и А.С. Степанова.

А.А. Столяров является автором множества работ, однако для нас наибольший интерес представляет его фундаментальный труд «Стоя и стоицизм». В нем исследователь, используя массу ранее не привлекавшегося отечественными антиковедами материала, предпринимает попытку охватить не просто школу стоицизма, а в целом стоический дискурс. А.А. Столяров предлагает трактовать стоицизм более широко – как понятие, которое обозначает сложившийся на протяжении полутора тысяч лет своеобразный стиль рефлексии над содержанием стоических догм и, по преимуществу, стиль практических моральных наставлений [12, с. 6]. Таким образом, и в российской традиции антиковедческих исследований возможно обнаружить проблематику, заданную П. Адо. Более того, свою главную задачу автор видел в реконструкции наиболее полной истории школы. История стоицизма видится им как история многих представлений, взглядов, обоснований относительно стоицизма [12, с. 9]. Чрезвычайно интересен выполненный А. А. Столяровым в эпилоге исследования анализ развития стоицизма после античности – в периоды Средних веков, Ренессанса, Нового времени и начала Новейшего времени [12, с. 323–352]. Автору удалось показать, что взгляд на стоицизм как на терапевтическое учение приобрел большую значимость уже в начале XX в.

Крайне интересна работа П.А. Гаджикурбановой «Этика Ранней Стои: учение о должном» [2]. Исследовательница продолжила тематическую традицию А.Г. Гаджикурбанова,

изучавшего философию Марка Аврелия [1]. Этическая доктрина Ранней Стои была проанализирована исследовательницей сквозь призму понятий «τὸ καθήκον» (надлежащее действие) и «τὸ κατόρθωμα» (нравственно-правильное действие). Они же в свою очередь характеризуют два аспекта моральных поступков и соответствующих им принципов долженствования. Особое внимание автор уделяет проблеме соотношения данных понятий, порождающей многочисленные споры и различные интерпретации стоической этики [2, с. 5]. Данные понятия могут выступить в качестве стержневых, интегральных в процессе реконструкции философии стоицизма; стоит подчеркнуть, что в англоязычной антиковедческой традиции подобный опыт отсутствует. В этих понятиях и характере их соотношения сфокусирована специфика этического учения Ранней Стои, и в то же время с ними непосредственным образом связаны его ключевые проблемы: соотношение высшего блага и относительных ценностей, естественно-природного и добродетельного в человеческой деятельности, моральной мотивации и предметного содержания поступка и ряд других [2, с. 6]. П.А. Гаджикурбанова подчеркивает экзистенциальное значение философии данной школы, ориентированной на поиск человеком своего места в мире и тем самым достижение счастья.

В монографии А.С. Степановой «Философия Стои как феномен эллинистическо-римской культуры» [11] сделан акцент на антропологии Стои и трансформации картины мира стоических философов. Эллинистический человек осознал и пытался осмыслить факт своего пребывания в мире. У стоических мыслителей это нашло отражение в повышенном внимании к тому, «что во власти человека», и в актуализации понятия ответственности [11, с. 344]. Таким образом, кризис социально-политической системы полиса способствовал не просто росту внимания к этическим вопросам, но и возвращению к установке «познай самого себя». Именно это сближает стоиков с досократиками. Обращение к самому себе, а не платоновский диалог стало откровением, произошла трансформация восприятия человеком самого себя через текст.

В своей концепции мироздания стоическая философия приближается к идее проективного отображения, предполагающей восприятие мира как системы взаимосвязей, отношений и свойств разной степени сложности. Эта систе-

ма содержит в себе творческое начало, которое приводит к формированию всех существующих элементов и связей. Таким образом, стоики представляют мир не как набор изолированных сущностей, а как динамическую систему, где каждый элемент взаимозависим и взаимосвязан с другими [11, с. 345]. Пространство – это не локация, а обширное поле, в котором столь важно установить устойчивую ориентацию. С новой картиной мира возникло пространственное, перспективное зрение. Она предполагала существование многократно умноженной беспредельности [11, с. 348]. Трансформации в ментальности, которые фиксируются исследовательницей, привели к формированию исторического сознания [11, с. 349], что также является следствием антропологизма философии стоиков. Этика стоиков фактически является полноценным учением о человеке, философской антропологией. Достижение счастья для стоиков – не просто достижение благой жизни: это суть человеческой жизни как таковой. Это объясняет и любовь Ф. Ницше к стоицизму, и саму его философию как симптоматизацию европейского нигилизма.

Следует также отметить ряд публикаций других специалистов в данной области в ведущем российском журнале по античной философии и антиковедению «ΣΧΟΛΗ». А.В. Серегин в статье «Стоицизм и невозможность социальной морали» рассматривает вопрос о том, насколько оправдана критика стоического ригоризма, существующая в некоторых кругах антиковедения и утверждающая невозможность образования социальной морали в силу ригористичности стоической этики. Автор оспаривает однозначность такой позиции и оценивает правомерность данной критики [20, р. 74–75].

В другой статье тот же автор приходит к заключению, что тезис Хрисиппа о несправедливости (тот, кто причиняет вред и несправедливость другим, тем самым причиняет их себе) сложно трактовать однозначно. Он связан с другим тезисом Хрисиппа: всякая несправедливость есть причинение вреда тем, кто ее терпит. А.В. Серегин отмечает, что в этом случае ему приходится объяснять, как может несправедливый человек причинять вред другим, если с точки зрения стоиков неморальный вред вообще не существует, а моральный вред человеку может причинить только он сам [21, р. 454–455].

С.С. Демина в своей статье заключает, что размышления Сенеки о нравственном совер-

шенствовании, в т.ч. самосовершенствовании взрослого человека, привели его к необходимости затронуть и вопросы воспитания детей [4, с. 234]. Более того, экспликация этики воспитания детей раскрывает состоявшийся синтез римской традиции и стоической философии, акцентируя практическую пользу, которую способна принести философия [4, с. 235].

Другой автор, Р.Б. Галанин в своей статье подчеркивает, что стоики, «не делая различия между греками и варварами», рассматривали все города ойкумены как одинаковые. Всякий город входит в Космополис, агломерацию множества городов, и, как следствие, стоики говорили не о множестве городов, но о городе в единственном числе [3, с. 302]. Более того, полис стоиков – это «планетарное сообщество, представляющее собой единство живой, неживой, социальной, человеческой и нечеловеческой природы», это бог, «а бог – это большое тело, которому, как и всякому телу, не чуждо все телесное» [3, с. 303].

Молодой исследователь стоической философии А.А. Санжеников посвятил свое исследование рассмотрению связи между представлениями стоиков о моральном прогрессе и их учением о космополисе. Это учение требует от потенциального гражданина мира достижения морального совершенства, т.е. успешного завершения процесса морального прогресса, однако, как отмечает автор, сама стоическая концепция морального прогресса является проблематичной в силу того, что «стоики отрицали качественное различие между порочными людьми и полагали, что все проступки равнозначны» [9, с. 59]. Для решения этой проблемы стоики разработали модель морального прогресса, включающую две стадии: в рамках первой осуществляется постепенное развитие, а вторая характеризуется внезапными качественными изменениями, которые могут происходить неосознанно [9, с. 68]. В другой статье, написанной в соавторстве с Д. К. Масловым, исследователь отмечает, что скептики критиковали стоическую философию как догматическую систему, полагая, что опровержение ее центральных положений автоматически дискредитирует всю систему. Приписывая стоикам сильную метафизическую позицию, они утверждали, что практический разум полностью зависит от теоретического. Однако критика скептиков стала катализатором эволюции стоицизма, побудив стоиков уделить больше внима-

ния практическому компоненту своего учения и более осторожно подходить к взаимосвязи эпистемологии и этики [10, с. 232–233].

Исследования российских историков стоической философии преимущественно фокусируются на этических проблемах и их взаимосвязи с вопросами воспитания и организации социально-политической жизни. Хотя физика и логика также нередко выступают предметом изучения, они играют менее значимую роль по сравнению с этикой. Эта тенденция отражает современный интерес к этическому аспекту стоицизма, в частности – к практическому приложению стоической этики.

Однако параллельно с исследованием стоицизма возникает тенденция к реанимации самой стоической философии на ее античном идейном базисе. Где же коренятся истоки современного стоицизма? Его генезис удачно, на наш взгляд, проследил вышеупомянутый Э. Лонг. В своем докладе на конференции Stoicon (2018) он указал, что в Великобритании и США в 1950-е гг. стоицизм считали неинтересным в качестве академической философии. Более того, и в практическом применении стоическая рефлексия казалась примитивной по сравнению с современными на тот момент этическими и научными положениями. Однако исследования П. Адо способствовали формированию тенденции рассматривать философию стоицизма (равно как и всю античную философию) в качестве обоснованного руководства по существованию человека в мире. Более того, Э. Лонг отмечает и своевременное появление интереса к стоицизму в 1980-е – 1990-е гг., когда окончание Холодной войны и трансформация двухполярного мира ознаменовали собой начало непостоянного, динамичного нового мира, в котором жизнь обычного человека подвержена экзистенциальной нестабильности [16].

Как видим, возрождение стоицизма в современном мире связано в первую очередь с необходимостью поиска ответа на вопрос «Как человеку справиться с чувством беспомощности и уязвимости перед лицом быстро меняющегося мира?». Схожее положение дел, как мы помним, в свое время сыграло важную роль в формировании эллинистической философии, происходившем на фоне трансформации политического мира, а вместе с ним – и жизненного мира человека. И, подобно тому, как умы античных мужей интересовали вопросы не только этики, но и физики и логики, современный

стоицизм также фокусируется на схожих проблемах.

Ведущий представитель современного стоицизма Л. Беккер в своей монографии отмечает, что в силу изменившейся научной картины мира и природы человека важно не просто приспособить стоические положения к реальности, но и не обходить вниманием даже те положения, которые противоречат современной физике. Свою философскую программу он начинает со следующего тезиса: существуют определенные аспекты античной стоической философии, которые могут быть потеряны в рамках современного миропонимания, в частности – концепция *τέλος*. Эта концепция предполагает, что естественный мир представляет собой систему, имеющую конечную цель (*τέλος*), к достижению которой нас направляет практический разум [13, р. 6]. Устранение концепта *τέλος* с учетом современной физической картины мира тем не менее не означает, по мнению Л. Беккера, что человеческая жизнь перестает быть устремленной к какой-либо цели. Так, он отмечает, что стоическая этика, следующая традиции эвдемонизма, предполагает, что все люди должны стремиться к благой, счастливой жизни. Из этого, однако, не следует, что они должны стремиться к какой-то одной конкретной версии благой жизни или же упрямо следовать лишь той версии, к которой они выбрали стремиться изначально [13, р. 20–21].

В современном стоицизме усиливается акцент на стойкости человека, но она интерпретируется не как умение достигать четко установленную цель, но как гибкость самого человека и его этики. В экстремальной ситуации человек не знает свою точную проекцию в будущем, но точно знает настоящее и учитывает худшие сценарии возможного будущего. Человек готов к изменчивости, и в этом – залог его счастья и путь достижения стойкости. Добродетельная жизнь – это процесс создания единого пространственно-временного объекта – жизни [13, р. 21]. Таким образом, работа Л. Беккера представляет собой попытку вновь обратиться к онтологическому основанию в современной философии с целью выведения в переосмысленной форме новой стоической этики.

Другой представитель современного стоицизма, У. Ирвин, продолжая логику работы Л. Беккера, более подробно разрабатывает этические положения стоиков, которые переосмысливаются в психологическом и экзистенциальном

аспектах и адаптируются к современным открытиям в области естественных и гуманитарных наук. Краеугольным камнем этики позднего стоицизма является принцип, условно обозначаемый У. Ирвином как принцип дихотомии контроля. Суть ее заключается в следующем: сделать своей целью желание того, чем проще всего обладать, и в идеале желать лишь те вещи, в обладании которыми мы можем быть уверены [14, р. 85]. Как отмечает А.С. Павлов, речь в большей степени идет о наших эмоциональных реакциях на отсутствующие, но желаемые нами вещи [7, с. 45]. Иными словами, важно учитывать соответствие своих возможностей перспективам их реализации. Необходимо также принимать во внимание наличие как собственных возможностей и желаний, так и возможностей объекта, который с большей вероятностью доступен для реализации. Все это необходимо для формирования картины собственного счастья. При этом важно осознавать изменчивость и отсутствие конечной цели в собственном существовании. Для античного стоицизма такое положение вещей представляется абсурдным, в то время как для современного стоицизма оно является нормой. В связи с этим возникает вопрос: если мир изменчив и все в нем случайно, то как гарантировать достижение счастья? Этот вопрос ведет нас к следующему пункту.

Существуют сомнения по поводу возможности отнести наши стремления и желания к категории вещей, над которыми мы имеем полный контроль. Вместо этого предлагается поместить их в категорию вещей, над которыми мы имеем некоторый, но не полный контроль, или (в ряде случаев) в категорию вещей, над которыми у нас вообще нет контроля [14, р. 90]. В этой связи У. Ирвин предлагает расширить исходную дихотомию до трихотомии, включив в нее также категорию вещей, не полностью зависящих от нашей воли [14, р. 92]. Таким образом, в достижении счастья учитывается случайность. Мы смещаем свой взор на возможные варианты, отличающиеся друг от друга различными высказываниями о конкретной вещи или действии.

Немаловажным является и положение об интернализации целей. Придерживаясь такого взгляда на вопрос о границах нашего влияния, пишет У. Ирвин, римские стоики призывали изменить сам предмет нашего целеполагания. Например, стоики могли бы посоветовать мне заботиться о ком-то, но при этом моя цель не

должна лежать вовне (сделать так, чтобы кто-то ценил меня в ответ), она должна быть внутренней (по мере своих сил и возможностей быть с кем-то в совместном счастье) [14, p. 96].

Другими словами, счастье – это то, что есть прежде всего в самих людях, но никак не в вещах и не в изменчивом мире – вселенной, не имеющей своего логоса и телоса. Такая позиция усиливает понимание добродетельной жизни, развиваемое Л. Беккером, т.к. «само-стояние» выражается прежде всего в нашем взгляде на мир и на собственное счастье. Процесс достижения счастья вечен, всякое же утилитарное отношение изменчиво, т.к. зависит от условий, обстоятельств. Однако в случае со стоическим отношением к вещам мы говорим о соразмерности человеческих возможностей и достижения счастья.

Не обошлось и без критики гедонистической установки относительно достижения новых удовольствий. У. Ирвин считает, что «достижение нового удовольствия не может сделать нас подлинно счастливыми, поскольку само движение от одного удовольствия к другому потенциально бесконечно» [7, с. 45]. Выход из этой ситуации он видит в умении довольствоваться актуально имеющимся, о котором говорили римские стоики, советовавшие нам проводить время, воображая, как мы теряем все, что нам ценно [14, p. 68].

Таким образом, мы видим, что современный стоицизм пытается адаптироваться к новым научным реалиям, давая те или иные рецепты для разрешения экзистенциальных проблем и цивилизационного кризиса в целом.

Ведущими популяризаторами стоических идей сегодня выступают две международные организации, имеющие свои представительства в т.ч. и в России: «Modern Stoicism» и «The Stoic Fellowship».

Организация «Modern Stoicism» ведет свою историю от семинара под названием «Stoicism Today», который начал работу в октябре 2012 г. в стенах Экстерского университета (Великобритания) и был посвящен проблеме применения стоической философии в современных условиях. Затем участники семинара, в число которых в основном входили философы и психотерапевты, продолжили совместную работу с целью поиска ответа на вопрос, что стоицизм как образ жизни может предложить современному человеку. Именно это и стало в итоге миссией данной организации [17].

Ключевыми ценностями организации провозглашены:

- инклюзивность (организация приветствует всех, независимо от религиозных взглядов или оценки стоической философии);

- информированность (организация стремится распространять информацию от экспертов, авторов и ведущих ученых, а также предоставляет площадку широкой общественности для обмена опытом применения стоицизма в повседневной жизни);

- доказательность (организация реализует научное изучение стоицизма и его преимуществ);

- доступность (организация стремится сделать теорию и практику стоиков доступными для всех, избирая подходящие форматы изложения) [17].

В координационный комитет данной организации входит 15 человек, часть из которых – ученые-антиковеды, часть – популяризаторы. Среди последних – Дж. Стоув, К. Коромилас, Ф. Янов, Б. Полат, Е. Ричес, М. Пильюччи. «Modern Stoicism» не просто способствует распространению идей стоицизма и их переосмыслению в контексте вызовов современности. Ее участники разрабатывает практики, которые мы могли бы назвать терапевтическими, они превращают стоические идеи в ядро своих ценностных подходов и учат людей со всего мира применению подобных практик.

Члены другой организации, «The Stoic Fellowship», также считают, что сегодня важно популяризировать идеи стоицизма и делиться своей рефлексией по поводу произведений стоиков. Свою миссию они видят в содействии созданию, развитию и объединению сообществ стоиков по всему миру. В целом данная организация придерживается тех же принципов и ценностей, что и «Modern Stoicism», однако она ориентирована на создание более широкого сообщества, включающего не только просвещенных лиц, но и простых людей, живущих в соответствии со стоическими установками, т.е. своего рода социальной сети приверженцев стоицизма, готовых делиться своими соображениями, дискутировать и рефлексировать совместно [22].

«The Stoic Fellowship» основывает свою деятельность на соблюдении трех дисциплин, соотносимых с четырьмя основными добродетелями:

- дисциплина разума (соответствует добродетели мудрости и подразумевает объективное мышление и стремление к знаниям);

– дисциплина желания (соответствует добродетелям умеренности и мужества и подразумевает уравновешенность и самодисциплину);

– дисциплина действия (соответствует добродетели справедливости и подразумевает честность и благодетельность) [22].

На российской почве популяризацией стоических положений активно занимается Станислав Наранович, организатор московского лектория «Стоикон». Так, в одном из подкастов, записанных в 2022 г., он вместе с ведущими обсуждает вопросы о том, почему в мире вырос интерес к стоицизму и как он помогает противостоять современным вызовам, что такое «скорбь от размышлений» и почему практики self-help здесь ни при чем [6].

В интервью популярному portalу «Такие дела» С. Наранович отмечает важность такого аспекта стоической этики, как самодисциплина. Стоическая философия, акцентируя внимание на личном самосовершенствовании, может рассматриваться как индивидуалистическая, однако такой подход затеняет ее социальное измерение. В античной философии, начиная с Сократа, забота о себе и забота о других традиционно рассматривались как взаимосвязанные и неразделимые аспекты морального развития [8]. В интервью, взятом у философа М. Пильюччи, С. Наранович затрагивает тему стоических добродетелей. В ходе обсуждения собеседники, в частности, выясняют, что стоическое утверждение о добродетели как высшем благе требует уточнения. Добродетель является инструментальным благом, т.е. она ценна не сама по себе, а как средство достижения других целей. В отсутствие внешних факторов, например, на необитаемом острове, практика добродетели не имеет смысла. Аналогичным образом умеренная жизнь в изоляции может быть полезна для здоровья, но лишена более глубокого смысла. Практика добродетели обретает смысл только в контексте межличностных отношений. Она должна быть направлена на других людей, чтобы иметь моральное значение [5].

Таким образом, некоторое единство трех направлений исследования стоицизма просматривается прежде всего в возрождении интереса к стоической рефлексии, в попытках реконструкции образа счастья, соответствующего стоическим установкам, и адаптации этих установок к современной научной картине мира. Зарубежные ученые делают акцент на исследовании физических и этических категорий Поздней Стои,

российские же историки стоической философии на данный момент сосредоточили свои интересы вокруг положений Ранней Стои. Объединяет и зарубежных, и отечественных исследователей развитие интеллектуальной традиции П. Адо. И, конечно же, нельзя не заметить сегодня активное развитие популяризации стоицизма как в России, так и за рубежом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаджикурбанов А.Г. Марк Аврелий: опустошение реальности // Вестник древней истории. 2000. № 4. С. 21–40.
2. Гаджикурбанова П.А. Этика Ранней Стои: учение о должном. М.: ИФ РАН, 2012.
3. Галанин Р.Б. Концепция бога Эраста в философии Ранней Стои // СХОЛН. 2023. Т. 17. № 1. С. 287–303.
4. Демина С.С. Философский подход Сенеки к воспитанию детей // СХОЛН. 2021. Т. 15. № 1. С. 228–236.
5. Наранович С. Добродетель как инструмент для хорошей жизни. Интервью с философом Массимо Пильюччи о сильных и слабых сторонах современного стоицизма. URL: <https://knife.media/massimo-pigliucci/>
6. Наранович С. Стоицизм и гражданская жизнь. URL: <https://podcast.ru/e/0viZGMe77Hx>
7. Павлов А. С. «Аналитическая» ветвь современного стоицизма: Л. Беккер, У. Ирвин, М. Пильюччи // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 1. С. 33–52.
8. Полихович А. Как античная философия учит заботиться о себе и других. URL: <https://takiedela.ru/2021/08/filosofiya-uchit-zabotitsya-o-sebe/?ysclid=lx4d2wnzck322767517>
9. Санженаров А.А. Проблема морального прогресса и стоический космополитизм // Этическая мысль. 2021. Т. 21. № 1. С. 59–70.
10. Санженаров А.А., Маслов Д.К. Стоическая теория действия и ее скептическая критика // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6. № 2. С. 209–237.
11. Степанова А.С. Философия Стои как феномен эллинистическо-римской культуры. СПб.: Петрополис, 2012.
12. Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М.: Ками Групп, 1995.
13. Becker, L.C., 1999. A new stoicism. Princeton: Princeton University Press.
14. Irvine, W.B., 2008. A guide to the good life: the ancient art of Stoic joy. Oxford: Oxford University Press.

15. Long, A.A., 2018. In and out of the Stoa: Diogenes Laertius on Zeno. In: Bryan, J., Wardy, R. and Warren, J., 2018. *Authors and authorities in Ancient Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 242–262.

16. Long, A.A., 2018. Stoicism ancient and modern. URL: <https://modernstoicism.com/stoicisms-ancient-and-modern-by-tony-a-a-long/>

17. Modern Stoicism. URL: <https://modernstoicism.com/about-us/>

18. Sadler, G., 2022. Publication announcement: Stoicism today: selected essays. Vol. 4. URL: <https://modernstoicism.com/publication-announcement-stoicism-today-selected-essays-volume-4/>

19. Sellars, J., 2023. Marcus Aurelius and the tradition of spiritual exercises. In: Garani, M., Konstan, D. and Reydams-Schils, G., 2023. *The Oxford handbook of Roman philosophy*. New York: Oxford University Press, pp. 74–86.

20. Seregin, A., 2019. Stoicism and the impossibility of social morality // ΣΧΟΛΗ, T. 13, № 1, pp. 58–76.

21. Seregin, A., 2020. On Stoic self-contradictions: ἀδικεῖν vs. βλάπτειν in Chrysippus (SVF III, 289) // ΣΧΟΛΗ, T. 14, № 2, pp. 448–455.

22. The Stoic Fellowship. URL: <https://stoicfellowship.com/mission.html>

REFERENCES

1. Gadzhikurbanov, A.G., 2000. Mark Avrelii: opustoshenie real'nosti [Marcus Aurelius: the devastation of reality], *Vestnik drevnei istorii*, no. 4, pp. 21–40. (in Russ.)

2. Gadzhikurbanova, P.A., 2012. *Etika Rannei Stoi: uchenie o dolzhnom* [Early Stoic ethics: the doctrine of the proper]. Moskva: IF RAN. (in Russ.)

3. Galanin, R.B., 2023. Kontseptsiya boga Erota v filosofii Rannei Stoi [The concept of the god Eros in Early Stoic philosophy], ΣΧΟΛΗ, Vol. 17, no. 1, pp. 287–303. (in Russ.)

4. Demina, S.S., 2021. *Filosofskii podkhod Seneki k vospitaniyu detei* [Seneca's philosophical approach to parenting], ΣΧΟΛΗ, Vol. 15, no.1, pp. 228–236. (in Russ.)

5. Naranovich, S., 2023. Dobrodetel' kak instrument dlya khoroshei zhizni. Interv'yu s filosofom Massimo Pil'yuchchi o sil'nykh i slabykh storonakh sovremennogo stoitsizma [Virtue as a tool for a good life. An interview with philosopher Massimo Pigliucci on the strengths

and weaknesses of modern Stoicism]. URL: <https://knife.media/massimo-pigliucci/> (in Russ.)

6. Naranovich, S., 2021. *Stoitsizm i grazhdanskaya zhizn'* [Stoicism and civil life]. URL: <https://podcast.ru/e/0viZGMe77Hx> (in Russ.)

7. Pavlov, A.S., 2021. «Analiticheskaya» vetv' sovremennogo stoitsizma: L. Bekker, U. Irvin, M. Pil'yuchchi [The «analytical» line of the modern Stoicism: L. Backer, W. Irvine, M. Pigliucci], *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, Vol. 5, no. 1, pp. 33–52. (in Russ.)

8. Polikhovich, A., 2021. *Kak antichnaya filosofiya uchit zabotitsya o sebe i drugikh* [How ancient philosophy teaches us to take care of ourselves and others]. URL: <https://takiedela.ru/2021/08/filosofiya-uchit-zabotitsya-o-sebe/?ysclid=lx4d2wnzzk322767517> (in Russ.)

9. Sanzhenakov, A.A., 2021. Problema moral'nogo progressa i stoicheskii kosmopolitizm [The problem of moral progress and Stoic cosmopolitanism], *Eticheskaya mysl'*, Vol. 21, no. 1, pp. 59–70. (in Russ.)

10. Sanzhenakov, A.A. and Maslov, D.K., 2022. *Stoicheskaya teoriya deistviya i eyo skepticheskaya kritika* [The Stoic theory of action and its skeptical critique], *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, Vol. 6, no. 2, pp. 209–237. (in Russ.)

11. Stepanova, A.S., 2012. *Filosofiya Stoi kak fenomen ellinisticheskoro-rimskoi kultury* [Philosophy of Stoa as a phenomenon of Hellenistic-Roman culture]. Sankt-Peterburg: Petropolis. (in Russ.)

12. Stolyarov, A.A., 1995. *Stoya i stoitsizm* [Stoa and stoicism]. Moskva: Kami Grup. (in Russ.)

13. Becker, L.C., 1999. *A new stoicism*. Princeton: Princeton University Press.

14. Irvine, W.B., 2008. *A guide to the good life: the ancient art of Stoic joy*. Oxford: Oxford University Press.

15. Long, A.A., 2018. In and out of the Stoa: Diogenes Laertius on Zeno. In: Bryan, J., Wardy, R. and Warren, J., 2018. *Authors and authorities in Ancient Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 242–262.

16. Long, A.A., 2018. Stoicism ancient and modern. URL: <https://modernstoicism.com/stoicisms-ancient-and-modern-by-tony-a-a-long/>

17. Modern Stoicism. URL: <https://modernstoicism.com/about-us/>

18. Sadler, G., 2022. Publication announcement: Stoicism today: selected essays.

Vol. 4. URL: <https://modernstoicism.com/publication-announcement-stoicism-today-selected-essays-volume-4/>

19. Sellars, J., 2023. Marcus Aurelius and the tradition of spiritual exercises. In: Garani, M., Konstan, D. and Reydams-Schils, G., 2023. The Oxford handbook of Roman philosophy. New York: Oxford University Press, pp. 74–86.

20. Seregin, A., 2019. Stoicism and the impossibility of social morality // ΣΧΟΛΗ, Т. 13, № 1, pp. 58–76.

21. Seregin, A., 2020. On Stoic self-contradictions: ἀδικεῖν vs. βλάπτειν in Chrysippus (SVF III, 289) // ΣΧΟΛΗ, Т. 14, № 2, pp. 448–455.

22. The Stoic Fellowship. URL: <https://stoicfellowship.com/mission.html>

*Статья поступила в редакцию 22.11.2023;
рекомендована к печати 11.07.2024*

